

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 11–12 2020
November – December**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 11–12 2020 (November – December)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results. Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Study of art

Искусствоведение

UDC 7.036.1

DOI: 10.29013/AJH-20-11.12-3-8

S. M. KRYKBAYEVA¹,G. A. ABDURAKHMANOVA¹,Z. M. ERMAGANBETOVA²¹ Kazakh National Women's Teacher Training University² Teacher, Palace of Schoolchildren named after Al-Farabi

CONTENT ARCHETYPES AND IMAGES IN THE WORKS OF SURREALISTS ARTISTS OF MODERN KAZAKHSTAN

Abstract

Objective: analysis of artistic images and archetypes that define Kazakh national traditions in the work of contemporary Kazakh surrealist artists.

The research methodology assumes the unity of such methodological approaches as cultural-philosophical, comparative analysis method, and generalization method.

Results: A scientific and artistic analysis of the works of contemporary Kazakhstani surrealist artists has been carried out. Almost all the works of the surrealists are aimed at revealing the deepest secrets of the human soul. They shook everyone's inner self and allowed them to look their fears and ghosts straight in the eye. This is one of the reasons why interest in the work of the surrealists is still growing. In the era of modern globalization, when the country seeks to rethink its original culture and form a national idea and ideology, one of the most pressing problems of the modern era is the study of the origins and nature of our national traditional art.

Scientific novelty lies in the fact that the concept of "surrealism" is represented to the beyond, located somewhere in the deepest layers of the unconscious of each individual, as "a universal feature that permeates all that exists and exists before the appearance of humanity. The important structural features of the concepts "shanyrak", "mazar", "balbal" in traditional art in relation to Kazakh culture are analyzed.

Practical significance: the main results and conclusions of the paper can be in lecture materials, at seminars and practical exercises in higher humanitarian educational institutions.

Keywords: art criticism, archetypes, symbolism, tradition, culture, image, surrealism.

For citation: Krykbayeva S.M., Abdurakhmanova G.A., Ermaganbetova Z.M. Content archetypes and images in the works of surrealists artists of modern Kazakhstan // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 11–12. – P. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-3-8>

Introduction. The name of the avant-garde movement in art and literature of the first half of the twentieth

century, surrealism comes from the French word «surréalisme», which literally means over or over realism.

It appeared in the 20s of the last century in France. Initially, this direction appeared in literature, later it covered painting, sculpture and other forms of art. The goal of the followers of the ideas of surrealism was to create completely new sets of images by completely freeing the deep forces of their subconscious.

Surrealism, as an artistic movement in philosophy and art, has aroused great interest in society since its inception, and such interest was primarily related to the topics raised by surrealists. Philosophy, art or the real sciences: life, death, time, memory, war, love — these topics are always relevant for all areas of humanity and worldview. Therefore, a lot of scientific and artistic research has been devoted to the direction of surrealism and the works and works of its representatives. It is true that Surrealism has had a great impact on the development of world culture and art, as well as scientific art criticism of this phenomenon in art has undoubtedly contributed to the formation of artistic tastes of the new wave of artists. Today, the work of young and talented artists is combined with modern painting and traditional classical art. In recent years, new artistic forms and genres have emerged, a high level of aesthetic language, including modern methods, national traditions and views, and modern artistic styles, including approaches to the aesthetics of surrealism [1, p. 247–252].

For the first time, an attempt is made to present the connection between science and art through surrealism. It is shown that it is the super-reality that is the product of genius — the concept of the eternal, like the universe itself, and genius is the connecting link between the super-real and objective reality. A genius person is a gift of the super-real, and no scientist is capable of creating a genius or establishing a clear classification of a genius person.

Modern trends in Kazakhstan's painting expand the range of themes, enrich the artistic language, contribute to the search for national values and spirituality, and today have opened new directions based on the national worldview, forming a language different from the language of art of other nations. In modern painting, national themes, traditional customs, concepts and myths are formulated in a new way. Modern painting in Kazakhstan differs from modern European art in the development of methods inherited from traditional painting in new ways, in the creative freedom achieved during the years of independence, and in a wide range of directions and quests based on national traditions and world contemporary art.

The basis of the deep and unique phenomena in the fine arts of Kazakhstan is accumulated in the ethnoculture of the nation, that is, it arises from the traditional historical worldview of the Kazakh people. The original idea and stable core of the Kazakh culture, which has survived to this day, and the influence of national identity and national consciousness, which is the basis of spirituality, have become an influential source of guidance and spiritual culture for modern art.

Consideration of the native culture of the peoples of the world, including the fine arts, which have formed into an ethnos to this day, through the own worldview of those ethnic groups, determines their archetype. Archetype means «argy tup» in the Kazakh language. The archetype is reflected in the worldview and mythology of each nation. The plot line of mythology, the similarity of themes and ideas in different peoples is its universality, and the difference is its uniqueness. For example, the main concept in the fine arts of the ethnic groups living in the mountains is the height, while in coastal countries the main theme is the abyss. And the main world outlook of the Kazakh people living in the vast steppe is closely connected with space. According to the well-known art critic Raikhan Ergaliyeva, the original images recognized as archetypes in the fine arts can be divided into three groups:

1. Universal-continuum (space, being, space, time, etc.)
2. Anthropological and axiological (life, life, traditions, national values, etc.)
3. Mythological-theological (mythical cognition, the first religious beliefs, religion) [2, p. 182].

Speaking of archetypal features of the Kazakh national worldview, first of all, the original images of the Kazakh national culture are «Space», «Steppe», «Road», «Mother Earth», «Tengri», «Ru and tribe», «Moon and Sun»». Second, the national way of life, arising from the peculiarities of life, migration, animal husbandry, hunting, customs, traditions, household appliances, especially the shanyrak, had an archetypal character. Thirdly, the nature of the world, the forces of nature, the mysteries of nature, and religious beliefs are rooted in ancient mythological beliefs and are intertwined with the worship of deities, the heavens, the sun, and fire, and Islam. However, in the Kazakh national culture, the archetypal images of these three groups are often reflected in the form of images that are permanently connected with each other.

Let's take an ordinary Kazakh yurt as an example. Today, researchers of the national worldview say that the yurt is a simple model of the nature of the world in terms of cognition. The fact that the house is spherical and the roof is circular is a symbolic symbol. And when the Kazakh people had a great respect for the shanyrak, it was probably a sign of worship of the Sun. Therefore, the frequent appearance of the image of the shanyrak in the works of Kazakh artists can be explained by the fact that before the beauty of appearance and everyday necessities depict the archetypes of the ancient worldview.

Shanyrak, tundyuk, toono (Bashk. Sagyrak; Chuv shanärkä, Kazakh shanyrak, Kyrgyz tunduk, Bur., Mong. Toono) — a structural element crowning the dome of the yurt in the form of a lattice cross inscribed in a circle. Shanyrak is of great symbolic significance for Kazakhs. It is a symbol of home, home, procreation, so it is no coincidence that the shanyrak is depicted on the emblem of modern Kazakhstan. Shanyrak was a family heirloom, passed down from generation to generation, the kara shanyrak of his father's yurt was revered by his sons as a shrine. In serious cases, the Kazakh swore, looking at the shanyrak [3, p. 234–229].

And now, the comparison of shanyrak and the sun in modern Kazakh art is a clear manifestation of the recognition of these archetypes. For example, the comparison of the Kazakh yurt with the surrounding world in the work of the artist *Kulbay Aitbai* «Bereke-Birlik» is an example of a comparison of its real and symbolic appearance. One of the clearest manifestations of the archetypal image of sun worship in modern art is the image of the «Sun» on national flag of the Republic of Kazakhstan. The reason why it is supported in the public aesthetic consciousness and meets modern tastes and requirements is that the permanent signs are reflected in the collective unconscious. One of the most revered archetypes of the Kazakh people, along with the Sun, is the Moon. It is usually a symbol of unattainable, flawless, pure and proud beauty. In Kazakh mythology, the nature of the world consists of three parts: the sky, the earth's surface and the underworld. As a rule, the sky is the abode of good, the subsoil is the abode of evil, and the earth is the abode of the two. *Guzybek Akpanbek*, an artist who has analyzed this archetype, believes that another common archetypal image is a bird sitting on the right hand of an ordinary balbal stone — the Sky, a bowl in his left hand — Water or Underground, and the man in the image of a balbal — a symbol of life on Earth. In addition,

the equations «Blue — Father» and «Earth — Mother» have a special place in nomadic culture. One of the main archetypes of Kazakh art is the theme of heroism in the protection of the Motherland from the evil enemies of the sky [4, p.215].

One of the most common permanent personal images in modern Kazakh fine arts is the Mother Archetype. In the Kazakh sense, the concept of «Mother» is a very sacred and sacred concept. Therefore, its anthropological image was transformed into a theological version and became clear in the form of Umai-ana. Umai was the goddess of the Mother Earth, the benefactor of the Kazakhs, the patron saint of procreation in the mythology of the ancient Turkic peoples, the goddess of abundance. Transformed into the position of «Mother Nature» in the modern archetypal view, taking its archetypal initiative as a protector and patron of fire from such equations as «Earth — Mother, Heaven — Father». Therefore, the image of Mother, which began with Umai Ana, has become a symbol of respect for women and mothers in modern Kazakh art. For example, the image of the mother in the painting «*Domalak Ana*» by the artist Baseback Akanaev is similar to the image of Umai ana, the guardian of the Kazakh hearth and its strength, the patron saint of the young mother [5, p. 488]. One of the anthropologically and axiologically stable features is the traditions of life, ie the principles of customs and traditions. This is the archetype that is often seen in the desire to return to our modern national spiritual identity and revive it. The theme of most Kazakh artists is connected with this archetype. The issue of Death and Life in the traditional Kazakh worldview is one of the constant themes in modern art. It is natural that this process, which is more stable than the public consciousness and the unconscious, has a clearer place than art [6, p. 496].

In the works of Kazakh artists, death is depicted not through human corpses, but mostly through mazars and balbal stones.

Mazar (arab. — a place of pilgrimage, worship), for Muslims a religious building over the tombs of saints. The tradition of building mazars has long been widespread in the Muslim countries of the Middle East, Central, South and Southeast Asia [7, p.548]. Mazars are the most outstanding monuments of our glorious history, our instructive stones from the past.

Balbal is a monument in the form of a man carved from a stone, which is often found in the ancient Turkic era. The word *balbal* consists of two words: bal + bal,

which means «beat», «forging». But this concept has a common meaning. In the opinion of Turkologists, this means «signs fixed to the stone. «Ethnocultural customs of Balbala were unique in the ancient Turkic period (VI–IX centuries). Balbal is one of the most semantically significant components of ritual complexes dedicated to the ghost of the troupe. Their construction is a way to honor the memory of the dead and raise the monument [8].

A steppe sculpture carved out of balbal stone, which is a ghost or a witness to history, is a monumental image that is often found in the works of Kazakh artists of all periods. The image of the balbal stone is a symbolic image of the ancestral spirit, and sometimes even perceived as a canon that characterizes the «Kazakh spirit» of the steppe, glorifying the inseparable image and true picture of the Kazakh Sahara. Therefore, its transformation into a stable and unchanging canon in traditional art is evidenced by the transformation of archaic sculpture into modern art.

In terms of the development of national trends in painting and conceptual art, the genre, stylistic positions and original authorial aspirations of modern art in Kazakhstan are of particular interest to the traditions of ancient nomads, which defines painting as a new segment of visual culture conveying philosophical and poetic ideas. This artistic direction includes the connection between realistic and surrealist tendencies and nomadic archaics, European modernism and postmodernism. Especially of great interest are the creative pursuits of *E. Tolepbay*, *B. Tulkiev*, *A. Kazgulov*, which define the emotional freedom achieved by overcoming internal obstacles and liberation from the harsh regimes and pressures of antiquity, whose work is based on traditional mythology, ancestral heritage, nomadic tribes, man, nature and space. It is based on the worldview of communication and reflects on the past. Kazakh artists gradually began to move to the language of abstraction and symbols, stylistically changing them. The work of *A. Zhantasov*, *E. Zhumanov*, *Zh. Kairambaev*, *A. Begalin*, which touches on topical issues related to the moral and ethical issues of modern society and ecology, stands out with its unique artistic style and spiritual and philosophical depth, derived from the aesthetics of surrealism.

Continuity in the art of the XXI century has opened up many opportunities for creative pursuits. Today, modern artists have mastered many styles and techniques of execution and are exploring new methods through various experiments, complicating the language of modern

painting and creating and developing traditional and non-traditional styles typical of the postmodern era in modern art using a variety of visual materials. Different artistic principles began to appear in Kazakhstani painting, for example, in the works of *B. Tulkeev* very complex psychological themes, the works of *E. Zhumanov* — mystical visual compositions, the compositions of *Zh. Kairambaev* are full of improvisation, the works of *A. Zhantasov* are characterized by chaotic visual solutions. *E. Tolepbay's* painting consists of expressive formalism, which reflects the inner forces of nature and the human soul through artistic and plastic forms. Almost all of these artists still make disciples and directly contribute to the formation of artistic taste and aesthetic vision of the new generation of Kazakh artists.

Serik Tainov, a graphic artist and master of the brush, who was at the forefront of Kazakhstan's surrealism and is currently writing works in the field of mystical realism. The main themes in the work of the artist *Serik Tainov* are steppe motifs, beautiful landscapes of our vast land, the image of the galloping Tulpar, which is an archetype in Kazakh art, the aesthetics of ancient jewelry, handicrafts, fairs and the simple life of ordinary people engaged in animal husbandry. dedicated to customs, traditions and history. *Serik Tainov* connects the fantastic plots in his paintings with the colorful scenes of the native land and vivid memories of his childhood. The author's works consist of phantasmagoric images, surrealist motifs. For example, in the painting «Seven Treasures» *Serik Tainov* depicts a Kazakh girl who combines beauty and decency, shyness, a sable and an eagle, which have long been the main attributes of hunting culture, a horse revered by the Kazakh people, and a book with a weapon on his shoulder.

The main character is a Kazakh guy. These are the true values of people, and the artist shares the idea that these values should not be forgotten in each of his paintings. The ancient wisdom that «there can be no future for a nation that rejects history» is used by the artist as the credo of the beginning of his work. Another bright representative of modern Kazakh painting is *Bolat Turgunbay*. Metaphysical images in the artist's works are concentrated in the «unreal» surreal space, depicting such images, the artist seeks answers to spiritual and philosophical questions that have always been important for mankind. According to the artist, humanity is an integral part of space. *Bolat Turgunbay* called his direction in fine arts «Sana art» because of the central theme of his work.

The theme of space and cosmic consciousness in the artist's work occupies a special place in a number of works, meaningfully enriching each other due to conceptual ideas reflecting the results of the work of recent years. If you look closely at paintings with various geometric shapes, you can immediately notice that *Bolat Turgunbai* pays special attention to bright red, green, bright and vibrant colors. This may not be a coincidence. For example, an artist looking at space and the Earth as a whole wants to convince people who are constantly looking for their place in life that the network of millions of roads in endless space depends on the light inside them depicts a positive mood. The palette of warm colors evokes feelings of joy and wisdom in the heart. Light color is the color of kindness, kindness, joy. This is proof that the artist keeps away from aggression and evil. Any of these works is a metaphor for the assumption that if man and nature were in harmony, human civilization would flourish. He believed that if human consciousness were to co-exist with the laws of space, human civilization would be free from gross errors and would be able to open the door to great changes.

Conclusion. It is obvious that modern Kazakh art has begun to develop in three new directions: symbolic, conceptual and new realism. The richness of national archetypal images of the Kazakh people, their mythological and philosophical significance, the experience of intertwining centuries-old traditions and customs allow to translate traditional art processes in accordance with

modern requirements. and the characteristics of breadth of thought, content and species specificity.

Innovative artists, who took new directions, were able to turn the intuition of complex artistic perception into a masterpiece of art. Following the reins of true realism, in which all the trends of art are reflected, they managed to discover for themselves in a abstract way a new direction of surrealism. From their work we can recognize the imaginary nature of the past, present and future, which directly affects the consciousness through color, space, rhythm, and includes the integrity of time. Their works lead the viewer to solve unanswered riddles.

Surrealism helped to strike the strongest blows on the key postulates of the white masculine European Christian civilization and anticipated the project of a hypothetical other civilization, about which forecasters and diagnosticians of civilization at the end of the twentieth century are trying to reason. The point is not that beginning in the XXI century. a new phase in the development of civilization will have to become materialistic, savage and paranoid (for all its high technology): such conclusions would be extremely primitive and vulgar. The point is that the forecasts of *M. Berman*, *J. Deleuze* and a number of other thinkers regarding the «new enchantment» of the picture of the world (science, art and everyday consciousness), appearing at the end of the 20th century, largely restore those motives and postulates that were relevant to surrealism in the first half of the century.

References:

1. Bell Michael S. "Surrealism: An Alternative Approach: Veristic Attitudes in the Work and Writings of Contemporary Surrealists." – Leonardo. 1984. – P. 247–252.
2. Ergalieva R. A. Ethnocultural traditions in modern art of Kazakhstan. – Almaty, 2002. – 182. Print. (in Russian).
3. Bekmagambetov Sh. The concept of global space and its ways of representation in human language // Search. 2009. – No. 1. – P. 234–229. Print (In Kazakh).
4. Ensegenuly T. Background channels (archetypes) of the history of Kazakh literature: ... in the records of Russian travelers of the early 19th century. – Astana: Altyn kitap, 2007. – 215 p. Print (In Kazakh).
5. Orynbekov M. Tengriism in the Kazakh worldview // History of Philosophy. Twenty books. – Astana: Translation, 2006. – 14. T – 488 p. Print. (In Kazakh).
6. The worldview of the ancient nomads. Twenty volumes. 1. T. – Astana: Translation, 2005. – 496 p. Print. (In Kazakh).
7. Kazakh culture. Encyclopedic reference book. Almaty: Aruna Ltd. TOO, 2015. – 548 p. Print. (In Kazakh).
8. Kyzlasov L. R. On the meaning of the term "balbal" of ancient Türkic inscriptions // Türk. – M., 1966. TPA. – M.-L., 1969.

Information about the author

Sara M. Krykbayeva, Candidate of Art Criticism, Acting Associated Professor; Kazakh National Women's Teacher Training University.

Address: Republic of Kazakhstan, Almaty, Ayteke bi 99, 050010

E-mail: sarakm@yandex.ru; +87078202466;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3648-1419>

Galiya A. Abdurakhmanova, Senior Lecturer, Master, Kazakh National Women's Teacher Training University,

Address: Republic of Kazakhstan, Almaty, Ayteke bi 99, 050010

E-mail: galiya15.03.63@gmail.com; +87013764575

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1272-1705>

Zaira M. Ermaganbetova, Teacher, Palace of Schoolchildren named after Al-Farabi,

Address: Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan 010000

E-mail: zaira.ermaganbet@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0176-0549>

Pedagogy

Педагогика

УДК 378.1

DOI: 10.29013/AJH-20-11.12-9-19

Е. В. МЕНЗУЛ¹,С. В. ИВАНОВА¹,Н. М. РЯЗАНЦЕВА¹,¹ Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия

ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация

Цель: выявление основных проблем, сопровождающих процесс внедрения дистанционного обучения в систему профессионального образования, и определение путей их решения.

Методы: анализ психолого-педагогической литературы, обобщения, группировки данных.

Результаты: на основе анализа литературы выявили, что все группы проблем, связанные с внедрением дистанционного обучения в профессиональное образование, условно можно разделить на три группы: организационно-технические, методические, валеологические. Их решение лежит через раскрытие психолого-педагогических, педагогических и иных закономерностей общего и профессионального развития представителей «цифрового поколения» и создание, на их основе, условий, позволяющих формировать субъекта профессиональной деятельности, готового работать в цифровом формате.

Научная новизна: в статье определена методологическая основа внедрения дистанционного обучения в профессиональное образование — антропологический и куррикулумный подходы.

Практическая значимость: предложены компоненты цифровой образовательной среды, определено главное условие успешности внедрения дистанционного обучения в профессиональное образование — привлечение к нему работодателей и работа с ними в едином цифровом образовательном пространстве.

Ключевые слова: дистанционное обучение; цифровая образовательная среда; цифровые компетентности; ИТ-компетентности; чат-занятия; веб-занятия.

Для цитирования: Мензул Е. В., Иванова С. В., Рязанцева Н. М. Проблемы дистанционного обучения в профессиональном образовании и пути их решения // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 9–19. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-9-19>

Введение

Дистанционное обучение — новый вектор развития системы образования в целом, выступающий следствием информатизации и цифровизации социума. Его внедрение — большой прогрессивный шаг

вперед, который позволяет охватить в образовательном процессе большее количество обучающихся; обеспечить доступ к обучению, независимо от местонахождения и образовательных потребностей; создать единое мировое образовательное простран-

ство и подготовить будущих специалистов к работе на единой цифровой платформе.

Ретроспективный анализ развития дистанционного обучения показал, что с целью недопущения причины его неправильной организации из-за неверного понимания его содержания на первых порах ученые пытались провести грань между ним и заочной формой обучения. Так, первоначально одни ученые отождествляли эти две формы обучения (В. И. Овсянников, И. А. Тавгень, С. Щенников и др.), аргументируя тем, что обе реализуются без отрыва от производства [1–3]. Другие, опираясь на содержание каждой из этих форм, разводили их по нескольким критериям:

по индивидуальности и принципам организации: заочное обучение имеет общий учебный план, четкие сроки окончания учебного курса, последовательность изучения предметов и темп работы; дистанционное — предполагает реализацию индивидуального плана со сроками, устанавливаемыми студентом [4];

по интерактивности субъектов образовательных отношений, характерную для дистанционного обучения (Е. С. Полат) [5].

Сегодня проблема дистанционного обучения продолжает оставаться предметом исследования многих ученых (А. А. Ахаян, Д. М. Джусубалиева, А. Долгоруков, Н. Б. Евтух, М. Ю. Карпенко, Ж. Краев, С. П. Кудрявцева, В. М. Кухаренко, Е. С. Полат, Н. Г. Сиротенко, Е. М. Смирнова-Трибульская, П. В. Стефаненко, В. П. Тихомиров, О. В. Хмель, А. В. Хуторской, Б. И. Шуневич и многие другие) и к настоящему времени определены:

место дистанционного обучения в системе образования (В. И. Овсянников, Е. Б. Сергиенко, В. П. Тихомиров, С. А. Щенников);

проблемы и перспективы его реализации (А. А. Ахаян, В. В. Вержбицкий, J. Daniel, D. Keegun, В. С. Леднев, М. Moor, В. И. Овсянников, О. Peters, Е. С. Полат, В. П. Тихомиров, В. М. Филиппов, В. Holmberg, С. А. Щенников и др.);

образовательные технологии, необходимые и достаточные при изучении отдельной учебной дисциплины (М. П. Петрова, А. П. Рязанов);

особенности организации процесса дистанционного обучения в специфических условиях (С. Ю. Жидко) и т. д..

Однако, если ранее переход на дистанционное обучение детерминировалось только требованием времени и рассматривалось как замена традиционной

формы обучения, которая в полной мере не удовлетворяла запросы общества [6], то в настоящее время его актуальность усугубляется эпидемиологической обстановкой в мире и принимает более широкие масштабы.

В связи с этим активно продолжает разрабатываться нормативно-правовая база дистанционного обучения и в настоящее время рассматривается Законопроект № 957354–7 «О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в части определения полномочий по установлению порядка применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».

Основная часть

Процесс внедрения и реализации дистанционного обучения, как и любые нововведения, наряду с положительными результатами, сопровождается определенными проблемами и трудностями, которые условно мы разделили на следующие группы:

организационно-технические, влекущие за собой неготовность оборудования к организации дистанционного обучения, как в вузе, так и дома у студентов, как следствие, технические сбои, связанные с перегрузом интернет-ресурсов;

методические, связанные с недостаточной сформированностью цифровых компетенций педагогов, незнанием ими методик онлайн-преподавания;

валеологические, вызванные возросшей нагрузкой на студентов и преподавателей, следствием которых является ухудшение, как физического, так и психического здоровья.

Особо хотелось бы остановиться на профессиональном образовании, внедрение дистанционного обучения в которое вносит существенные изменения в образовательные цели и содержание. Становятся приоритетными формирование информационной грамотности — способности «решать стандартные задачи профессиональной деятельности с использованием информационных, библиографических ресурсов, медико-биологической терминологии, информационно-коммуникационных технологий, с учетом основных требований информационной безопасности» [7]; и умений работать с информацией (З. А. Адилов, И. Д. Зейналова) [8].

Обозначенные проблемы и целевые изменения подчеркивают необходимость в серьезных транс-

формациях системы профессионального образования, в рамках которого одновременно происходит подготовка специалиста к дальнейшей работе в дистанционном формате.

В нашем исследовании мы предлагаем пути решения проблем и варианты организации дистанционного обучения в рамках профессионального образования.

Решая группу организационно-технических проблем, необходимо обратить внимание на создание соответствующей цифровой образовательной среды (далее ЦОС).

Следуя авторитетному мнению О. В. Башириной, Ю. Г. Коротенкова, А. А. Кузнецова, Е. В. Огородникова, И. В. Роберт, Н. Б. Стрекаловой, Т. Н. Суворовой, А. В. Уварова, Е. В. Черновой, А. Б. Шимурзоевой структурные компоненты ЦОС должны быть представлены основным и вспомогательным модулями. При этом в первом ученые видят дифференциацию на субъектный и методический, а во втором — программный и технический блоки [9].

С точки зрения антропологического подхода ЦОС должна включать в себя ценностно-смысловой для осуществления целеполагания; программно-методический для обеспечения нормативно-правовой базы; информационно-знаниевый для формирования необходимых компетентностей; коммуникационный для обеспечения сотрудничества и взаимодействия; технологический для обеспечения материально-технической базой блоки (Е. В. Чернобай).

По авторитетному мнению Н. Б. Стрекаловой ЦОС должна обеспечивать планирование, методическую наполняемость, технологическую организацию самостоятельной работы студентов; с точки зрения О. В. Башириной — диагностику и коррекцию образовательной траектории обучающихся; с позиции А. В. Уваровой — соответствующими техническими средствами обучения в цифровой среде.

Приняв за основу проект «Цифровая образовательная среда», представленный в рамках национального проекта «Образование», а также на основе результатов, полученных при анализе психолого-педагогической литературы, мы считаем, что при организации ЦОС профессиональной образовательной организации необходимо включить в нее следующие структурные компоненты:

ценностно-смысловой, в рамках которого будет организована переподготовка педагогических кадров

в части осуществления профессиональной деятельности в цифровом образовательном пространстве и формирование цифровых компетенций у будущих специалистов;

нормативно-методический, регламентирующий деятельность профессиональной образовательной организации в рамках дистанционного обучения, а также обеспечивающий методической продукцией, необходимой для реализации дистанционного обучения;

информационный, включающий в себя информационные системы, сервисы, инструменты (MOODLE, 1С и т.д.), электронные учебники и пособия; образовательные платформы: Coursera, Арзамас, Лекториум, Универсариум, Стэпик, edX, ПостНаука и т.д.;

диагностико-коррекционный, позволяющий устанавливать динамику сформированности компетенций будущих специалистов, развития и личностных характеристик.

Решение группы методических проблем мы видим в поиске ответа на возникшее противоречие между необходимостью подготовки будущих специалистов к работе в условиях цифровой экономики и несоответствием образования самих преподавателей новым требованиям.

Меняются не только цели и содержание, но и сама роль преподавателя в образовательном процессе, где он выступает в качестве тьютера (А. Соболева) [10].

Актуализируются цифровые компетенции и система ИТ-компетентностей.

Цифровые компетенции, выступающие, с точки зрения компетентностного подхода (В. А. Болотов, А. А. Зимняя, В. В. Сериков, А. В. Хуторской, В. Д. Шадриков) [11], готовностью «применять информационно-коммуникационные технологии на основе овладения соответствующими компетенциями, включающими в себя систему знаний, умений, ответственности и мотивации [12], позволят будущему специалисту работать в цифровых библиотеках, проходить онлайн курсы повышения квалификации, свободно владеть цифровой образовательной средой.

Система ИТ-компетентностей представлена общепользовательским, общепедагогическим и предметно-педагогическим компонентами:

общепользовательский компонент, обеспечивает преподавателя возможностью использовать информационные ресурсы в качестве средств обучения;

общепедагогический — помогает трансформировать усвоенную и привычную методику преподавания

таким образом, чтобы она способствовала формированию субъекта профессиональной деятельности цифрового общества;

предметно-педагогический — позволяет расширить диапазон источников для подготовки современных занятий [13].

Меняются формы занятий, становятся востребованными веб- и чат-занятия, телеприсутствие, телеконференции и т.д..

Новые формы занятий, соответственно, влекут за собой и новые технологии и методики организации учебного процесса. Так, чат-занятия, проводимые с помощью чат-технологий, как правило, проводятся синхронно, что также вносит определенные изменения в используемые методы и приемы обучения. Веб-занятия, представляющие собой дистанционные уроки, конференции и другие формы учебных занятий, имеют длительный и асинхронный характер и требуют необходимой предварительной технической подготовки, а именно — создание соответствующей базы средств телекоммуникаций и других возможностей интернета.

Безусловно, при организации чат-занятий необходимо понимать, что существуют различные модификации их применения, например, становятся актуальными чат-школы, в которых функционируют чат-кабинеты; веб-форумы — форма работы по определенной теме с помощью записей, оставляемых на одном из сайтов со специальной программой и т.д..

Таким образом, решение методических проблем дистанционного обучения в профессиональной организации лежит через создание условий, способствующих, одновременно, подготовке преподавателей к осуществлению в новом цифровом-формате; формированию субъекта профессиональной деятельности в логике субъекта цифрового общества. Такими условиями выступают:

1. создание цифровой образовательной среды;
2. обеспечение всем субъектам образовательных отношений доступности информационно-цифровых ресурсов и максимальное использование цифровых технологий;
3. обеспечение одновременной подготовки как будущих специалистов к работе в условиях цифровой экономики, так и формирования цифровых компетенций у преподавателей вузов;
4. включение в качестве субъекта образовательных отношений не только студентов, преподавателей

и родителей, но, в первую очередь, работодателей.

При этом сама организация образовательного процесса, при сохранении ее структуры и содержания должна быть направлена на формирование цифровой культуры, как студентов, так и преподавателей, яркими проявлениями которой выступает грамотное использование открывающихся возможностей и способность встраиваться в информационную среду общества [14].

На основе результатов анализа содержания понятия «дистанционное обучение» обозначились задачи, которые необходимо решить для разрешения методических проблем его внедрения. Среди них:

1. создание материальной базы инфраструктурного назначения, укомплектованной цифровыми учебно-методическими материалами, новыми каналами связи и т.д.;
2. внедрение цифровых программ, применение искусственного интеллекта;
3. организация и расширение диапазона участников онлайн-обучения;
4. активное использование новых систем управления обучением (совершенствование АСУ, СУБД);
5. расширение границ дистанционного обучения, как студентов, так и преподавателей вуза;
6. обеспечение условий для работы в образовательных порталах;
7. подготовка и переподготовка педагогического коллектива к работе в цифровой образовательной среде.

Отметим, что актуальность темы дистанционного обучения профессионального образования и ее глобализм активизируют куррикулумный подход к его внедрению.

Анализ литературы (Ф. Боббит, С. Браславски, Д. Дьюи, Е. В. Зубарева, В. Келли, Дж. Керр, К. Корнблес, Х. Меллер, З. Робинзон, А. Стенхаус, В. А. Сухомлин, Р. У. Тейлор, К. Фрей и многие другие) позволил нам выделить основные принципы данного подхода, среди которых:

1. Дифференциация направлений различных профилей.
2. Целостность системы куррикулумов благодаря тому, что все они разработаны в соответствии с едиными терминологией, архитектурой, принципами.

3. Знаниеориентированность — основное содержание куррикулума составляет спецификация структуры и собственно объемов (сводов) актуальных знаний, соответствующих профилям подготовки.
4. Единая архитектура представления знаний в виде многоуровневой иерархической структуры — на верхнем уровне иерархии располагаются предметные области, которые подразделяются на модули знаний, последние в свою очередь разбиваются на темы, которые могут делиться на подтемы.
5. Концепция ядра (CORE) свода знаний — выделение минимально необходимого содержания для всех учебных программ, что способствует поддержке целостности образовательного пространства, мобильности учащихся, гарантирует заданный уровень качества базовой подготовки.
6. Четкая спецификация профессиональных характеристик профилей, целей и результатов обучения.
7. Включение рекомендаций методического характера по диверсификации направлений подготовки, составлению учебных планов, компоновки курсов из модулей знаний в соответствии с выбранной педагогической стратегией реализации учебной программы, организации профессиональной практики, реализации процессов обучения.
8. Включение описания примеров учебных программ в целом (куррикулов) и программ учебных курсов, разработанных и успешно реализуемых наиболее известными университетами.
9. Временное объединение разных организаций для разработки куррикулов, интеграция усилий академических, промышленных, коммерческих и правительственных организаций, ведущих специалистов образования и отрасли, что обеспечивает высокую степень доверия и высокий уровень консенсуса профессионального сообщества по отношению к стандартам куррикулов.

Именно акцент на проектирование, систематизацию и структурирование актуальных сводов знаний, а также на проектирование связанных с ними системы результатов обучения для различных направлений

подготовки, определяет перспективность данного подхода и целесообразность его применения в процессе формирования компетенций студентов [15].

Определяя методы дистанционного обучения в условиях профессионального образования, по-прежнему, остаются актуальными интерактивные методы. Они способствуют:

- организации равных возможностей и доступности профессионального обучения — инвалидов и лиц с ограниченными возможностями через организацию дистанционного обучения;
- самостоятельному поиску информации и реализации образовательных потребностей через практическую деятельность;
- ориентированию на доминирование познавательной активности студентов в процессе формирования профессиональных компетенций; моделированию жизненных ситуаций;
- решению профессиональных задач, согласно анализу возникающих обстоятельств и ситуаций.

Приоритет интерактивных методов в рамках дистанционного обучения обусловлен, предусмотренными им:

активным взаимодействием субъектов образовательных отношений при решении задач, в результате которого происходят изменения всех субъектов взаимодействия (М. В. Кларин, В. В. Николина, Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова и др.);

выстраиванием учебной деятельности в логике субъекта образовательной деятельности (В. В. Николина);

кооперация и сотрудничество в процессе обучения;

игровые формы обучения, способствующие проявлению обучающимися активности, аккумуляции и передачи социального опыта, самореализации личности обучающегося.

Немаловажной группой проблем, возникающих при внедрении дистанционного обучения, обусловлена отрицательной динамикой как физического, так и психического здоровья обучающихся. В нашем исследовании мы обозначили их, как группу валеологических проблем.

Так, статистика показывает снижение уровня развития эмоционального интеллекта у студентов профессиональных организаций, как следствие на-

рушения процесса общения. Здесь мы сталкиваемся с противоречием, с одной стороны, формируя цифровые компетенции, мы нацелены на создание условий для расширения взаимодействия всех субъектов образовательных отношений; с другой — при работе в рамках цифровой среды утрачивает свою силу перцептивная сторона общения; теряются экстралингвистические и звуковые характеристики речи (интонация, высота звука, тон и др.) [16]. Тогда как по данным известного австралийского психолога А. Пиза, в слове отражается только 7% смысла сказанного, в телодвижениях говорящего — 55%, экстралингвистике — 38% [17]. Все это порождает риск деградации речи, а так как речь органично связана со всеми психическими процессами, то последние также ставятся под угрозу, что влечет за собой безграмотность.

Все это, как было сказано выше, нарушает эмоциональный интеллект (Д. Гоулман) студента. В частности, утрачивается способность распознавать эмоции, как свои, так и своего собеседника, нарушаются саморегулятивные и эмпатийные умения, а также социальные навыки, что крайне важно для будущего учителя. Решая данную проблему, А. Афанасьев провел эксперимент, в результате которого было выяснено, что дети, которые пять дней провели без гаджетов лучше распознавали эмоции, чем дети, проводившие эти же пять дней с гаджетами [18].

Это далеко не весь круг проблем, связанных с внедрением дистанционного обучения. Во все времена под образованием мы понимали триединство обучения, развития и воспитания. В условиях дистанционного обучения, наряду с эмоциональным интеллектом, утрачивает силу воспитание, так как в его основе лежат общение и межличностное взаимодействие субъектов. Л. С. Выготский доказал, что воспитание происходит в процессе проживания и переживания «социальной ситуации развития». К такому умозаключению ученый пришел исходя из того, что сам процесс воспитания морально-нравственен и все принятые в обществе законы, постановления, нормы социального поведения усваиваются через опыт чувственного переживания человеком отношений между людьми.

Также остро встает проблема примитивизации компетенций, которая происходит из-за автоматизации рутинной работы, приводящей к атрофированию многих, заменяемых, но важных компетенций. Современный выпускник профессионального учебного заведения затрудняется выстраивать логические цепочки,

не может выстроить целостную картину мира, то есть идет нарушение функций мыслительных операций [19].

Дистанционное обучение существенно деформировало принципы индивидуального подхода в обучении. Первоначальная идея разработчиков данного подхода (Т. Д. Глейзер, А. А. Кирсанов, Я. И. Ковальчук, В. С. Мерлин, В. М. Монахов, Н. М. Шахмаев, И. Э. Унт, И. С. Якиманская и др.) заключалась в учете индивидуальных особенностей каждого обучающегося. В цифровом образовании индивидуальный подход носит негативный характер и приводит к изоляции одного обучающегося от другого и от педагога. Следствием этого, также как мы описывали выше, выступают:

- а) ещё больший отрыв обучения от воспитания;
- б) лишение обучающегося возможности полноценного психического развития.

Чтобы этого избежать в процессе организации дистанционного обучения необходимо соблюдать четкое соотношение и баланс между психологическими, физиологическими, педагогическими и методическими возможностями цифровой образовательной среды.

Важной проблемой дистанционного обучения является переход от знаковой системы, как формы представления информации в процессе цифрового обучения в колледже, к системе практических действий. Это происходит из-за логических расхождений действий, совершаемых на основе знаний и семиотической системы (Ю. М. Лотман). В результате выпускники профессиональных учебных заведений имеют хороший когнитивный багаж, но испытывают большие затруднения в применении этих знаний на практике. Вслед за Н. А. Рыбакиной мы считаем, что компьютер является мощным средством оказания помощи в понимании студентами многих явлений и закономерностей, но при этом порабощает ум, превращая его в набор заученных фактов и навыков [20].

Выход из этого положения ученые видят не в простом встраивании компьютера в традиционную дидактическую систему, а в разработке психолого-педагогической и педагогической теории, предусматривающей использование компьютера, как средства обучения с его возможностями получения, хранения, переработки и передачи информации.

Как показывает многолетняя практика, с дистанционным обучением обозначилась проблема компьютерной зависимости. В поисках решения проблемы уче-

ные сталкиваются с противоречием. С одной стороны, путь решения прост — исключение гаджетов из жизни обучающихся. С другой — избавление от современной техники ведет к упразднению процесса цифровизации, что невозможно в век цифровой экономики.

Анализ литературы по проблеме дистанционного обучения позволил нам сделать вывод о том, что причинами всех обозначенных проблем на современном этапе выступают, прежде всего, несоответствие уровня развития образовательной среды требованиям цифровой среды и имманентные недостатки системы дистанционного обучения.

Заключение

Таким образом, проблемы дистанционного обучения профессионального образования наметили ряд задач:

необходимо проведение фундаментальных и прикладных исследований, направленных на раскрытие психолого-педагогических, педагогических и иных закономерностей общего и профессионального развития представителей «цифрового поколения»;

главным направлением исследований должны явиться закономерности личностного развития человека в системе непрерывного образования;

особое внимание необходимо уделить организации воспитательного процесса, который на современном этапе «выпал» и не учитывается цифровизацией образования;

необходимо актуализировать исследования, направленные на выявление механизмов влияния разного рода контекстов на смысл воспринимаемой обучающимися информации;

необходимо серьезное повышение квалификации преподавателей, всех работников образования, а также родителей, в рассматриваемой проблемной области, соответствующее научно-методическое обеспечение деятельности педагога на всех уровнях системы непрерывного образования;

необходимо активизировать идеи образования «через всю жизнь», в котором обеспечивалось бы непрерывное развитие личности и индивидуальности каждого человека.

Список литературы

1. Овсянников В. И. Дистанционное обучение в России: миф или реальная перспектива // Педагогика. 1996. – № 3. – С. 117–118.
2. Тавгень И. А. Социально-экономические предпосылки организации национальной системы дистанционного образования // Современные компьютерные технологии в системах правовой информации: Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: Мн., 2002. – 139 с.
3. Щенников С. Дистанционное и заочное образование: антагонисты или партнеры // AlmaMater. 1999. – № 7. – С. 12–19.
4. Дмитриева В. Ф., Прокофьев В. Л., Самойленко И. П. Дистанционное обучение сущность и проблемы внедрения // Специалист. 1996. – № 11. – С. 37–40.
5. Полат Е. С. Теория и практика дистанционного обучения // Информатика и образование. 2001. – № 6. – С. 38–42.
6. Тарасенко О. С. Использование дистанционных методик в обучении иностранному языку в техническом вузе // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. – № 10. – С. 137–141.
7. Об утверждении федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело»: Приказ № 988 от 12.08.2020, с. 11. Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008270013?index=12&rangeSize=1/> (дата обращения 30.10.2020).
8. Зейналова И. Д., Адилов З. А. Специфика образовательного процесса в колледже в условиях информатизации образования // Вестник социально-педагогического институт. 2015. – № 4 (16). – С. 1–5.
9. Национальный проект «Образование» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: URL: <https://textarchive.ru/> 29.11.2019/ (дата обращения 04.11.2020).
10. Михайлова А. А. Цифровизация российского образования // Мир науки, культуры, образования. 2019. – № 5(78). – С. 354–357.
11. Меняйся или уходи. Цифровое образование бросает вызов преподавателям вузов. Режим доступа: URL: <http://www.poisknews.ru/theme/edu/31969/> (дата обращения: 15.10.2020).

12. Троянская С. А. Основы компетентностного подхода в высшем образовании. – Ижевск: Удмуртский университет, 2016. – 176 с.
13. Солдатова Г. У. Цифровая компетентность российских педагогов // Психологическая наука и образование. 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 5–18.
14. Картукова А. А. Цифровая образовательная среда как фактор профессионального развития педагога // Цифровая образовательная среда: новые компетенции педагога: Сб. материалов участников конф. – СПб.: Международные образовательные проекты. 2019. – 132 с.
15. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. – № 8. – С. 107–113.
16. Десять цифровых компетенций, необходимых учителю и преподавателю. Режим доступа: URL: <http://inoo.omstu.ru/content/desyat-cifrovyyh-kompetency-neobhodimyyh-uchitelyu-i-prepodavatelyu/> (дата обращения 30.10.2020).
17. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. – М.: Ай Кью, 1992. – 189 с.
18. Афанасьев А. Цифровизация образования, все минусы электронной школы. Режим доступа: URL: <https://vc.ru/flood/43800-cifrovizatsiya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoy-shkoly-cto-budet-s-detmi/> (дата обращения 06.11.2020).
19. Устюжанина Е. В. и др. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханов. 2018. № 1 (97). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovatelnoy-sredy-vozmozhnosti-i-ugrozy/viewer> (дата обращения 29.10.2020).
20. Рыбакина Н. А. Компетентностно-контекстная модель обучения и воспитания в общеобразовательной школе // Образование и наука. 2017. – Т. 19. – № 2. – С. 31–50.

Сведения об авторах

Мензул Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики, психологии и психолингвистики,
Самарский государственный медицинский университет
Адрес: 443013, г. Самара, ул. Тухачевского, 226, тел. 8(846)265–18–95
E-mail: e.v.menzul@samsmu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4942-1944>.

Иванова Светлана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и психолингвистики,
Самарский государственный медицинский университет
Адрес: 443013, г. Самара, ул. Тухачевского, 226, тел. 8(846)265–18–95
E-mail: karb-svetlana@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1032-0919>.

Рязанцева Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и психолингвистики,
Самарский государственный медицинский университет
Адрес: 443013, г. Самара, ул. Тухачевского, 226, тел. 8(846)265–18–95
E-mail: nataly-ryz@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2232-3500>.

E. V. MENZUL ¹,S. V. IVANOVA ¹,N. M. RYAZANTSEVA ¹¹ Samara State Medical University, Samara, Russia

THE PROBLEMS OF DISTANCE LEARNING IN VOCATIONAL EDUCATION AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Annotation

Purpose: identification of the main problems arising in the process of distance learning introduction into the vocational education system and finding the ways of their solution.

Methods: analysis of psychological and pedagogical literature, generalization, data classification.

Results: on the basis of literature analysis it was found that all groups of problems connected with distance learning introduction into vocational education can be conveniently classified into three groups: organizational and technical, methodological, valueological. Their solution is possible by means of identification of psychological, pedagogical, and other patterns of general and professional development of the digital natives and creation on their basis the conditions that allow to form the actor of professional activity ready to work digitally.

Scientific novelty: in the article the methodological basis for distance learning introduction into vocational education — anthropological and curriculum approaches — is defined.

Practical significance: the components of digital educational environment are proposed, the main condition of the effectiveness of distance learning introduction into vocational education is determined — involvement of employers to it and work with them in a common digital educational space.

Keywords: distance learning; digital educational environment; digital competences; IT competences; chat classes; web classes.

References:

1. Ovsyannikov V.I. Distancionnoe obuchenie v Rossii: mif ili real'naya perspektiva (Distance learning in Russia: a myth or a real prospect) *Дистанционное обучение в России: миф или реальная перспектива*, *Pedagogy*, 1996. – No. 3. – P. 117–118. (in Russ.).
2. Tavgen I.A. Social'no-ekonomicheskie predposylki organizatsii nacional'noj sistemy distancionnogo obrazovaniya (Socio-economic prerequisites for the organization of the national distance education system) // *Modern computer technologies in legal information systems: Intern. scientific-practical Conf.* Minsk: Mn., 2002. – 139 p. (in Russ.).
3. Schennikov S. Distancionnoe i zaочноe obrazovanie: antagonisty ili partnery (Distance and distance education: antagonists or partners) // *AlmaMater*, 1999. – No. 7. – P. 12–19. (in Russ.).
4. Dmitrieva V.F., Prokofiev V.L., Samoylenko I. P. Distancionnoe obuchenie sushchnost' i problemy vnedreniya (Distance learning the essence and problems of implementation) // *Specialist*, 1996. – No. 11. – P. 37–40. (in Russ.).
5. Polat E. S. Teoriya i praktika distancionnogo obucheniya (Theory and practice of distance learning) // *Informatics and education*, 2001. – No. 6. – P. 38–42. (in Russ.).
6. Tarasenko O. S. Ispol'zovanie distancionnykh metodik v obuchenii inostrannomu yazyku v tekhnicheskoy vuzze (Using remote methods in teaching a foreign language at a technical University) // *News of the southern Federal University. Technical science*, 2010. – No. 10. – P. 137–141. (in Russ.).
7. Ob utverzhdenii federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya – specialitet po special'nosti 31.05.01 Lechebnoye delo» (About the approval of Federal state educational standards of higher education-specialty in the specialty 31.05.01 Medical business): Order No. 988 of 12.08.2020. – 11 p. Access mode: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008270013?index=12&rangeSize=1>.

8. Zeynalova I. D., Adilov Z. A. Specifika obrazovatel'nogo processa v kolledzhe v usloviyah informatizatsii obrazovaniya (Specifics of the educational process in College in the conditions of Informatization of education) // *Bulletin of the socio-pedagogical Institute*, 2015.– No. 4 (16).– P. 1–5 (in Russ.).
9. Nacional'nyj proekt "Obrazovanie" (National project «Education») // reference and legal system Consultant-Plus. Access mode: URL: <https://textarchive.ru/> 29.11.2019.
10. Mikhailova A. A. Cifrovizatsiya rossijskogo obrazovaniya (Digitalization of Russian education) // *World of science, culture, education*, 2019.– No. 5 (78).– P. 354–357. (in Russ.).
11. Menyajsya ili uhodi. Cifrovoe obrazovanie brosaet vyzov prepodavatelyam vuzov (Change or leave. Digital education challenges University teachers). Access mode: URL: <http://www.poisknews.ru/theme/edu/31969/>.
12. Troyanskaya S. L. Osnovy kompetentnostnogo podhoda v vysshem obrazovanii (Fundamentals of competence approach in higher education).– Izhevsk: Udmurt University, 2016.– 176 p.
13. Soldatova G. U. Cifrovaya kompetentnost' rossijskih pedagogov (Digital competence of Russian teachers) // *Psychological science and education*, 2015.– Vol. 20.– No. 4.– P. 5–18. (in Russ.).
14. Kartukova A. A. Cifrovaya obrazovatel'naya sreda kak faktor professional'nogo razvitiya pedagoga (Digital educational environment as a factor of professional development of a teacher) // *Collection of materials of participants of the conference-St. Petersburg: International educational projects*, 2019.– 132 p. (in Russ.).
15. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Cifrovaya obrazovatel'naya sreda kak faktor professional'nogo razvitiya pedagoga (Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management) // *Teacher education in Russia*. 2018.– No. 8.– P. 107–113. (in Russ.).
16. Desyat' cifrovyyh kompetencij, neobhodimyyh uchitelyu i prepodavatelyu (Ten digital competencies required for teachers and teachers). Access mode: URL: <http://ino.omsu.ru/content/desyat-cifrovyyh-kompetenciyy-neobhodimyyh-uchitelyu-i-prepodavatelyu>.
17. Piz A. YAzyk telodvizhenij. Kak chitat' mysli drugih po ih zhestam. (Language of Body. How to read the thoughts of others by their gestures).– Moscow: AI q, 1992.– 189 p.
18. Afanasyev A. Cifrovizatsiya obrazovaniya, vse minusy elektronnoj shkoly (Digitalization of education, all the disadvantages of e-school). Access mode: URL: <https://vc.ru/flood/43800-cifrovizatsiya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoj-shkoly-cto-budet-s-detmi>.
19. Ustyuzhanina E. V. et al. Cifrovizatsiya obrazovatel'noj sredy: vozmozhnosti i ugrozy (Digitalization of the educational environment: opportunities and threats) // *Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics*, 2018.– № 1 (97). Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovatelnoy-sredy-vozmozhnosti-i-ugrozy/viewer>.
20. Rybakin N. A. Kompetentnostno-kontekstnaya model' obucheniya i vospitaniya v obshcheobrazovatel'noj shkole (Competence-context model of learning and upbringing in secondary school) // *Education and science*, 2017.– Vol. 19.– No. 2.– P. 31–50. (in Russ.).

Information about the authors:

Elena V. Menzul, Candidate of psychological Sciences, associate Professor, head of the Department of pedagogy, psychology and psycholinguistics, Samara state medical University
Address: 226 Tukhachevsky street, Samara, Russia, 443013, tel. 8(846)265–18–95
E-mail: e.v.menzul@samsmu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4942-1944>.

Svetlana V. Ivanova, Candidate of psychological Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of pedagogy, psychology and psycholinguistics,

Samara state medical University

Address: 226 Tukhachevsky street, Samara, Russia, 443013, tel. 8(846)265–18–95

E-mail: karb-svetlana@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1032-0919>.

Natalia M. Ryazantseva, Senior lecturer of the Department of pedagogy, psychology and psycholinguistics, Samara state medical University

Address: 226 Tukhachevsky street, Samara, Russia, 443013, tel. 8(846)265–18–95

E-mail: nataly-ryz@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2232-3500>.

Б. Х. ХАМУКОВА ¹,
З. З. ШХАХУТОВА ¹,
З. К. БГУАШЕВА ¹

¹ Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДМЕТНО-РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СЕНСОРНОМ ВОСПИТАНИИ МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Цель: теоретическое обоснование ресурсных возможностей предметно-развивающей среды в сенсорном воспитании младших дошкольников.

Методы: сравнения, обобщения, системного анализа, теоретического познания, а также метод аналогии и исторический метод.

Результаты: познание окружающего мира начинается с чувственного восприятия предметов, объектов и явлений окружающей действительности (Я. А. Коменский, И. Г. Песталоцци, Ф. Фребель, М. Монтессори, О. Декроли, М. М. Манасеина, Е. И. Тихеева и др.). Это теоретическое положение обуславливает важность своевременного сенсорного воспитания детей младшего дошкольного возраста. В современной отечественной дошкольной педагогике разработана принципиально новая концепция сенсорного воспитания, в основу которой заложено положение о развитии восприятия путем формирования перцептивных действий (А. В. Запорожец). Учеными в области дошкольной педагогики и психологии доказано, что сенсорное воспитание дошкольника будет осуществляться более успешно в условиях специально организованной предметно-развивающей среды. В отечественных психолого-педагогических исследованиях предметно-развивающая среда понимается как «поле» развития ребенка. Изучение различных вариантов построения предметно-развивающей среды позволило нам определить основные её пласты в проектируемой нами экспериментальной модели, такие как познавательный, созидательный и творческий.

Научная новизна: в статье осуществлено теоретическое обоснование феномена предметно-развивающей среды; определена специфика создания предметно-развивающей среды в условиях дошкольного образовательного учреждения для сенсорного воспитания младших дошкольников.

Практическая значимость: состоит в том, что ее результаты могут быть использованы педагогическими службами дошкольных образовательных учреждений в целях оптимизации предметно-развивающей среды в сенсорном воспитании младших дошкольников. Особый профессиональный интерес могут вызвать рекомендации по созданию следующих мини-сред предметно-развивающей среды: познавательной, исследовательской, преобразующей, эмоционально-творческой.

Ключевые слова: предметно-развивающая среда, сенсорное воспитание, чувственное восприятие окружающей действительности, младший дошкольный возраст, факторы личностного развития.

Для цитирования: Хамукова Б.Х., Шхахутова З.З., Бгуашева З.К. Ресурсные возможности предметно-развивающей среды в сенсорном воспитании младших дошкольников // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-20-29>

Введение

В социогенезе развития человека сенсорное воспитание младшего дошкольника рассматривается как

педагогическая проблема и как важная социальная задача. Младший дошкольник чрезвычайно сензитивен к познанию окружающего мира в социокультурной

и природной сферах, а механизм познания в данном возрасте осуществляется на чувственном, сенсорном уровне. Успешное же осуществление сенсорного воспитания ребенка-дошкольника возможно только в условиях предметно-развивающей среды.

Степень изученности проблемы. В педагогических исследованиях предметно-развивающая среда представлена как культурное пространство, в котором стихийно или специально организованно происходит процесс развития личности (Л. С. Выготский, Л. А. Венгер, В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, С. Л. Новоселова, В. А. Петровский, Н. Н. Поддъяков, Р. М. Чумичева, В. А. Ясвин и др.).

Согласно П. Я. Гальперину, В. В. Давыдову, Л. В. Занкову, А. Н. Леонтьеву, Д. Б. Эльконину, развивающая среда — это образовательное пространство, в рамках которого осуществляется развивающее обучение, а по мнению Е. В. Бондаревской, С. И. Григорьева, Л. И. Новикова, В. А. Ясвина, развивающая среда — это социокультурное пространство, содержащее в себе благоприятные ресурсы, стимулирующие сенсорную активность ребенка-дошкольника и характеризующиеся гибкостью, вариативностью, непрерывностью, открытостью, интегрированностью и установкой на совместную коммуникативную деятельность субъектов образовательного процесса.

В исследованиях С. Л. Новоселовой, В. А. Петровского, Н. Н. Поддъякова, Р. М. Чумичевой отмечается, что предметно-развивающая среда выступает фактором личностного развития ребенка в условиях дошкольного учреждения, которое создает оптимальные условия для активизации познавательных процессов в рамках образовательных программ, а развивающая среда вместе с тем обеспечивает сенсорную активность дошкольника, а стало быть, и способствует его сенсорному воспитанию.

Аксиоматично положение современной педагогики и психологии о том, что чувствование выступает в качестве основного источника мысли ребенка. В данной связи правомерно предположить, что богатый чувственный опыт — это предпосылка полноценного познания, а затем и миропонимания окружающей действительности, развития мыслительных форм, операций и процессов, так как, по мнению К. Д. Ушинского, «чувства, полученные извне, доставляют пищу для всех рассудочных работ». В процессе познания окружающего мира ребенок сталкивается с многообразием форм и красок окружающих его объ-

ектов, в частности — предметов домашнего обихода и игрушек. Он соприкасается к произведениям искусства: музыке, живописи, скульптуре. Ребенка окружает природа с множеством её сенсорных признаков многоцветья, запахов, звуков. Конечно же, каждый ребенок и без целенаправленного воспитательного процесса все это воспринимает. Но без организации специальных педагогических условий этот процесс протекает стихийно, в силу чего оказывается нередко поверхностным и неполноценным. И тут на помощь приходит грамотно смоделированная и организованная педагогами предметно-развивающая среда.

Предметно-развивающая среда как средство сенсорного воспитания дошкольников

Предметно-развивающая среда выступает в качестве наиболее эффективного средства сенсорного воспитания дошкольников. По этой причине считаем важным более детально рассмотреть данный педагогический и социокультурный феномен в трех терминах — «среда», «развивающая среда» и «предметно-развивающая среда».

Термин «среда» в последние годы принял довольно популярное значение в педагогике. Он имеет сложное и зачастую противоречивое толкование. Генезис его происхождения происходит от введенного еще в эпоху Просвещения термина «среда», отображающего материальные, социальные и духовные условия жизнедеятельности человека. Еще в те времена было установлено, что среда является важным фактором формирования и развития личности. Причем, под воздействием человека среда может изменяться и преобразовываться, а в процессе этих преобразований может изменяться и сама личность [18].

В контексте сказанного представляют интерес философские идеи французского педагога и философа С. Френе относительно того, что ребенок способен сам создавать свою личность, творчески себя преобразовывать и самоактуализироваться, раскрывать свои потенциальные возможности. При этом функция педагога состоит в том, чтобы помочь ребенку увидеть в себе и развить те черты, которые органично присущи ему. В этой связи С. Френе уделялось особое внимание конструированию той среды, в которой осуществляется саморазвитие личности [16].

Среду как условие оптимального развития личности рассматривал Ж.-Ж. Руссо. При этом он считал, что для эффективного протекания процесса воспитания необходимо, чтобы каждая личность создавала

для себя особую развивающую среду, призванную устанавливать равновесие между её потенциальными возможностями и природными потребностями, данными ей от природы. Эта среда не обеспечивает личность готовыми знаниями, а сама учит их добывать [цит. 18].

В отечественной педагогике термин «среда» возник примерно в 1920-е годы, в то время, когда довольно часто применялись такие понятия, как «педагогика среды» С. Т. Шацкого, «общественная среда ребенка» П. П. Блонского и «окружающая среда» А. С. Макаренко.

В многочисленных отечественных исследованиях последних десятилетий довольно последовательно и убедительно доказывается, что в качестве объекта педагогического воздействия должен быть не ребенок, не его личностные черты и даже не поведение, а только условия, в которых проходит его жизнедеятельность. Среди этих условий рассматривается совокупность внешних (среда, окружение, межличностные отношения, деятельность) и внутренних (эмоциональное состояние индивида, его отношение к себе, жизненный опыт, личностные установки) компонентов [4, 8, 11].

В. А. Ясвин отмечает, что в научных исследованиях имеет место довольно широкое употребление понятия «среда», но, вместе с тем, нет конкретного и однозначного его определения. В широком смысле понятие «среда» рассматривается как окружение или как совокупность условий, влияющих на человека. По мнению В. А. Ясвина, среда, окружающая человека, определяется совокупностью природных (биологических, физических, химических) и социальных факторов, влияющих косвенно или прямо, долговременно или мгновенно на его жизнедеятельность [18].

Установлена закономерность: чем в большей мере и полнее личностью используются ресурсы среды, тем успешнее осуществляется её развитие. В этой ситуации человек является одновременно и продуктом, и творцом своей жизненной среды. Она предоставляет ему физические ресурсы для жизни и обеспечивает достаточным потенциалом для интеллектуального, морального, общественного и духовного развития.

Изучая психологические механизмы воздействия среды на развитие личности, ученые отводят важную роль феномену «социальной ситуации развития». Л. С. Выготским под социальной ситуацией развития понимается своеобразное, соответствующее возрасту

отношение, возникшее между ребенком и окружающим миром. Л. С. Выготский в своих исследованиях пытался установить взаимосвязь между развитием ребенка и воздействием окружающей среды. Он отмечал, что успешность развития ребенка во многом зависит от качества его взаимоотношений со средой [2].

«Развивающую среду» в широком понимании можно представить как какое-либо социокультурное пространство, в котором или стихийно или же организованно происходит процесс личностного развития. С точки зрения Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, Л. В. Занкова, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, развивающая среда — это упорядоченное образовательное пространство, предназначенное для осуществления развивающего обучения.

Чтобы образовательное пространство выполняло функции развивающей среды, оно должно обладать определенными свойствами:

- гибкостью, обозначающей способность к быстрому перестраиванию в зависимости от изменяющихся потребностей личности, окружающей социальной среды и общества;
 - непрерывностью, выражающейся во взаимодействии и преемственности деятельности всех элементов, входящих в нее;
 - вариативностью, предполагающей своевременные видоизменения развивающей среды в зависимости от потребностей населения в образовательных услугах;
 - интегрированностью, обеспечивающей решение совокупности воспитательных задач через усиление взаимодействия всех входящих в её структуру элементов;
 - открытостью, предусматривающей демократизацию форм обучения и активное участие субъектов образовательной системы в управлении ею;
 - установкой на совместные коммуникативные отношения субъектов образовательного процесса [3].
- В эпицентре развивающей среды находится образовательное учреждение, которое работает в режиме развития и имеет цель — становление личности ребенка, свободное проявление его потенциальных возможностей, формирование познавательной активности. Все это может быть обеспечено за счет решения комплекса задач:
- создание необходимых предпосылок для развития активности ребенка;

- предоставление каждому ребенку всех реальных возможностей для самоутверждения в наиболее значимых для него зонах жизнедеятельности и для раскрытия в максимальной степени его индивидуальных качеств и способностей;

- стимулирование стиля межличностных взаимоотношений, которые способны обеспечить личностное уважение к каждому ребенку;

- активный поиск путей, способов и средств для максимально полной реализации потенциальных возможностей личности каждого ребенка, для проявления его индивидуальности [7].

Ведущими принципами образовательного процесса в дошкольном учреждении, выступающем инициатором создания развивающей среды, являются:

- признание самобытной личности и учет уникальности буквально каждого ребенка;

- доминирование приоритета личностного развития ребенка, в условиях которого процесс обучения является средством развития личности, а не самоцелью;

- целеполагание на зону ближайшего развития ребенка, обеспечивающее максимальные достижения в его личностном становлении;

- ориентация образовательного процесса на актуализацию познавательной деятельности ребенка [9].

Дошкольная педагогика под термином «предметно-развивающая среда» рассматривает «материально-техническую, санитарно-гигиеническую, эргономическую, эстетическую, психолого-педагогическую совокупность условий, которые обеспечивают организацию жизни детей» [10].

В науке и практике все чаще предметно-развивающая среда понимается как «поисковое пространство» для ребенка, как некий способ развития его личностных качеств. Это объясняет возрастание активной роли педагогики в выявлении путей оптимизации предметно-развивающей среды как важного условия формирования личности. Э. Н. Гусинский отмечает, что для достижения номотетического уровня развития личности важна организация достаточно разнообразной и богатой различного рода случайностями предметно-развивающей среды, в которой механизмом развития сущностных сил человека выступает материально-предметная форма [12].

В. А. Петровский выделяет три аспекта взаимодействия личности с предметно-развивающей сре-

дой: функциональный, процессуальный, результативный [10].

Функциональный аспект связан с функциями самой предметно-развивающей среды. Личность кратчайшим путём, благодаря включению в предметно-развивающую среду, как бы проживает чужой духовный и эмоциональный опыт. Предметы этой среды по-разному проникают в «поле» исследовательской активности личности: или в качестве окружения, или как фон, или как «центр» становления ценностной сферы личности [12].

Процессуальный аспект структурно представлен двумя сторонами: перцептивной и интерактивной. При этом перцептивная сторона Основные аспекты взаимодействия личности с предметно-развивающей средой функциональный процессуальный результативный взаимодействия предметно-развивающей среды и личности имеет ряд стадий: а) доперцептивную, в которой взаимодействие со средой еще не возникло, но есть уже готовность к нему; б) ассимилятивную, в которой имеется потребность во взаимодействии, соотнесение вещного элемента предметно-развивающей среды со своим жизненным опытом; в) аккомодативную, в которой присутствует стремление личности изменить свою среду, имеется ориентация на познание нового. Для процессуального аспекта взаимодействия предметно-развивающей среды и личности ребёнка крайне важна профессиональная позиция педагога, которая проявляется в побуждении мотивов и стимулов ребенка, в его просвещении и оценивании результатов [14].

Результативный аспект выражает степень единства личности и среды, когда между ними формируется определённое «поле». Это «поле» — общая для них система значений: эмоциональных, семантических, символических, межличностных, ролевых, ценностных и т.д. Степень согласованности указывает на результативность взаимодействия предметно-развивающей среды и личности. Эти взаимодействия являются индикатором реализованности потребностей личности относительно потенциалов, содержащихся в среде [17].

М. С. Каган, осознавая значение предметно-развивающей среды в формировании личности ребенка, формулирует требования к её организации. Предметно-развивающая среда должна предоставлять меру свободы ребёнку, влиять на его мироощущение и комфортность самочувствия, формировать модель

взрослого человека. Кроме того, предметно-развивающая среда должна быть удобной, целесообразной, слаженной, информативной, обеспечивая гармоничные взаимоотношения между человеком и предметным миром [7].

По мнению В. Н. Белкиной и Е. В. Шакировой, взаимосвязь предметно-развивающей среды и личности в образовательном пространстве позволяет найти ответы на многие вопросы, связанные с поведением и развитием ребёнка, а также с его эмоциональным состоянием. Все это гарантирует психологически комфортное состояние ребёнка, предупреждает негативные проявления и обуславливает его творческую активность [17].

В. Н. Белкина и Е. В. Шакирова выделяют следующие мини среды предметно-пространственной развивающей среды: культурно-познавательная, художественно-эстетическая, эмоционально-рефлексивная, культурно-коммуникативная, культурно-экологическая [17]. Дадим краткую характеристику этим мини-средам.

Культурно-познавательная. Цель данной развивающей мини среды состоит в формировании готовности ребёнка к усвоению культурных сенсорных эталонов (цвета, формы, величины, пространства, звука и т.п.), которые находят свое отражение в художественных образах. Ребёнок, действуя в данной предметно-развивающей среде, изменяет, трансформирует её, осваивает качества, свойства, специфические взаимосвязи тех или иных художественных элементов. Или же ребёнок самостоятельно закрепляет, упражняется в ранее усвоенных способах познания культуры.

Художественно-эстетическая. Этот вид предметно-развивающей среды позволяет ребёнку «применять» на себя художественно-эстетические образы, таких как художника, музыканта, поэта, а также самостоятельно организовывать художественно-творческий процесс в форме рисования, музыкальной и словесной импровизации или же как составляющей части игрового, досугового или праздничного коллективного события.

Эмоционально-рефлексивная мини среда. Позволяет ребёнку осознать себя, свой внутренний мир, образ «Я», обнаружить связь своего внутреннего мира и внешнего мира природы, других людей, предметов, культуры в целом.

Культурно-коммуникативная мини среда. Обеспечивает условия для речевого развития ребёнка,

освоения им средств, знаков и символов речевых коммуникаций, что является чрезвычайно важным для приобретения им опыта применения речевых клише в межличностном взаимодействии со сверстниками и окружающими взрослыми.

Культурно-экологическая мини среда. Создает оптимальные условия для формирования у ребенка экологических представлений, в основе которых находятся знаки и символы культуры, а также приобретается опыт охранительных, созидательных и гармоничных взаимоотношений с людьми и миром природы.

Итак, мы полагаем, что модель предметно-развивающей среды ДООУ, направленная на сенсорное воспитание дошкольника, может быть представлена в нескольких пластах, предусматривающих удовлетворение ребенком познавательных, созидательных, творческих потребностей.

Специфика создания предметно-развивающей среды в условиях дошкольного образовательного учреждения

Выполняя наше исследование, нас интересовало, как проблема организации предметно-развивающей среды (в аспекте сенсорного воспитания) находит свое отражение в современных образовательных программах, получивших наибольшее признание педагогов-практиков в образовательном процессе ДООУ. Отправной точкой для этого анализа послужила наиболее распространённая «Программа воспитания и обучения в детском саду» под редакцией М. А. Васильевой, в основу которой положена концепция активной деятельности в обучении и развитии ребенка (А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др.). Программа задаёт цели образования дошкольников, а так же раскрывает содержание их обучения и воспитания от 7 месяцев до 7 лет. Программой предписывается проведение необходимого числа обучающих занятий с детьми, в том числе и по сенсорному воспитанию, определяется их содержание и технология проведения по прилагаемым методическим рекомендациям. Авторы программы предлагают воспитателям жестко регламентированные предписания по организации предметно-развивающей среды. Но в тоже время, программой не выделяются приоритетные цели сенсорного воспитания младших дошкольников.

Как альтернативу «Программе воспитания и обучения в детском саду» можно привести программу «Развитие», которая в последние десятилетия при-

обрела достаточно широкое признание в практике дошкольного образования [9]. Автором программы выступил научным коллективом под руководством доктора психологических наук Л.А. Венгера. В основе программы лежат: а) концептуальные положения А.В. Запорожца, отражающие теорию амплификации развития в дошкольном возрасте; б) концепция развития познавательных способностей дошкольника посредством овладения сенсорными эталонами, разработанная Л.А. Венгером. Программой предлагается комплекс планов занятий, а также рекомендации по сенсорному развитию детей на занятиях и вне их. Примечательно, что программа «Развитие» делает акценты на развивающее обучение. С этой целью авторы программы предлагают комплекс критериев для мониторинга продвижения детей, в качестве которых рассматривается освоение сенсорных эталонов и способов деятельности, а не традиционное накопление суммы знаний и умений.

В контексте программы «Развитие» представляется интерес раздел сенсорного воспитания в младшей группе. Формирование общих сенсорных способностей авторами программы понимается как процесс приобщения к детям к наиболее элементарной форме опосредования к использованию сенсорных эталонов. При этом, сенсорные эталоны рассматриваются в качестве общепринятых образцов внешних свойств предметов. Например, хроматические и ахроматические цвета в программе выступают как сенсорные эталоны цвета, а геометрические фигуры — сенсорные эталоны формы. По мнению авторов программы, знакомство детей с сенсорными эталонами формирует у детей совокупность представлений о различных сенсорных характеристиках предметов. Все это, в свою очередь, помогает детям создавать свои и подвергать осмыслению существующие в окружающем мире системные связи между разными предметами и явлениями (например, результатом смешения цветов в спектре будет получение новых цветовых оттенков).

Дошкольный период детства, по мнению авторов всех действующих образовательных программ дошкольного образования, — это сензитивный период сенсорного воспитания, когда познание окружающего мира осуществляется эмоционально окрашенным эмпирическим путем, а результаты познания сопоставляются с сенсорными эталонами. Эффективность сенсорного воспитания во многом зависит от организации предметно-развивающей среды.

Основной целью организации предметно-развивающей среды в условиях дошкольного учреждения является обеспечение жизненно важных потребностей формирующейся личности ребенка — витальных, социальных, духовных.

Многофункциональное назначение предметно-развивающей среды дошкольного образовательного учреждения, многогранность протекающих в ней педагогических, психологических и социальных процессов побуждает нас к выделению в её структуре нескольких составляющих подструктурных пространств:

1) пространство интеллектуального и креативного развития ребенка. Это пространство объединяет все детские игровые зоны, так как у дошкольника

ведущим видом деятельности, а, следовательно, и средством интеллектуального и эмоционального освоения окружающей действительности является игра;

2) пространство физического развития, которое в наибольшей мере стимулирует двигательную активность ребенка;

3) пространство игрового развития, стимулирующее ребенка к созданию социокультурных моделей в контексте своего видения взрослой жизни;

4) пространство экологического развития, направленное на воспитание и укрепление любви к природе, на постижение всего многообразия природных явлений. Построение пространства экологического развития способствует единению Человека с Природой. Здесь можно расположить так называемые «зеленые комнаты» в виде маленьких внутренних дворики с растущими растениями (деревьями, кустарниками, травой), с проживающими там домашними животными (кошками, собаками, уход за которыми осуществляют дети).

Моделирование предметно-развивающей среды в дошкольном учреждении должно соответствовать ряду принципов. В.А. Петровским, Л.М. Клариной, Л.А. Смывиной, Л.П. Стрелковой выделяется следующая совокупность основополагающих принципов [10].

1) принцип дистанции и позиции при взаимодействии с предметно-развивающей средой. Выполнение принципа обеспечивает установление контакта между средой и ребенком;

2) принцип активности. Оптимально созданная предметно-развивающая среда стимулирует проявление активности у детей и взрослых;

3) принцип динамичности и стабильности предметно-развивающей среды. Среда должна содержать потенциальные возможности для своего самоизменения, в зависимости от вкусов и настроений детей, а также от разнообразия педагогических задач;

4) принцип гибкого зонирования и комплексирования. Данный принцип имеет тесную взаимосвязь с предыдущим принципом динамичности и стабильности. Но в его значении в большей мере делается акцент именно на динамичность. Согласно принципу, при конструировании витального пространства дошкольного учреждения должны быть предусмотрены непересекающиеся сферы сенсорной активности, что позволит дошкольникам одновременно заниматься различными видами деятельности, при этом не мешая друг другу;

5) принцип эмоциональности предметно-развивающей среды. Реализация данного принципа обеспечит индивидуальную комфортность и эмоциональное благополучие как ребенка, так и взрослого. Также среда, смоделированная с учетом данного принципа, будет пробуждать дошкольников к активности, к выполнению разнообразных видов деятельности. Но, наряду с этим, среда будет обладать и противоположным свойством — в случае необходимости будет «гасить» излишнюю активность, переходящую в перевозбужденность, давая ребенку возможность для отдыха;

6) принцип открытости-закрытости. Данный принцип нами рассматривается в нескольких подходах.

а) открытость Природе. В этом подходе предметно-пространственная среда обеспечивает

единство Человека и Природы. Сюда включены различного рода «Уголки природы» с растениями, животными, за которыми дети осуществляют уход;

б) открытость Культуре. В контексте данного подхода приветствуется наличие элементов «настоящей взрослой» музыки, живописи, литературы;

в) открытость Обществу. Предметно-развивающая среда данного типа отражает суть понятия «Мой дом». В этой среде поощряется проявление чувств и эмоций, отражающих эмпатийность ближайшему социальному окружающему, его предметам, объектам и явлениям.

7) принцип учета возрастных и половых различий. С учетом этого принципа предметно-развивающая среда предоставляет возможности и мальчикам, и девочкам реализовывать себя в соответствии с гендерными особенностями и возрастными возможностями.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что предметно-развивающая среда выступает важным ресурсом сенсорного воспитания детей дошкольного возраста. В этой связи необходимо, чтобы предметно-развивающая среда дошкольного образовательного учреждения носила развивающий характер, способствовала проявлению разных видов познавательной, игровой и социальной активности. Проанализированные нами результаты научных исследований убедительно доказывают, что предметно-развивающая среда содержит в себе большой потенциал для эффективного сенсорного воспитания детей дошкольного возраста.

Список литературы

1. Бутвина О. Ю., Гаврашенко Е. С. Сущность и характеристика понятия «Развивающая среда» в ДОУ // Вестник науки и образования. 2019. – Ч. 4. – № 10 (64). – С. 120–122.
2. Выготский Л. С. Лекции по психологии. СПб.: Союз, 2018. – 363 с. 3. Глушкова Г. Предметная среда действительно развивающая? // Дошкольное воспитание. 2018. – № 2. – С. 107–112.
3. Дыбина О. В., Пенькова Л. А., Рахманова Н. П. Моделирование развивающей предметно-пространственной среды в детском саду: метод. пособие. – М.: ТЦ Сфера, 2015. – 128 с.
4. Золотухина Ю. Ю. Средовой подход к воспитанию дошкольников // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. – № 4. – С. 131–134.
5. Ковалев Г. А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. – № 1. – С. 13–23.
6. Крежевских О. В. Развивающая предметно-пространственная среда дошкольной образовательной организации: учеб. пособие для бакалавров педагогики. – М.: Директ-Медиа, 2016. – 221 с.
7. Лаврентьева Т. В. Организация предметной среды и позиция воспитателя // Дошкольное воспитание. 1995. – № 6. – С. 18–21.
8. Образовательная программа дошкольного образования «Развитие» / под ред. А. И. Булычевой. – М.: РАЗВИТИЕ, 2016. – 173 с.

9. Построение развивающей среды в дошкольном учреждении: учебное пособие / В. А. Петровский, Л. М. Кларина, Л. А. Смыгина, Л. П. Стрелкова. – М.: Владос, 2017. – 200 с.
10. Приходько Е. Г. Формирование предметно-развивающей среды в дошкольном образовательном учреждении. – Краснодар: Мир Кубани, 2004. – 68 с.
11. Развивающая предметно-пространственная среда в детском саду: метод. пособие / Е. О. Смирнова, Е. А. Абдулаева, И. А. Рябкова [и др.]. – М.: Русское слово – учебник, 2018. – 113 с.
12. Ребёнок в мире культуры / Л. В. Абдулманова, Л. В. Грабаровская, И. В. Житная [и др.]. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1998. – 558 с.
13. Тафинцева Н. А., Маликова И. А. Предметно-развивающая среда в ДОУ в соответствии с ФГОС // Преемственность в образовании. 2020. – № 25(03). – С. 343–342.
14. Толстикова О. Создаем развивающую среду своими руками // Дошкольное воспитание. 1997. – № 5.
15. Френе С. Избранные педагогические сочинения. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.
16. Шакирова Е. В., Белкина В. Н. Развивающая предметно-пространственная среда детского сада: содержание и подходы к организации // Ярославский педагогический вестник. 2018. – № 3. – С. 40–45.
17. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. — М.: Смысл, 2001. — 366 с.

Информация об авторах

Бэлла Хасамбиевна Хамукова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий, Адыгейский государственный университет

Адрес: 385016, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, тел.: (88772) 59–39–45

E-mail: hamukova76@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2198>

Зарема Зориевна Шхахутова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий, Адыгейский государственный университет

Адрес: 385016, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, тел.: (88772) 59–39–45

E-mail: azimaka@list.ru

Зара Каплановна Бгуашева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий, Адыгейский государственный университет

Адрес: 385016, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, тел.: (88772) 59–39–45

E-mail: zara.bguasheva@mail.ru

B. H. KHAMUKOVA¹,

Z. Z. SHKHAKHUTOVA¹,

Z. K. BGUASHEVA¹

¹ *Adygea State University, Maykop, Russia*

RESOURCE OPPORTUNITIES OF SUBJECT-DEVELOPING ENVIRONMENT IN SENSORY EDUCATION OF JUNIOR PRESCHOOLERS

Abstract

Objective: theoretical justification of resource possibilities of subject-developing environment in sensory education of younger preschoolers.

Methods: comparison, generalization, system analysis, theoretical cognition, as well as the analogy method and the historical method.

Results: the knowledge of the surrounding world begins with the sensual perception of objects, objects and phenomena of the surrounding reality (Ya. A. Komensky, I. G. Pestalozzi, F. Frebel, M. Montessori, O. Decroli, M.M., Manaseina, E. I. Tikheev and others). This theoretical provision makes it important to provide timely sensory education for young preschool children. In modern domestic preschool pedagogy, a fundamentally new concept of sensory education has been developed, which is based on the provision on the development of perception by forming perceptual actions (A. V. Zaporozhets). Scientists in the field of preschool pedagogy and psychology have proved that sensory education of a preschool will be carried out more successfully in the conditions of a specially organized subject-developing environment. In domestic psychological and pedagogical studies, the subject-developing environment is understood as a “field” of child development. The study of various options for constructing an object-developing environment allowed us to determine its main layers in the experimental model we are designing, such as cognitive, creative and creative.

Scientific novelty: in the article there is a theoretical justification of the phenomenon of the subject-developing environment; the specifics of creating a subject-developing environment in the conditions of a preschool educational institution for sensory education of younger preschoolers is determined.

Practical significance: its results can be used by the pedagogical services of preschool educational institutions in order to optimize the subject-developing environment in sensory education of younger preschoolers. Of particular professional interest may be recommendations for creating the following mini-environments of subject-developing environment: cognitive, research, transformative, emotional-creative.

Keywords: subject-developing environment, sensory education, sensory perception of the surrounding reality, younger preschool age, factors of personal development.

References

1. Butvina O. Yu., Gavrashenko E. S. The essence and characteristic of the concept of “Developing Environment” in the Department of Internal Affairs // Bulletin of Science and Education. 2019. – PART 4. – No. 10(64). – P. 120–122.
2. Vygotsky L. S. Lectures on psychology. St. Petersburg: Union, 2018. – 363 p.
3. Glushkova G. The subject environment is really developing? // Preschool education. 2018. – № 2. – P. 107–112.
4. Dybina O. V., Penkova L. A., Rakhmanova N. P. Modeling of the developing object-spatial environment in kindergarten: method. grant. – M.: Shopping Center Sphere, 2015. – 128 p.
5. Zolotukhina Yu. Yu. Sredova approach to the education of preschoolers // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. – № 4. – C. 131–134.
6. Kovalev G. A. Mental development of the child and the life environment // Questions of psychology. 1993. – № 1. – P. 13–23.
7. Krezhevsky O. V. Developing subject-spatial environment of preschool educational organization: text. manual for bachelors of pedagogy. – M.: Director-Media, 2016. – 221 p.
8. Lavrentieva T. V. Organization of the subject environment and the position of the educator // Preschool education. 1995. – № 6. – P. 18–21.
9. Educational program of preschool education “Development” / edited by A. I. Bulycheva. – M.: DEVELOPMENT, 2016. – 173 p.
10. Building a developmental environment in a preschool institution: a textbook / V. A. Petrovsky, L. M. Clarina, L. A. Smyvin, L. P. Strelkova. – M.: Vlado, 2017. – 200 p.
11. Prikhodko E. G. Formation of a subject-developing environment in a preschool educational institution. – Krasnodar: World of the Kuban, 2004. – 68 p.
12. Developing object-spatial environment in kindergarten: method. Manual / E. O. Smirnova, E. A. Abdulaev, I. A. Ryabkova [and others]. – M.: Russian word – textbook, 2018. – 113 p.
13. L. V. Abdulmanova, L. V. Grabarovskaya, I. V. Zhitnaya [and others]. Child in the world of culture / Stavropol: Stavropol Service School, 1998. – 558 p.

14. Tafintseva N. A., Malikova I. A. Subject-developing environment in the DOE in accordance with the GEF // Continuity in education. 2020.– № 25 (03).– P. 343–342.
15. Tolstikova O. We create a developing environment with our own hands // Preschool education. 1997.– № 5.
16. Frene S. Selected pedagogical essays.– M.: Progress, 1990.– 304 p.
17. Shakirova E. V., Belkina V. N. Developing subject-spatial environment of kindergarten: content and approaches to organization // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2018.– № 3.– P. 40–45.
18. Yasvin V. A. Educational environment: from modeling to design.– M.: Meaning, 2001.– 366 p.

Information about the authors

Bella H. Khamukova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Technologies, Adyghe State University

Address: 385000, Maykop, st. Pervomayskaya, 208, tel. : (88772) 59–39–45

E-mail: hamukova76@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2198>

Zarema Z. Shkhakhutova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Technologies, Adyghe State University

Address: 385016, Maykop, st. Pervomayskaya, 208, tel. : (88772) 59–39–45

E-mail: azimaka@list.ru

Zara K. Bguasheva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Technologies, Adyghe State University

Address: 385016, Maykop, st. Pervomayskaya, 208, tel. : (88772) 59–39–45

E-mail: zara.bguasheva@mail.ru

Psychology

Психология

УДК 159.9

DOI: 10.29013/AJH-20-11.12-30-36

С. Н. МОРОЗЮК¹,И. А. ГОРБЕНКО¹,Е. С. КУЗНЕЦОВА¹¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Цель исследования: изучить особенности рефлексии старших школьников и студентов в условиях современного образования.

Методы исследования: в ходе исследования использовались общенаучные методы (анализ теоретической базы), обобщение и синтез, методы сравнений.

Результаты: В результате эмпирического исследования было обнаружено, что студенты более склонны к переживанию чувства стыда, однако в отличие от школьников они менее завистливы, им в меньшей степени свойственно переживать вину и агрессию против себя. В свою очередь, у школьников более выражен показатель «саногенное мышление», они менее стыдливы, им более свойственна зависть, склонность к переживанию чувства вины и агрессии против себя. Однако, как и студенты, школьники чаще прибегают к обесцениванию объекта желаний в силу сложившихся трудных ситуаций, требующих своего решения.

Научная новизна: Было доказано, что основные стратегии поведения, которые выбирают студенты в неблагоприятных условиях носят патогенный характер и формируют зависимость от переживания различных эмоциональных состояний. Это не позволяет им достойно, без ущерба для здоровья справляться с жизненными трудностями и управлять своим поведением.

Практическая значимость: Разработанные в результате исследования рекомендации могут быть использованы в процессе обучения студентов высших учебных заведений, а также при организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавателей.

Ключевые слова. Старший школьный возраст, студенческий возраст, рефлексия, саногенная рефлексия, патогенная рефлексия, умственные автоматизмы, образование.

Для цитирования: Морозюк С.Н. Горбенко И.А. Кузнецова Е.С. Особенности рефлексии старших школьников и студентов в условиях современного образования // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 30–36. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-30-36>

Введение

Актуальность исследования продиктована потребностью практики в знании новых психологических механизмов, внутриличностных ресурсов, позволяющих оптимально организовывать образовательный процесс, направленный на профессиональное развитие личности. Одним из таких механизмов является рефлексия. Исследование особенностей рефлексии у школьников и студентов в этом контексте представляется весьма актуальным.

Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения, старшеклассники — это подростки в возрасте от 10 до 19 лет. Период старшего школьного возраста, как и подростковый период в целом, характеризуется, прежде всего, возникновением осознанной самостоятельности, а также появлением устойчивости самооценки и «образа Я» («Я-концепции»), который складывается под влиянием оценочного отношения к собственным мотивам, целям и результатам своих поступков, а также их сравнения с мотивами, целями и поступками другими людьми, правилами и нормами поведения, принятыми в обществе. Кроме того, в этот период формируется мировоззрение, закладываются основы социального поведения, появляется общая направленность в нравственных представлениях и социальных установках. В результате у старшеклассника меняется отношение к миру и себе, он начинает лучше понимать себя и собственные возможности, сходство с другими людьми и личную уникальность, а также свое место в человеческом обществе и назначение в жизни [6].

Однако физическая, нравственная и волевая зрелость, наступает только в студенческом возрасте (Павлова В. Е., Шевалдина Е. И.). «Достигают максимума в своем развитии и психологические свойства, и высшие психические функции: восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоции, чувства. В этот период происходит активное формирование индивидуального стиля жизнедеятельности. Преобладающее значение в познавательной деятельности начинает приобретать абстрактное мышление, формируется обобщенная картина мира, устанавливаются глубинные взаимосвязи между различными областями изучаемой реальности» [7, с. 194]. Студенчество — специфическая общность людей, организационно объединенная институтом высшего образования. Сам термин «студент» в переводе с латинского (*studens*)

означает «усердно работающий, занимающийся, овладевающий знаниями».

Несмотря на то, что Д. Б. Эльконин определяет возраст подростничества в одну эпоху, все же социальная ситуация развития (ССР) школьников и студентов существенно отличаются. После первого выхода студентов на педагогическую практику их учебная мотивация, свойственная школьникам, превращается в учебно-профессиональную, что обостряет противоречие внутри социальной ситуации развития между желанием стать профессионалом и дефицитом как профессиональных знаний, умений и навыков, так и личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Основным фактором, способствующим разрешению данного противоречия, является рефлексия. От ее качества зависит результативность образовательного процесса, направленного на профессиональное самопостроение личности.

В научной литературе понятием «рефлексия» обозначают психический процесс, который управляет познанием себя. Слова с корнем «рефлекс», происходящим от латинского *reflexus* (отраженный), в психологии используются часто. Самое распространенное, собственно, рефлекс, под которым понимают ответную реакцию организма на любое внешнее или внутреннее воздействие. Так, Декарт рассматривал рефлекс как всегда бессознательное, автоматическое действие организма, вызываемое в нем внешним раздражителем, а сам организм — как автомат, своеобразную рефлекторную машину. Это механистическое понимание рефлекса надолго удержалось в физиологии [9, с. 163]. Еще сравнительно недавно английский физиолог Ч. С. Шеррингтон рассматривал рефлекс как машинообразную реакцию, осуществляемую на основе постоянной связи между раздражением и ответом на него. Этому соответствовала и механистическая концепция «жесткой» рефлекторной дуги, якобы состоящей из нервных процессов, протекающих для каждого рефлекса всегда по одним и тем же строго фиксированным неизменным путям, где одни нейроны обязательно связываются со строго определенными другими нейронами, что и приводит к однообразной автоматической двигательной реакции [10].

В противоположность Декарту и его последователям, И. М. Сеченов впервые выдвинул понятие рефлекса как сложной целесообразной нервной деятельности животного, лежащей в основе не только

безусловных инстинктов, но всех, даже самых сложных форм поведения, в том числе и сознательной деятельности человека [2].

В отличие от рефлекса, как врожденной спонтанной реакции, рефлексия — процесс осознанный, требующий серьезных интеллектуальных усилий. Происходит это понятие от другого латинского слова — *reflexio*, что значит «оборачивание», «обращение назад».

В самом общем виде рефлексия определяется как фундаментальная способность сознательного субъекта встать в практическое отношение к собственному сознанию. В большом психологическом словаре рефлексия трактуется как мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание и осознание себя, своих собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к себе и другим, своих задач, назначения и т.д. [3, с. 423].

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования показал, что в большинстве работ «проблема рефлексии рассматривается в трех основных направлениях: при изучении мышления, самосознания личности, а также процессов коммуникации, кооперации и деятельности».

Важное методологическое значение для нашей работы имеет понимание рефлексии как умственных актов различного уровня организации, возникающих в ответ на неопределенность ситуации и выбора решения (Орлов Ю. М.) [4]. С этой точки зрения, «рефлексия является опосредующим звеном, механизмом, связывающим операционально-предметную сторону мышления с личностными смыслами субъекта, если они включены в мыслительный процесс.

В концепции саногенного мышления Ю. М. Орлова и саногенной рефлексии С. Н. Морозюк выделяют три вида рефлексии: саногенная (здоровьесберегающая), патогенная (разрушающее здоровье) и нейтральная (обычная).

Саногенная рефлексия формирует навыки умственного поведения, выполняет функцию регуляции психических состояний и здоровья человека, возвращает ему уверенность в себе и гармонию отношений с миром.

Саногенная рефлексия как фактор развития личности представлена многочисленными исследованиями, выполненными под руководством С. Н. Моро-

зюк (Л. И. Адамян, Ю. Н. Крайнова, Е. С. Кузнецова, С. Ф. Марчукова, Н. В. Павлюченкова, А. Л. Рудаков, Т. О. Смолева, и др.)

Под саногенной рефлексией С. Н. Морозюк понимает «умственные акты различного уровня организации, возникающие в ответ на неопределенность ситуации и ведущие к определению ситуации и выбору оптимального решения» [5]. «В нашем понимании саногенная рефлексия — это рефлексия, позволяющая человеку актуализировать свои внутриличностные ресурсы на базе потенциалов здоровья (волевого, креативного, чувственного, общественного, физического), осуществить коррекцию негативных поведенческих паттернов и выбрать оптимальные программы поведения, которые обеспечивают формирование позитивных социально- психологических установок в различных сферах жизни и деятельности», — подчеркивает автор [там же].

Материалы и методы

В основу исследования положена гипотеза о том, что существуют различия в проявлении показателей рефлексии старшего школьника и студента.

Исследование проводилось на базе Московского педагогического государственного университета (г. Москва) и Дворца творчества детей и молодежи «Истоки» (г. Сергиев Посад).

В исследовании приняли участие студенты исторического и математического факультетов в количестве 45 человек и подростки 17–18 лет, обучающиеся в старших классах МБУ СОШ № 4, 18, 21 в количестве 41 человек. Для реализации поставленных задач была использована методика проективный тест «Когнитивно-эмотивный тест» (Морозюк С. Н., Орлов Ю. М.) [8]. Цель: изучить особенности рефлексии у школьников и студентов, представленной показателями защитной рефлексии, возникающей в результате переживания эмоций страха неудачи, чувства вины, стыда, обиды. Когнитивно-эмотивный тест относится к проективным методам исследования и измеряет количество и вид рефлексии по поводу эмоций. Тест содержит 20 показателей.

Результаты

После проведения эмпирического исследования с помощью, представленной выше методики, нами были проанализированы полученные результаты. Различия в показателях рефлексии у респондентов обеих выборок отображена в таблице 1.

Таблица 1. – Различия в показателях рефлексии старших школьников и студентов (Орлов Ю. М., Морозюк С. Н.) (по t — критерию Стьюдента)

Показатели КЭТ (Орлов Ю. М., Морозюк С. Н.)	Респонденты			
	Студенты	Школьники	t эмп. – Стьюдента	t кр. – Стьюдента
Объем защитной рефлексии от страха неудачи	61,6	58,4	0,21	0,29
Объем защитной рефлексии от чувства вины	55,6	56,0	0,33	0,37
Объем защитной рефлексии от чувства стыда	64,3	61,5	0,42*	0,25
Объем защитной рефлексии от чувства обиды	57,4	61,0	0,36	0,41
Агрессия против других	51,0	54,0	0,31	0,43
Агрессия против себя	37,0	46,0	0,54*	0,38
Рационализация обесценивания объекта	41,2	38,0	0,46*	0,36
Рационализация обстоятельствами	43,7	41,0	0,35	0,41
Проекция на других	39,0	37,3	0,39	0,46
Защита от чувства вины	43,0	56,0	0,48*	0,39
Защита от чувства стыда	51,3	49,0	0,34	0,39
Защита от страха неудачи	49,1	52,0	0,27	0,40
Защита от зависти	31,0	44,0	0,45*	0,33
Защита от обиды	47,0	52,0	0,31	0,52
Уход от ситуации	42,6	44,8	0,34	0,54
Самоуничтожение Я	43,0	46,0	0,42	0,49
Возбуждение вины в других	45,3	51,2	0,36	0,42
Саноженное мышление	43,0	53,1	0,43*	0,27
Несоответствие поведения других ожиданиям	38,6	37,0	0,26	0,32
Апеллирующее мышление	47,0	43,2	0,37	0,44

Примечание: статистически значимые различия** — на уровне $p \leq 0,01$; * — на уровне $p \leq 0,05$

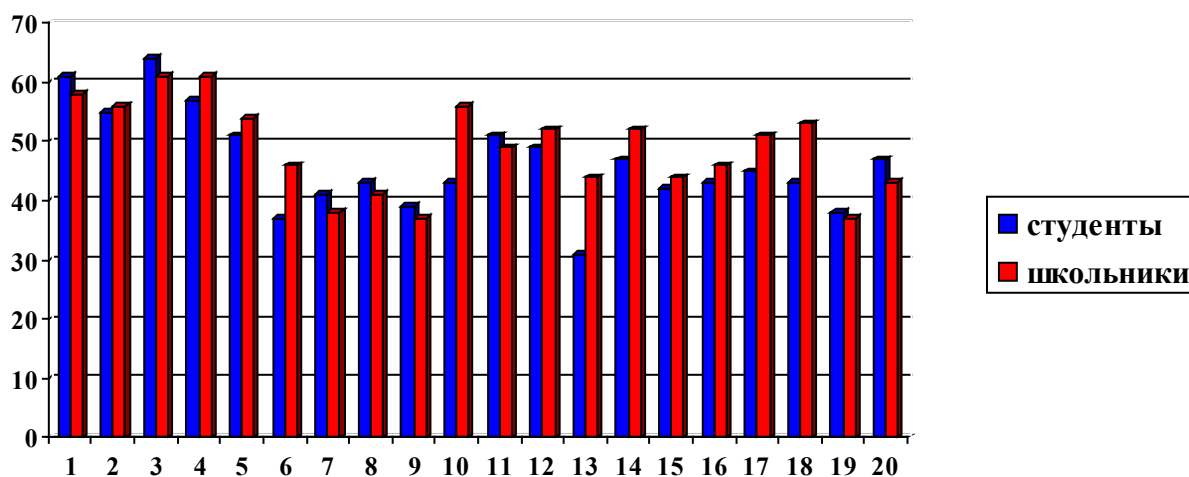

Рисунок 1. Выраженность показателей рефлексии в группах респондентов

Примечание: 1 — объем защитной рефлексии при репродукции неудачи, 2 — объем защитной рефлексии при репродукции чувства вины, 3 — объем защитной рефлексии при репродукции стыда, 4 — объем защитной рефлексии при репродукции обиды, 5 — агрессия против других, 6 — агрессия против себя, 7 — рационализация обесценивание объекта, 8 — рационализация обстоятельствами, 9 — проекция на других, 10 — защита от чувства вины, 11 — защита от чувства стыда, 12 — защита от страха неудачи, 13 — защита от зависти, 14 — защита от обиды, 15 — уход из ситуации, 16 — самоуничтожение Я, 17 — возбуждение вины в других, 18 — саноженное мышление, 19 — несоответствие поведения других ожиданиям, 20 — апеллирующее мышление»

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 1 и рисунке 1, существуют статистически значимые различия в таких показателях рефлексии старших школьников и студентов, как: «объем защитной рефлексии от чувства стыда» (0,42), «агрессия против себя» (0,54), «рационализация обесценивания объекта (0,46)», «защита от чувства вины» (0,48), «защита от зависти» (0,45) и «саногенное мышление» (0,43). Эти различия позволяют нам говорить, о том, что студенты более склонны к переживанию чувства стыда и чаще прибегают к обесцениванию объекта желаний в силу сложившихся трудных ситуаций, требующих своего решения. Они менее завистливы, чем школьники, и им в меньшей степени свойственно переживать вину и агрессию против себя. В свою очередь, у школьников более выражен показатель «саногенное мышление», они менее стыдливы и также как и студенты склонны к обесцениванию объекта желаний в трудных ситуациях. Им более свойственна зависть, склонность к переживанию чувства вины и агрессии против себя.

Выводы

Потребность практики в знании новых психологических механизмов, внутриличностных ресурсов, позволяющих оптимально организовывать образовательный процесс, направленный на профессиональное развитие личности, актуализировала проблему исследования рефлексии у школьников и студентов. Исследование особенностей рефлексии у школьников и студентов в этом контексте представляется весьма актуальным.

Методика «Когнитивно-эмотивный тест» (Морозюк С. Н., Орлов Ю. М.) позволила выявить особенное и общее рефлексии у школьников и студентов, представленной показателями защитной рефлексии, возникающей в результате переживания эмоций страха неудачи, чувства вины, стыда, обиды.

Интегрирование в образовательный процесс данных об особенностях рефлексии школьников и студентов позволит более целенаправленно организовывать процесс профессионального самопостроения личности.

Список литературы

1. Шеррингтон Ч. С. Интегративная деятельность нервной системы» (The Integrative Action of the Nervous System) / Ч. С. Шеррингтон. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1969. – 390 с.
2. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга / И. М. Сеченов. – М.: Изд-во АН СССР. 1961. – 98 с.
3. Мещеряков Б. Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. – АСТ; АСТ-Москва; Прайм-Еврознак; – Москва; СПб. 2008. – 632 с.
4. Орлов Ю. М. Оздораивающее (саногенное) мышление / Ю. М. Орлов; сост. А. В. Ребенок. – Серия: управление поведением. – Кн. 1. – 2-е изд., исправленное. – М.: Слайдинг. 2006. – 96 с.
5. Морозюк, С. Н. Саногенная рефлексия как фактор оптимизации акцентуаций характера и повышения эффективности учебной деятельности / С. Н. Морозюк // Дисс. ... докт. психол. наук: 19.00.01. – Москва. 2001. – 260 с.
6. Байдашева Е. Н. Личностно-профессиональное воспитание студентов в вузе / Е. Н. Байдашева // Современные проблемы науки и образования. 2006. – № 1. – С. 34–35.
7. Бессонова Е. А. Рефлексия и ее развитие в процессе учебно-профессионального становления будущего учителя / Е. А. Бессонова // Дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Хабаровск. 2000. – 160 с.
8. Морозюк С. Н. Десять шагов исцеления от обиды. Практикум по развитию саногенного мышления / С. Н. Морозюк, Ю. В. Морозюк. – Издательство «Прометей». 2013. – 134 с.
9. Павлов И. Рефлекс свободы / И. Павлов. – Серия: Мастера психологии. – Питер. 2017. – 432 с.
10. Щедровицкий Г. П. Рефлексия и ее проблемы / Г. П. Щедровицкий // Рефлексивные процессы и управление. 2001. – № 1. – С. 47–54.

Информация об авторах

Морозюк Светлана Николаевна, доктор психологических наук, профессор, Московский педагогический университет, Адрес: 127051, Малый Сухаревский переулок д. 6, Москва, Россия
Tel.: +8 (495) 608–20–08
E-mail: 7085963@mail.ru

Горбенко Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический университет, Адрес: 127051, Малый Сухаревский переулок д. 6, Москва, Россия

Tel.: +8 (495) 608–20–08

E-mail: ia.gorbenko@mpgu.su

Кузнецова Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, Московский педагогический университет, Адрес: 127051, Малый Сухаревский переулок д. 6, Москва, Россия

Tel.: +8 (495) 608–20–08

E-mail: e_kuznetsoffa@mail.ru

S. N. MOROZYUK¹,

I. A. GORBENKO¹,

E. S. KUZNETSOVA¹

¹ *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

FEATURES OF REFLECTION OF SENIOR SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS IN THE CONDITIONS OF MODERN EDUCATION

Abstract

Objective: to investigate the comparative analysis of the phenomenon of “reflection” in senior schoolchildren and students in the conditions of modern education.

Methods: during the research general scientific methods (the analysis of theoretical base), generalization and synthesis, methods of comparisons were used.

Results: As a result of an empirical study, it was found that students are more likely to experience feelings of shame, but unlike schoolchildren, they are less envious, they are less likely to experience guilt and aggression against themselves.

In turn, schoolchildren have a more pronounced indicator of “sanogenic thinking”, they are less shy, they are more prone to envy, a tendency to experience feelings of guilt and aggression against themselves. However, like students, students often resort to devaluing the object of desire due to the current difficult situations that require their solution.

Scientific novelty: It has been proved that the main behavioral strategies that students choose in adverse conditions are pathogenic in nature and form a dependence on the experience of various emotional States. This does not allow them to cope with life’s difficulties with dignity and manage their behavior without compromising their health.

Practical significance: the recommendations Developed as a result of the research can be used in the process of training students of higher educational institutions, as well as in the organization of professional training, retraining and advanced training of teachers.

Keywords: high school age, student age, reflection, sanogenic reflection, pathogenic reflection, mental automatism, education.

References

1. Sherrington C. H. s. “Integrative activity of the nervous system” (The Integrative Action of the Nervous System) / CH. S. Sherrington. – Leningrad: Nauka, Leningrad Department. 1969. – 390 p.
2. Sechenov I. M. Reflexes of the brain / I. M. Sechenov. – M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1961. – 98 p.

3. Meshcheryakov B. Big psychological dictionary / B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. – AST; AST– Moscow; Prime-euroznak; Moscow; SPb. 2008. – 32 p.
4. Orlov Yu.M. health-Improving (sanogenic) thinking / Yu. M. Orlov; comp. A. V. Child. – Series: behavior management. – Book 1. – 2nd ed., corrected. – M.: Slidinge. 2006. – 96 p.
5. Morozyuk S. N. Sanogenic reflection as a factor in optimizing character accentuations and improving the effectiveness of educational activities / S.N. Morozyuk // Diss. ... Doct. the course of studies. Sciences: 19.00.01. – Moscow. 2001. – 260 p.
6. Baidasheva E. N. Personal and professional education of students in high school / E. N. Baidasheva // Modern problems of science and education. 2006. – No. 1. – P. 34–35.
7. Bessonova E. A. Reflection and its development in the process of educational and professional development of the future teacher / E. A. Bessonova // Diss. ... Cand. the course of studies. Sciences: 19.00.07. – Khabarovsk. 2000. – 160 p.
8. Morozyuk S N. Ten steps of healing from resentment. Workshop on the development of sanogenic thinking / S.N. Morozyuk, Yu. V. Morozyuk. – Prometheus Publishing House. 2013. – 134 p.
9. Pavlov I. Reflex of freedom / I. Pavlov. – Series: Masters of psychology. – Piter. 2017. – 432 p.
10. Shchedrovitsky G. P. Reflection and its problems / G. P. Shchedrovitsky – // Reflexive processes and management. 2001. – No. 1. – P. 47–54.

Information about the authors

Svetlana N. Morozyuk, Doctor of psychology, professor, Moscow Pedagogical State University, Address: 127051, M. Sucharevsky per. 6 Moscow, Russian Federation
Tel.: +8 (495) 608–20–08
E-mail: 7085963@mail.ru

Irina A. Gorbenko, PhD in Psychology, Associate Professor Moscow Pedagogical State University
Address: 127051, M. Sucharevsky per. 6 Moscow, Russian Federation
Tel.: +8 (495) 608–20–08
E-mail: ia.gorbenko@mpgu.su

Elena S. Kuznetsova, PhD in Psychology Moscow Pedagogical State University
Address: 127051, M. Sucharevsky per. 6 Moscow, Russian Federation
Tel.: +8 (495) 608–20–08
E-mail: e_kuznetsoffa@mail.ru

Philology and linguistics

Филология и лингвистика

UDC 81.276.5

DOI: 10.29013/AJH-20-11.12-37-44

E.S. KARPOV¹,E.G. KARPOVA¹¹ Russian State University named by A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia

TRANSFORMATION PROCESSES IN THE COMMUNICATIVE SYSTEM OF LANGUAGE UNDER THE INFLUENCE OF MODERN MASS MEDIAL DISCOURSE

Abstract

Objective: Determine the influence of modern mass media discourse on the communicative system of the language.

Methods: comparison, generalization, observation, system analysis, data grouping, theoretical knowledge, as well as the analogy method.

Results: based on the analysis of literature sources, the place of modern mass-medial discourse in the communicative system of the language was revealed, the specificity of transformation processes in the communicative system of the language was determined, functional and stylistic features of mass-media discourse, which had linguistic and stylistic originality, were substantiated; the promising directions of development of the communicative system of the language are determined.

Scientific novelty: for the first time, on the basis of a complex of the presented methods, the influence of modern mass-media discourse on the communicative system of the language and the transformation processes associated with it is investigated. The novelty of the research also lies in the clarification and expansion of scientific approaches to understanding the systemic typological characteristics in the aspect of modern stylistics, textology and discourseology, as well as in identifying functional and stylistic features of mass media discourse as a variant of the discourse of Internet communications, which has a linguistic and stylistic originality, a special polycode, also in the fact that systematized materials on the theory of multimedia help to identify new promising areas of research into this phenomenon and its problematic aspects.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and practical pedagogical activities, in the activities of practicing journalists in the study of applied issues of the development of social networks, internet journalism. The practical value also lies in the possibility of using its results and conclusions in lecture and practical courses on the language and style of media, journalism, social networks, mass communication, especially in innovative special courses on the latest online journalism and media research, as well as in special courses on modern genre features of media texts. The materials can be useful for practicing journalists on the Internet.

Keywords: mass media discourse; communicative language system; information space; Internet communications.

For citation: Karpov E.S., Karpova E.G. Transformation processes in the communicative system of language under the influence of modern mass medial discourse// Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 11–12. – P. 37–44. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-37-44>

Introduction

Society of the XXI century is going through a new stage in the formation of the information space. The Internet as a type of text is playing an increasingly important role in the culture and structure of society. Scientists compare its emergence with the emergence of writing or the formation of the media. Oral communication was previously possible only through direct communication. The development of technology has led to the emergence of the ability to contact using the messenger anytime and anywhere. This predetermined the formation of new types of institutional discourse, changes in the forms of existence of vocabulary, the entire communicative system of the language. The modern info society is a new type of society, and its main feature is the presence of a new type of literature and information delivery — the Internet. This leaves an imprint on all types of speech activity, including oral institutional discourse.

Modern approaches to understanding the functional transformation of the communicative system of a language, including in Internet media, reveal the importance of the multimedia characteristic, under the influence of which the language is dynamically changing as a way of communication in the network media space. One of the most important types of discourse in which modern man is practically “immersed” is mass media discourse. It is multifunctional, it uses a variety of communication channels, and video content prevails in today’s mass media discourse.

There is a kind of “overflow” of information: a person lives in the information space, surrounded by news, events, news stories, and to attract his attention each time an ever brighter news occasion is required that can overshadow the previous ones. It turns out that the media are trying to “overtake” each other in pursuit of the attention of the listener, viewer, reader, and that, in turn, no longer knows which media to address. Modern mass media are the main, and for many people practically the only means of recognizing information. Consequently, the influence of information and telecommunication technologies, mass media discourse on almost all aspects of life actualizes research in this direction.

Main part

The concept of discourse, despite extensive discussion and coverage in scientific literature, turned out to be blurred due to its multifaceted nature and did not receive an unambiguous interpretation. Within the framework of this study, based on the use of methods of system analysis

and analogy, discourse is understood as “a coherent text in combination with extralinguistic-pragmatic, sociocultural, psychological and other factors” [1, p. 98–136], immersed “in a situation of communication and allowing many dimensions” [8, p. 5–6].

Discourse is verbal communication in a complex of various factors. In particular, the structure of discourse includes the context and consituation, previous acts of communication between the same two communicants, various precedent phenomena and the common apperception base of two communicating people.

A linguistic personality manifests itself in discourse. Typical forms of discourse, formed in the speech practice of a given society, are usually called institutional discourse. These can be various typical situations of communication, characteristic of a particular type of interpersonal interaction. The Internet enriches the number of models of institutional discourse due to the emergence of new ways of being information.

Unaware of the various types of institutional discourse, their differences and similarities, their use in different situations, a person will not be able to adequately translate and understand the statement addressed to him, and also will not cope with understanding someone else’s dialogue in literature, cinema, mass communication. Accordingly, the study of various types of institutional discourse and everyday discourse, including taking into account their updated composition, as well as typical ways of expressing typical meanings, will allow a person to navigate in a foreign language, in particular, in the English-language discourse of Internet communications.

The authors consider the main approaches to the study of the category of discourse and its interpretation. The role of discourse in the modern network communication space is determined, which makes it possible to single out a new type of discourse — mass media discourse. The concept of “discourse” arose in linguistics as an opposition to the concept of “text” and in many ways develops it, however, discourse, in contrast to the text, includes many parameters that are related mainly to the extralinguistic situation [1, p. 67].

Based on the theoretical analysis of the studied body of literature, as well as the method of grouping data and the method of generalization, the main changes and trends in the development of the modern language in connection with globalization and the transition to an information society are revealed, which can be summarized in several provisions:

1. Word formation is overactive, since new derivative words are formed and enter into speech use not in stages, but rapidly, when, in accordance with the needs of society, a whole word formation group enters into speech use.

2. There is a wave of abbreviations and formations from abbreviations, for example: OMON — riot police, riot police; GIBDD — a traffic policeman; FSB — fees-beshnik; GKChP — Gekachepist; CIS-Eseng, etc.

3. The “openness” of modern society for international contacts, the strengthening of the process of globalization and informatization, the expansion of communication through the World Wide Web in recent years have led to the entry into the language of a large number of borrowings (mainly from the American version of the English language): manager, briefing, animation, merchandising, franchising, supervisor, trend, fundraising, overdraft, guest worker, etc. Foreign words have become not only necessary, necessary, but also attractive and prestigious. In this case, the measure and selectivity in the use of foreign language vocabulary begins to be lost. General mood and fashion come to the fore. Signs of the city serve as an indicative illustration: shop, supermarket, mini-market, boutique. All new borrowings can be divided into two categories — necessary, inevitable, partly meeting the needs of the language itself, since they fit into the main trends of its development (as a result of the law of speech economy: brand “trade mark”, remake “processed work (film, musical, etc.) based on the old model”, exit poll “poll at the exit from polling stations”, musical “theatrical performance with elements of a rock opera”), and borrowings that do not meet the requirements of necessity, complicating the degree of mutual understanding in communication (blockbuster “box office movie”, artifact “education, unusual for the object of research and arising under the influence of research”, legitimacy “legality”, electorate “circle of voters”, guest worker “hired worker”, volunteer “volunteer”, face control “check”, franchise zing “copying in business”, overdraft “credit on a plastic card”, fundraising “fundraising”, creative “creative”, etc.).

4. Another manifestation of innovations in the language of our time is semantic transformations, which are also proceeding extremely intensively. The collocation of words is rapidly expanding, which leads to the rapid formation of new meanings, for example, a metal shuttle “part of a sewing machine mechanism” and a spinning shuttle “a successful trader who makes periodic trips to buy goods”, etc.

5. Intensive democratization of the language, combined with the abolition of censorship, has led to the fact that unnormalized vocabulary as well. quite often invectives have gone beyond the limits of everyday speech and are widely used in all genres that require expression: newspaper and television reports, publicistic speeches, political debates. Buzz, get it, soak it, sucks, fat, freebie, brake, etc.— before, such vocabulary was outside the scope of literary use and was carefully fixed.

Today, in the 21st century, jargonized speech can be heard and read almost everywhere: on the street, in transport, in the cinema, on radio, television, in the speeches of politicians, businessmen, in advertising, and this phenomenon does not shock the public, as two decades ago, and for its understanding, specialized dictionaries were created, which are being actively updated. The question of the state of the modern language occupies a significant place in the academic environment and causes serious scientific controversy, which is due to the relevance and depth of this problem.

Characterizing the linguistic situation, theorists and practitioners who support them, distinguish the following features:

1) significant changes that have occurred in Russia in the post-perestroika era, have led to changes in the language situation and led to the widespread spread of profanity;

2) the use of slang and foreign language vocabulary is widely used in the nomination process: according to the linguistic appearance of the surrounding world, in particular, the names of city streets, the names of infrastructure institutions, banks, shops and other organizations, it is difficult for advertising to determine which language is in our country has the status of a state;

3) the government, officials whose concern is to improve the management tool — language, do not know effective methods to improve the situation in the language sphere. As a result, the adoption of measures to regulate and protect the language from unnecessary and imposed forms of vocabulary is delayed;

4) significant damage to the language is caused by the publishing policy associated with the translation of foreign literature, which does not fulfill the function of enriching the dictionary, phraseology of the Russian language, its syntax. The poor quality of the originals and the even lower quality of commercial translations into Russian impoverish the lexical system;

5) in information and telecommunication technologies, in the mass media that play the role of a linguistic authority, illiteracy is passed off as the norm, and the modern “newspeak” — as a literary language. The speech of television and radio broadcasters, journalists, commentators, called upon to be carriers of the state cultural and linguistic policy, is replete with mistakes, an open orientation towards foreign samples that are alien to the traditions of the Russian language. On radio and television, it has become fashionable to speak with an American accent and cheekily [20, C.117].

Professor Yu. V. Rozhdestvensky expresses concern about the undefined socio-political status of the Russian language and believes that the Russian language is losing ground at the very core of the latest language practice, since borrowings from the English language are used in the field of information technologies of all types and purposes [4, C.104–120].

Based on the use of observation methods and analogy, the following can be stated. In general, the quality and level of language proficiency in society is low. The current problems of the language have a distinct socio-economic connotation and are part of the general crisis experienced by society.

Without entering into polemics with the judgments of scientists, we believe that it is necessary to pay attention to the fact that establishes a direct connection between what you say and write and how it happens. Language as a way of conceptualizing the surrounding reality determines, in a sense, a view of the world and even, to a certain extent, the behavior of a person.

We believe that conditions and lifestyle determine the behavior of an individual. The level of education, upbringing, value attitudes, worldview, environment, a number of other factors — all this directly influences and forms the speech culture of personality. A ban on anything, and in our case on the use of profanity (obscene vocabulary, argot, jargons of various kinds), which includes slang in the discourse of Internet communications, instills fear, but does not lead to the necessary results to improve the quality of the common language: a literate ideology is needed in relation to the preservation of the fundamental principle of the language. In other words, the speech of a society in a broad sense reflects the level of its life, satisfaction with the conditions of existence.

In our opinion, those changes in the language, about which so much is written and spoken about, affect not

the language system, but linguistic competence (the ability to speak) and, consequently, generated texts; the lack of culture that has gripped society, the inability to vary language styles depending on the situation and circumstances are not irreversible. When discussing and assessing the level of development of a modern language at the present time, one cannot confuse the actual language issues and the speech practice of language users. The processes taking place in the language, in our opinion, should be considered as a dynamic, functionally developed state of the language system. Positive changes in the socio-political life of the country will duly affect the speech of society, increasing the linguistic competence of native speakers. Thus, having designated the nature of the phenomena and trends in the development and functioning of the language in modern conditions, we note that the “liberalization” of the norms of the codified language as a result of socio-economic changes and transformations of value attitudes in society was the primary cause of the main changes in the lexical system of the language and in the speech of its users.

In modern society, special attention is focused on establishing effective communication between representatives of different cultures in virtual Internet communication. Regardless of social or professional affiliation, age, religious views, there has recently been a massive use of slang by all segments of the population. The lexicon and phraseology of slang reflects the peculiarities of its existence: the absence of prohibitions, censorship, norms of use. Slang is distinguished by such features as openness, the transition to spoken language of various segments of the population, an abundance of borrowings and slangisms created on their basis. Slang in the discourse of Internet communications at the present time most vividly conveys the cultural and linguistic situation of the beginning of the XXI century, and reflects the dynamics of lexicon development, attracting the attention of linguists, scientists and practitioners.

Many sciences are engaged in the study of slang, including linguistics, communication studies, psychology, philosophy, etc. The work uses systemic and typological approaches. These approaches make it possible to reveal the novelty of the undertaken research, in which, based on the method of system analysis and generalization of the available theoretical knowledge in the field of the functioning of the language of modern network mass communication and modern trends in philology and psycholinguistics, arguments are proposed for iden-

tifying stable features that collectively and dominantly determine the conceptuality of language modernization the influence of new information technologies and current trends in the media space. Being a functional variety of the Russian language lexical and semantic subsystem, slang uses phonetics and grammar of the primary communicative system (literary language, colloquial speech, written speech, territorial dialect) and is characterized by lack of independence. They use it not so much because of a communicative need (for this, a common language is enough), but in order to show originality, update familiar expressions, and give speech a friendly tone.

Research results

To solve the stated scientific problem, various analytical-theoretical and empirical methods were used that are used to describe general philological problems, including the method of system analysis used in the study and generalization of actual language material, the method of data grouping or component analysis. In the course of the work, methods of observation, comparison, analogy, discourse, contextual analysis, etc. were also used. As a result of the study, the authors come to the following kind of conclusions and generalizations. The communicative environment of mass media discourse includes the following genres: 1) e-mail; 2) chat — informal communication in real time using technical devices, devices; 3) electronic bulletin boards; 4) computer conferences; 5) webinars; 6) social networks — uniting people into network communities for communication and instant transmission of information and telecommunication messages “Vkontakte”, “Odnoklassniki”, “Facebook”; “Twitter”, programs for transmitting information and telecommunication messages Wiber, WhatsApp, etc. The empirical material of the study was the content of the sites Vkontakte, Twitter, Instagram, Facebook, LJ blog, Wiber chats, WhatsApp, etc., on which more than 100 texts were considered and selectively more than 40 examples are analyzed in detail. The choice of texts for analysis was due to the breadth of features and functional flexibility of this language, as well as the need to identify common, key characteristics, while using the methods of observation, comparison, generalization, as well as contextual analysis.

As a material for the analysis, micro messages from the Twitter website were chosen, conceived as an answer to the question “what the user is doing at the moment” — each talked about what worries him at the moment, what is happening in his life, etc. short text messages is the

most efficient way to disseminate information: for example, in moments of acute social conflicts, it was “tweets” that turned out to be a way to unite and discuss what was happening. The site loads quickly, does not require a lot of traffic and easily allows you to report everything that happens.

On the other hand, Internet users often abuse their attempts to “grasp” their momentary experiences: objectifying their experiences becomes an end in itself, a person seems to be looking in the mirror all the time.

The emergence of a new way of communication radically changes the structure of the linguistic personality: the rapid exchange of messages leads to the use of abbreviations, non-observance of grammatical and syntactic rules, punctuation marks are often absent in the text. However, the main criterion is the understanding by the potential audience — the so-called followers — of the meaning of messages and the correct reading of their communicative intention.

The constant fascination with their experiences could not but affect the vocabulary and grammar of the linguistic personality, while the pragmatics is determined by the ability to communicate in real time about your emotions and get a reaction online.

The texts of messages within the framework of the discourse of Internet communications are characterized by structural-semantic and functional-pragmatic features characteristic of the discourse of mass communication networks, informal discussions of problems within the framework of informal interpersonal communication. The specificity of the discourse of Internet communications consists in the selective combination of features characteristic of other types and forms of communications.

The investigated statements in social networks, on online forums, blogs, social networks represent the dialectical unity of written and oral communication — written, since they are formally recorded in alphanumeric characters and are perceived visually; and oral, as they capture direct communication, including paragraphic substitutes for sign language, facial expressions and intonation (a striking example is emoticons). Utterances are very often divided not into sentences, but into intonation units — predication, if necessary separated by punctuation. This type of communication — oral through writing — is labeled by the author as oral and written.

The authors investigate the functional and practical specifics of slang units in the space of Internet commu-

nications; speech specifics of Internet communications; the main types of Internet communications; transformational processes in human consciousness in the media of network mass communication; slang as a marker of personality transformation on the Internet.

In the globalizing conditions of the development of the information society, the functioning of the masses, media discourse in the communicative system of the language is an independent direction of modern Internet journalism, corresponding to classical systems, possessing original and stable functional and stylistic features, including polycode, which were formed in the conditions of the development of modern network mass communication in the media space and identified the possibility of separating slang into an independent linguistic unit of the discourse of Internet communications. If the author identifies with a certain social group through the use of slangisms, then a so-called marginal discourse appears: the discourse of a person who considers himself to be a limited linguistic community, using slangisms for self-identification.

Conclusions

1. The structure of mass communication with the advent of the Internet has changed, since the transformation processes in the communicative system of the language have an increasing dynamics.

2. A new structural entity has appeared — a global network. Researchers note that the Internet was originally a qualitatively new type of media, so new that representatives of traditional journalism literally did not know what to do with it.

3 The proliferation of the Internet, on the one hand, neutralizes the unidirectionality of the information flow, but at the same time expands the possibilities for manipulation.

4. The Internet contains a wide variety of information on the same issue, and any user himself forms the content of the information he has read, using hypertext navigation using links.

Among the features of modern mass media discourse in the communicative system of the language, the following should be highlighted:

(1) selectivity in the use of the media: an increasing number of people prefer to receive information not from one, but from several sources;

(2) some bias in the presentation of news: the emotional component is brought to the fore, and news important or unpleasant for the state is hushed up;

(3) playing with vocabulary: the formation of a certain perception of what is happening with the help of the lexemes used.

The Internet, which has entered the already established structure of the media as a new entity, has changed the “balance of power”. A significant factor is that the electronic format for presenting information, as it were, accumulates all those features of the media that existed before. Slang is the language of a new type of Internet communications, in which the properties of verbal and non-verbal discourses are closely intertwined, the concepts of completeness, integrity and coherence are expanded, and meanings and functions are redistributed as a result of combining information, analytical and communicative characteristics.

The study can be continued in terms of expanding the applied aspects of studying the Internet space as an environment for the functioning of mass media discourse in the context of the intensive development of network mass communication, communicative space, a single media space based on multimedia and identifying its specificity and dynamics. It seems promising to further study the functional and pragmatic aspect of other genres of Internet communications on the material of other languages, which will reveal the algorithmic features and patterns of modern network mass communication in the media space, while significantly complementing the modern mass media discourse of the communicative system of the language.

References:

1. Avanesov R. I. Russkaya dialektologiya (Russian dialectology), R. I. Avanesov, S. V. Bromley et al., Nauka, 2017. – 305 p. (in Russ.).
2. Bondaletov V. D. (Typology and genesis of Russian argos), V. D. Bondaletov. – Ryazan: Triada, 2017. – 84 p. (in Russ.).
3. Borisova-Lukashenets E. G. O leksike sovremennogo molodezhnogo zhargona (angloyazychnyye zaimstvovaniya v studencheskom slenge 60–70-kh godov) (On the vocabulary of modern youth jargon (English borrowings in student slang of the 60–70s)), E. G. Borisova-Lukashenets, Literaturnaya norma v leksike i frazeologii (Literary norm in vocabulary and phraseology.), 2019. – 120 p. (in Russ.).

4. Vakhitov S. V. *Lektsii o russkom slenge* (Lectures on Russian slang), S. V. Vakhitov. – Ufa: UGPU Publishing House, 2016. – 448 p. (in Russ.).
5. Vinogradov V. V. *Leksikologiya i leksikografiya, zbrannyye trudy* (Lexicology and lexicography, selected works), V. V. Vinogradov: Nauka, 2017. – 312 p. (in Russ.).
6. Golovin B. N. *Voprosy sotsialnoy differentsiatsii yazyka, voprosy sotsialnoy lingvistiki* (Questions of social differentiation of language, Questions of social linguistics), Nauka, 2019. – 354 p. (in Russ.).
7. Grachev M. A. *Russkoye argo* (Russian argo), M. A. Grachev. – N. Novgorod: Publishing house of NGLU, 2017. – 246 p. (in Russ.).
8. Elistratov B. C. *Argo i kultura* (Argo and culture), B. C. Elistratov: Mir knigi, 2016. – 639 p. (in Russ.).
9. Elistratov B. C. *Russkoye argo v yazyke, obshchestve i kulture* (Russian argo in language, society and culture), B. C. Elistratov: Astrel, 2019. – 375 p. (in Russ.).
10. Ermakova O. P. *Slova, s kotorymi my uzhe vstrechalis. Tolkovyy slovar russkogo obshchego zhargona* (Words that we have already met. Explanatory dictionary of Russian general jargon): Alfa-vit, 2019. – 574 p. (in Russ.).
11. Ivanova M. V. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke* (Active processes in modern Russian language, M. V. Ivanova, N. S. Valgin): Lan, 2017. – 324 p. (in Russ.).
12. Karaulov Yu. N. *O sostoyanii sovremennogo russkogo yazyka* (On the state of modern Russian language), 2018. – 31 p. (in Russ.).
13. Kramorenko G. I. *Zaimstvovaniya v soldatskiy sotsiolekt FRG (po materialam slovary Khayntsa Kyuppera)* (Borrowing into the soldier's sociolect of the FRG (based on the dictionary of Heinz Kupper), – Smolensk: SGPU, 2019. – 178 p. (in Russ.).
14. Kramorenko G. I. *O novom v tendentsiyakh razvitiya sovremennogo yazyka molodezhi* (On the new in the development trends of the modern language of youth, G. I. Kramorenko. Actual problems of text linguistics), – Bryansk, 2019. – 92 p. (in Russ.).
15. Mokienko V. M. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii* (Explanatory dictionary of the language of the Soviets. V. M. Mokienko): ACT, 2017. – 848 p. (in Russ.).
16. Rozhdestvensky Yu. V. *O sovremennom polozenii russkogo yazyka* (On the current state of the Russian language), Philology, 2019. – No. 9. – 117 p. (in Russ.).
17. Salyaev V. A. *O sotsialnykh dialektakh russkogo yazyka* (About social dialects of the Russian language), 2018. – No. 8. – 93 p. (in Russ.).
18. *Sovremennyy russkiy yazyk: Teoriya. Analiz yazykovykh yedinit: ucheb. dlya studentov vyssh. zavedeniy* (Modern Russian language: Theory. Analysis of linguistic units: textbook. for students of higher): Academy, 2016. – 544 p. (in Russ.).
19. Stoikov S. *Sotsial'nyye dialekty, Voprosy yazyko-znaniya* (Social dialects. Questions of language knowledge), 2017. – No. 6. – 84 p. (in Russ.).
20. Uspensky B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII- nachala XIX veka* (From the history of the Russian literary language of the 18th – early 19th century): Publishing house of Moscow State University, 2019. – 215 p. (in Russ.).
21. Khomyakov V. A. *Vvedeniye v izucheniye slenga – osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya* (Introduction to the study of slang – the main component of the English vernacular), – Vologda: Publishing house of VGPI, 2017. – 104 p. (in Russ.).
22. Androutsopoulos J. K. *Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen*, F.a.M.: Lang, 2018. – 688 p.

Information about the authors

Ernest S. Karpov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named by A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia
Address: Sadovnicheskaya 33, bldg. 1, 115035, Moscow, Russia, tel.: +7 (495) 811-01-01 ext. 1303/1123 general department

E-mail: calib_mr_stolz1@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8908-2705>

Elena G. Karpova, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications, Russian State University named by A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia
Address: Sadovnicheskaya 33, bldg. 1, 115035, Moscow, Russia, tel.: +7 (495) 811-01-01 ext. 1303/1123 general department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4062-8957>

С. О. КИПАРИСОВА¹¹ Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище, г. Рязань, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИКИ СТЕПЕНИ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация

Цель: моделирование способа диагностики степени развития навыков смыслового чтения у обучающихся высших учебных заведений как необходимого инструмента при получении высшего образования и формирования гармонично развитой личности с устойчивой системой ценностей.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, качественного и количественного анализа данных, лингвоконцептуального анализа текста.

Результаты: в ходе исследования смоделирована система мониторинга степени развитости навыков смыслового чтения путем создания и анализа вторичного текста на основе прочитанного.

Научная новизна: на данном этапе разработки проблемы способы диагностики навыков смыслового чтения используются для работы с младшими школьниками и детьми с ограниченными возможностями здоровья. Предложенная модель позволяет осуществлять мониторинг степени развитости навыков смыслового чтения у взрослых людей, получающих высшее образование.

Практическая значимость: результаты могут быть использованы в практике работы преподавателей высших учебных заведений.

Ключевые слова: смысловое чтение; уровень понимания текста; мониторинг развития навыков; маркер; проблема развития навыков смыслового чтения.

Для цитирования: Кипарисова С.О. К проблеме диагностики степени развития навыков смыслового чтения // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 45–53. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-45-53>

Введение

На сегодняшний день проблема формирования навыков смыслового чтения приобретает все большую актуальность. В современном мире формирование читательской компетенции — одна из наиболее важных задач, стоящих перед образованием, определяющих направление исследований образовательного и воспитательного процесса на всех уровнях.

Существует несколько подходов к решению данной проблемы, однако все они преимущественно затрагивают в качестве объекта дошкольников и школьников младшего и среднего возраста. В настоящей статье предпринята попытка моделирования системы мониторинга степени развития навыков смыслового чтения у обучающихся в высших учебных заведениях, так как смысловое чтение — необходимый навык для организации эффективного процесса образова-

ния и самообразования, который способствует формированию умения к самостоятельному получению и интерпретации информации, что обуславливает актуальность данного исследования.

Основная часть

Важность умения работать с текстовой информацией трудно переоценить. Как отмечает исследователь Арасланова С. С., «в социальной сфере перво-степенное значение обретают информация и знания, формируется глобальное информационно-коммуникационное пространство, способствующее эффективной коммуникации людей и обеспечивающее доступ к мировым информационным ресурсам» [1, с. 222].

В современной науке определилось несколько подходов к классификации видов чтения, основанием для которых являются такие ключевые параметры, как целевая установка при процессе чтения и сформиро-

ванность необходимого для осуществления процесса чтения инструментария. Однако внимание современных исследователей сосредоточено на детской аудитории: «у школьников формируются способности не просто пересказывать текст, но и выражать своё отношение к прочитанному, давать оценку той информации, которую он получил» [2, с. 18].

Исследователь Воронов В. В. указывает, что «главное, что характеризует перемены, инновации в наших образовательных стандартах и средней, и высшей школы, — это компетентностный и деятельностный подходы» [3, с. 27]. При описании видов чтения с точки зрения градуальности, т.е. с учетом увеличения сложности цели и мыслительной деятельности, степени усиления познавательной активности, представляется целесообразным выстроить взаимосвязанную иерархическую цепочку: 1) механическое чтение; 2) поверхностное чтение; 3) познавательное чтение; 4) эстетическое чтение; 5) смысловое чтение.

Механическое чтение с этой точки зрения не представляет никакой сложности для обучающихся в высших учебных заведениях. Все они умеют читать, а механическое осуществление процесса не требует никаких дополнительных усилий, так как не задействует ни память, ни воображение, ни мышление.

Поверхностное чтение базируется на установке на сюжет. Читатели фиксируют сюжетные линии, могут описать внешность и некоторые особенности личности героя, указанные автором напрямую, однако не анализируют движущие героями причины и мотивы и, как следствие, не анализируют психологический подтекст художественного произведения. Такой вид чтения тоже является освоенным взрослым человеком, прошедшим школьный курс.

Познавательное чтение — необходимое условие работы с поисковыми интернет-системами, так как целевая установка при таком виде чтения — поиск и получение конкретной информации. Это более сложный вид чтения, для которого необходима сформированность целого ряда предварительных навыков, например, навыков выделения главной и второстепенной информации, оценивания высказывания на предмет истинности или ложности, навыков концентрации внимания и т.д. Работу с текстом при таких условиях облегчает личная заинтересованность субъекта чтения: читатель уже знает, какая информация ему необходима, и сам заинтересован в достижении результата в кратчайшие сроки. «Смена модели чтения

подразумевает смену методик приобщения к чтению. Расширение «ролей» чтения в образовании и жизнедеятельности человека. В настоящее время нужны другие методики приобщения к чтению. Мы живем в информационном обществе, где нахождение информации является товаром. Мы живем в постиндустриальной эпохе, а учим как в индустриальной» [4, с. 82].

От предыдущих видов чтения кардинально отличается эстетическое, при котором сам процесс чтения является целью и одновременно средством получения удовольствия, добровольным видом проведения досуга. Такое отношение к художественным произведениям — одна из целей работы преподавателя в вузе, так как именно высокие литературные образцы могут способствовать формированию устойчивой шкалы ценностей у молодежи, что, в конечном счете, позволяет обучающимся самостоятельно принимать взвешенные, адекватные и обдуманные решения, опирающиеся на общечеловеческую мораль и гражданскую сознательность.

Смысловое чтение является наиболее сложным из предложенной классификации, его формирование невозможно без предварительной подготовки и освоения предыдущих видов чтения.

Исследователь Атрохова Т. В. рассматривает «для исследования внутренних механизмов изменения психологической структуры смыслового чтения в процессе обучения в начальной школе корреляции учебноважных качеств в группах «успешных» и «неуспешных» обучающихся в 1, 2, 3 и 4 классах» [5, с. 260]. Для диагностики используется «компонентный состав психологической структуры чтения», который представлен 16 учебно-важными качествами [5, с. 258]. Исследователь Залецкой С. Е. отмечает, что «процесс формирования навыков смыслового чтения представляет собой совместную деятельность учителя и ученика при ведущей роли учителя как организатора процесса обучения. Для того чтобы процесс обучения был эффективным, необходимо слаженное взаимодействие обеих сторон, связующим звеном которого становится диагностика» [6, с. 94].

Еще один взгляд на проблему представлен в работе Иншаковой А. Г., которая отслеживает процессы «овладения скоростью чтения и понимания прочитанного у каждого ребенка проводилось путем сравнения результатов с аналогичными средними значениями, полученными в популяции обследованных ровесников, с помощью метода стандартизации данных» [7, с. 65].

Конечная цель обучения смысловому чтению — развитие критического мышления, которое должно проходить три стадии: вызов, осмысление и рефлексию. Рефлексия предполагает самостоятельный отклик на прочитанный текст, то есть создание вторичного текста, например, отзыва или эссе. «Парадокс состоит в том, что современный человек, в принципе, читает очень много — интернет-новостей, постов, блогов. В эпоху информационного бума информация доступна посредством телевидения и сети Интернет, многие даже говорят об информационном перенасыщении. Но вопрос в том, является ли книга только лишь источником информации? Иными словами, что мы получаем от чтения книг?» [8, с. 34–35].

Для проверки степени сформированности навыков собственно смыслового чтения в нашей работе рекомендуется использовать текст и определенный алгоритм работы с ним. Тексты для контроля следует выбирать со скрытым смыслом, метафорические, чтобы на их примере можно было продемонстрировать

смысловую многоступенчатость, например, тексты в жанре притчи.

В качестве контролирующего задания следует применять группы вопросов, направленных:

- 1) на проверку усвоения фактической информации;
- 2) на проверку усвоения взаимосвязанных сюжетных линий;
- 3) на проверку усвоения проблематики текста;
- 4) на проверку понимания идеи текста;
- 5) на проверку понимания позиции автора;
- 6) на проверку осмысления и интерпретации текста.

То есть на первом уровне проверяется событийно-сюжетное понимание текста, на втором — структурно-композиционное понимание текста, на третьем — содержательно-проблемное понимание текста, на четвертом — содержательно-идейное понимание текста, на пятом — оценочно-смысловое, на шестом — концептуально-смысловое содержание текста, как показано в таблице 1.

Таблица 1. – Виды чтения

№ п/п	Вид чтения	Объект осмысления читателем	Уровень понимания текста	Слова-маркеры
1	поверхностное чтение	усвоение фактической информации	событийно-сюжетный	имена собственные, географические названия, цифровые данные и т.д.
2	познавательное чтение	усвоение взаимосвязанных сюжетных линий	структурно-композиционный	указания на фрагменты текста, их чередование и взаимосвязь
3	познавательное чтение, смысловое чтение	усвоение проблематики текста	содержательно-проблемный	поднимается проблема, освещается вопрос и т.п.
4	смысловое чтение	понимание идеи текста	содержательно-идейный	автор хотел показать / раскрыть, идея текста заключается в ... и т.п.; эмоциональная и оценочная лексика
5	смысловое чтение	понимание позиции автора	оценочно-смысловой	по моему мнению, на мой взгляд, мне кажется, я считаю, мне нравится / не нравится и т.п.; эмоциональная и оценочная лексика
6	смысловое чтение	осмысление и интерпретация текста	концептуально-смысловой	заслуга автора, книга позволяет, после прочтения у читателей, книгу надо / не надо читать людям ... и т.п.; эмоциональная и оценочная лексика

На первом уровне понимание осуществляется на уровне описания событий и персонажей, что и с кем

происходит в тексте. Второй уровень предполагает понимание структуры текста, зачина, кульминации,

развязки, ключевых для развития сюжета событий. Третий уровень позволяет увидеть проблему, которую ставит автор текста. На четвертом происходит понимание того, зачем автор ставит эту проблему. Пятый уровень предполагает осознание оценки автором проблемы, а также формирование собственной точки зрения. Шестой уровень — это понимание не только сюжета, структуры, проблемы, идеи и авторской позиции, но и анализ концептосферы произведения. Следует отметить, что смысловое чтение реализуется на трех последних уровнях (а также частично на третьем уровне).

«Как это ни парадоксально, — пишет исследователь Басова Л. А., — но опыт показывает, что развитию навыков чтения способствуют, прежде всего, письменные упражнения: слуховые и зрительные диктанты; списывание текста; конспектирование статей учебника. Уменьшение объема домашних письменных заданий — одна из главных причин низкой техники чтения учащихся! Поэтому нужно обращать особое внимание на письменные упражнения» [9, с. 30]. Поэтому нами было предложено курсантам, участвующим в исследовании, написать отзыв на произведение военной тематики.

В качестве материала было выбрано произведение Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен» [10]. При проведении опроса среди курсантов I курса Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища Эрих Мария Ремарк оказался самым любимым зарубежным писателем и вторым по известности в мире зарубежным писателем, по мнению курсантов. Выбор произведения обусловлен сферой профессиональных и личностных интересов реципиентов — военная тематика в зарубежной литературе неизменно привлекает внимание военнослужащих, так как позволяет проанализировать события мировых войн с другой стороны, увидеть взгляд на военную историю жителей других стран.

Роман «На западном фронте без перемен» вышел в свет в 1929 году и посвящен «потерянному» поколению молодых людей, переживших Первую мировую войну. Главный герой роман, от лица которого и ведется повествование, — ровесник курсантов-первокурсников, вчерашний школьник, отправившийся воевать за интересы своей страны под воздействием воодушевляющих речей школьного учителя, а также под воздействием общественного мнения, социума, в котором родился и вырос. Особый интерес этот

роман представляет для выбранной категории читателей еще и потому, что автор — немец, то есть герой романа находится по другую сторону баррикад. Особо стоит отметить, что события Первой мировой войны не вызывают такого мощного эмоционального отклика, как события Великой Отечественной войны 1941–1942 года, и, следовательно, получают более объективную оценку со стороны российских читателей. Обучающимся военных вузов это произведение интересно еще и потому, что позволяет погрузиться в историю, способствует более глубокому пониманию политических, экономических, социальных, психологических аспектов такого значимого для всего человечества события.

Курсантам, прочитавшим роман, было предложено написать небольшой отзыв, раскрывающий содержание романа. Рассмотрим несколько из них.

Отзыв № 1: «На сегодняшний день книга «На западном фронте без перемен» занимает почетное место среди моих любимых произведений на военную тематику.

«На западном фронте без перемен» — это история о жизни группы парней, которых вырвали из их привычной жизни и закинули в самое пекло (хоть и по доброй воле). Они были совсем юными, наивными, но уклониться от войны не удалось никому.

Среди персонажей выделяется Пауль Боймер, через взгляд которого мы видим военные действия. Ему было 19 лет, когда он узнал жизнь с самой жестокой стороны».

При анализе первого отзыва выделяем фактическую информацию: сюжетная канва произведения — война, имя и возраст главного героя. Кроме того, автор отзыва пересказывает основные события романа, используя формулировки «история о жизни группы парней», «вырвали из привычной жизни», «закинули в самое пекло», «они были юными», «уклониться от войны не удалось», отмечается конкретные данные — имя и возраст героя романа. Все это свидетельствует об усвоении фактической информации текста, причем, не всегда верно (главные герои в романе не пытались уклониться от военной службы). Вывод: автор отзыва понимает роман на событийно-сюжетном уровне, т. е. навыки смыслового чтения не сформированы.

Отзыв № 2: «К сожалению, очень мало рассказано про мировую войну нашими классиками. В свое время писатели наперебой выдавали шедевры про революцию, гражданскую войну. Время было такое, да и в школе

тему этой войны как бы проскакивали, не уделяли ей должного внимания.

Ремарк пишет о первой мировой войне от имени солдата Пауля Боймера, который воюет в германской армии вместе со своими одноклассниками и школьными друзьями. Сцены, описываемые автором, очень живые, сразу вырисовывается в голове вся картина жизни главных героев. Описаны нечеловеческие условия быта простых солдат, издевательство и наплевательское отношение со стороны офицерского состава. Напоминает очень многое из книг про наших солдат. По обе стороны фронта одно и то же, простой солдат тащит на себе все тяготы и невзгоды».

Анализ второго отзыва демонстрирует усвоение не только фактической информации (имя главного героя, его национальная принадлежность, род деятельности, сюжетная канва, фактическая связь с другими персонажами («со своими одноклассниками и школьными друзьями»)), но и попытку выделения линий взаимоотношения персонажей романа (солдат и офицеров), а также выявление проблемы всего текста («по обе стороны фронта одно и то же») и интерпретации информации текста — сопоставление с другими книгами о войне, резюмирование («простой солдат тянет на себе все тяготы и невзгоды»). Соответственно, здесь можно говорить уже идет о содержательно-проблемном уровне понимания текста.

Отзыв № 3: «Обычно я не любитель подобной литературы, которая вызывает кучу грустных эмоций, но это произведение стало для меня большим исключением.

Книга о солдате, о простом солдате, который переживает будни войны, показывает и рассказывает нам, какого быть в окопе неделями, употреблять в пищу не самые лучшие продукты и спать в, понятное дело, не обустроенных условиях, одновременно терпеть неприятных соседей на своей грязной одежде.

Мне очень понравился этот стиль написания именно тем, что там стараются показать не драму, не вызвать слёзы у читателя, а объяснить действительность в максимально нейтральной форме.

Книга про простого солдата, который, как и все, переживал будни войны на фронте».

В третьем отзыве видим понимание позиции автора: реципиент использует лексемы с отрицательной коннотацией («не самые лучшие условия», «не обустроенные условия», «грязная одежда», «грустные эмоции», «слезы»), причем при этом он отходит от

простого пересказа текста, используя фактическую информацию для подтверждения понимания авторской позиции и согласия с ней. Вывод: данный отзыв демонстрирует понимание романа на оценочно-смысловом уровне.

Отзыв № 4: «Автор рассказывает о нескольких ребятах, в двадцатилетнем возрасте попавших на войну.

Если исключить большое количество воды, затянутых описаний леса, то в книге можно найти несколько интересных историй из жизни ребят, недавно окончивших школу, отправленных в некий учебный центр (часть?), их отношениях с командирами и товарищами, повседневной жизни, переделках, в которые они попадают, будучи на фронте, о том, как война меняет человека, и о том, как общий враг может сделать товарищей из самых закоренелых врагов.

Я считаю, что книга стоит прочтения. «На западном фронте без перемен» затягивает. Я читал ее на абитуре в полях, мне понравилось. Сейчас бы перечитал».

Четвертый отзыв представляет собой попытку пересказа основных сюжетных узлов с субъективной оценкой авторского стиля: «большое количество воды», «затянутые описания», «несколько интересных историй», «затягивает». То есть здесь речь идет о усвоении текста на уровне событийно-сюжетном, причем с наличием некоторых неточностей, а также попытке демонстрации понимания текста на оценочно-смысловом уровне. При этом правильность понимания замысла автора заменяется субъективной оценкой, которая, если речь идет о художественной литературе, имеет право на существование.

Отзыв № 5: «Роман Ремарка «На западном фронте без перемен» описывает события войны 1914–1918 годов, когда Германия воевала против Франции, от лица бывшего школьника, призванного в ряды Немецкой Армии. Рассказ строится на описании событий, в которые попадает главный герой на войне. Зачастую, это жуткие моменты, которые со временем он начинает воспринимать как обыденность, «нормальную жизнь на войне». Смерть товарищей, голод, истощение, ситуации на грани жизни и смерти — все это ломает его. Вернувшись домой живым, он по-новому смотрит на мир, пытается найти себя «на гражданке», но безуспешно».

Данный отзыв обнаруживает осмысление событийно-сюжетного, структурно-композиционного, содержательно-проблемного уровней, о чем сви-

детельствуют маркеры «война» — «гражданка», «смерть» — «жизнь».

Отзыв № 6: «Роман написан о восемнадцатилетних мальчишках, которые только начинают жить. Но из-за разыгравшейся войны им пришлось покинуть родной дом и отправиться на фронт.

Изначально они были патриотически настроены, но вскоре все мечты о хорошем и будущем улетучились, и на протяжении всего романа мы наблюдаем постоянную борьбу между животным и человеком, которые сидят внутри каждого солдата, когда непонятно, за что и почему каждый день убивают таких же мальчишек ... »

Отзыв № 7: «Если вы хотите понять, что такое война для народа, то эта книга, определенно, должна быть прочитана вами. Она о первой мировой войне, описанной глазами немецкого солдата, — девятнадцатилетнего юноши. Он, как и другие одноклассники, пошел на фронт добровольцем. Ему пришлось испытать на себе все ужасы войны — бомбежки, газ, голод, страх, смерть совсем молоденьких новобранцев, увечья, боль, утрату друзей, и лишь госпиталь — как передышка и отдушина.

Книгу не назвать увеселительной, но Ремарк смог перемежать сцены войны с описанием быта в казарме. Да так, что местами выглядит вполне забавно и в чем-то похоже на нашу службу в армии.

Отдельная заслуга автора в том, что наглядно он показал, как война меняет человека, его отношение к вещам и окружающему миру. Рассказал о пугающем чувстве отчужденности, возникающем от неспособности найти понимание с людьми в тылу, об ощущении какого-то дру-

гого чужого мира. Не обошлось и без размышлений о бессмысленности войны в глазах передового солдата, о том, как зазря гибнут люди по обе стороны фронта.

Такая книга — прививка от войны. Для тех, кто испытал этот ужас на себе, война еще долго не заканчивается, и им приходится бороться с самим собой, со своими мыслями, не каждый сможет вернуться к нормальной жизни. Книга наглядно рассказывает, как дорого обходится это событие странам и целым поколениям».

В отзывах № 6 и 7 мы видим понимание всех шести уровней текста. Есть и отражение фактического содержания («первая мировая война», «немецкий солдат», «возраст героев»), и анализ сюжетных линий («перемежать сцены войны с описанием быта»), и понимание проблемы и идеи текста, авторской позиции («патриотически настроены», «ужасы войны», «бессмысленность войны в глазах солдата», «зазря гибнут люди по обе стороны фронта»), и, кроме этого, еще и самостоятельная оценка и интерпретация информации произведения («книгу не назвать увеселительной», «заслуга автора», «война меняет человека», «борьба между животным и человеком», «книга — прививка от войны», «не каждый сможет вернуться к нормальной жизни»).

Кроме того, в самих текстах можно выделить маркированные слова и словосочетания, отражающие понимание текста на трех планах — фактическом, эмоциональном и проблемном. Под маркерами понимаются лексемы, отражающие субъективную и экспрессивную оценку.

Таблица 2. – Анализ маркированных компонентов

Отзыв №	Маркеры		
	Фактический план	Эмоциональный план	Проблемный план
1	2	3	4
1	«история о жизни группы парней», «они были юными»	«вырвали из привычной жизни», «закинули в самое пекло», «жизнь с самой жестокой стороны»	«уклониться от войны не удалось» — ошибочное утверждение
2	«воюет в германской армии вместе со своими одноклассниками и школьными друзьями»	«нечеловеческие условия быта», «издевательство и наплевательское отношение», «все тяготы и невзгоды»	«по обе стороны фронта одно и то же»
3	«книга о солдате», «употреблять в пищу не самые лучшие продукты»	«переживает будни войны», «неприятных соседей на своей грязной одежде»	«объяснить действительность в максимально нейтральной форме»

1	2	3	4
4	«о нескольких ребятах, в двадцатилетнем возрасте попавших на войну»	«большое количество воды, затянутых описаний леса», «можно найти несколько интересных историй»	«война меняет человека», «общий враг может сделать товарищей из самых закоренелых врагов»
5	«Германия воевала против Франции», «от лица бывшего школьника»	«жуткие моменты», «на грани жизни и смерти»	«пытается найти себя «на гражданке», но безуспешно»
6	«о восемнадцатилетних мальчишках», «отправиться на фронт»	«пришлось покинуть родной дом», «мечты о хорошем и будущем улетучились»	«наблюдаем постоянную борьбу между животным и человеком, которые сидят внутри»
7	«о первой мировой войне», «девятнадцатилетнего юноши», «пошел на фронт добровольцем», «бомбежки, газ, голод, страх», «госпиталь»	«испытать на себе все ужасы войны», «смерть совсем молоденьких новобранцев, увечья, боль, утрату друзей», «зазяб гибнут люди»	«война меняет человека, его отношение к вещам и окружающему миру», «книга — прививка от войны»

Маркированные лексемы, используемые авторами отзывов, наглядно демонстрируют различие в восприятии фактического плана текста романа. Например, возраст героев варьируется от 18 до 20 лет, тогда как в самой книге есть четкое указание на возраст. Можно предположить, что фактическая, событийная, сюжетная часть произведения воспринимается лишь фоном для эмоционального сопереживания героям: эмоциональный план в отзывах практически не различается, все реципиенты указывают на описание Ремарком ужасом и лишениями воинской жизни простых немецких солдат. А вот интерпретация эмоционального плана также не однозначна — проблемный план имеет несколько вариантов. Так, по мнению курсантов, в задачи Ремарка входило показать, что:

– по обе стороны фронта одинаково страдают и гибнут люди;

– война меняет человека, делает его не способным к мирной жизни;

– война вскрывает внутреннюю борьбу в человеке;

– война — это общечеловеческая трагедия.

Заключение

Таким образом, при мониторинге степени развития навыков смыслового чтения уместным является анализ вторичного текста, созданного на материале знакомого реципиентам художественного произведения. При этом акцент делается на словах-маркерах, демонстрирующих уровень глубины понимания текста. Такими маркерами, как мы видим на примерах, могут быть слова, отражающие фактическую информацию прочитанного, слова, дающие субъективную эмоциональную оценку первичного текста, слова, выражающие попытку самостоятельного анализа и резюмирования произведения.

Список литературы

1. Арасланова С. С. Феномен библиотеки в пространстве элитарной и массовой культуры [Текст] / С. С. Арасланова // Ярославский педагогический вестник. 2019. – № 2 (107). – С. 220–224.
2. Белова Т. В. Формирование навыков смыслового чтения на уроках литературы [Текст] / Т. В. Белова, О. Н. Хрипушина // Вестник научных конференций. 2018. – № 9–3 (37). – С. 17–18.
3. Воронов В. В. Методы обучения в высшей школе в рамках студентоцентрированного подхода [Текст] / В. В. Воронов // Педагогическое образование и наука. 2019. – № 4. – С. 27–31.
4. Потапенко А. Г. Смысловое чтение как общеучебное умение [Текст] / А. Г. Потапенко // Вестник научных конференций. 2017. – № 3–4 (19). – С. 82–83.
5. Атрохова Т. В. Динамика психологической структуры смыслового чтения как деятельность (в начальной школе) [Текст] / Т. В. Атрохова // Ярославский педагогический вестник. 2014. – № 3. – С. 257–263.
6. Залецкая С. Е. Мониторинг уровня сформированности смыслового чтения [Текст] / С. Е. Залецкая // На путях к новой школе. 2013. – № 1. – С. 94–96.

7. Иншакова А. Г. Динамика овладения технической и смысловой сторонами чтения школьниками с дислексией [Текст] / А. Г. Иншакова // Исследования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. – № 82–2. – С. 64–69.
8. Крючкова Ю. В. О роли чтения в современной образовательной парадигме [Текст] / Ю. В. Крючкова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. – № 2 (62). – С. 34–36.
9. Басова Л. А. Формирование навыков беглого и осознанного чтения как фактор повышения качества образования учащихся на основной ступени обучения [Текст] / Л. А. Басова // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2014. – № 1. – С. 28–33.
10. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен / Э. М. Ремарк; перевод с немецкого Н. Федоровой. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 285 с.

Информация об авторе

Кипарисова София Олеговна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище

Адрес: 390000, г. Рязань, пл. имени генерала армии В. Ф. Маргелова, 1, тел.: (4912) 93–01–63

E-mail: sofya_kiparisov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0065-3223>

S. O. KIPARISOVA¹,

¹ *Guards of the Ryazan higher airborne command school, Ryazan, Russia*

TO THE PROBLEM OF DIAGNOSTICS OF THE DEGREE OF DEVELOPMENT OF SEMANTIC READING SKILLS

Abstract

Objective: method modeling diagnostics of the degree of skill development semantic reading in students.

Methods: comparison, generalization, observation, qualitative and quantitative analysis, linguoconceptology analysis.

Results: modeling system for monitoring the degree of development of the semantic reading skills.

Scientific novelty: the model allows monitoring the degree of development of semantic reading skills in adults.

Practical significance: the results are useful for teachers of higher education institutions.

Keywords: semantic reading; level of text understanding; monitoring of skills development; marker; the problem of developing semantic reading skills.

References

1. Araslanova S. S. the Phenomenon of the library in the space of elite and mass culture [Text] / S. S. Araslanova // Yaroslavl pedagogical Bulletin. 2019. – № 2 (107). – P. 220–224.
2. Belova T. V. Formation of semantic reading skills in literature lessons [Text] / T. V. Belova, O. N. Khripushina // Bulletin of scientific conferences. 2018. – № 9–3 (37). – P. 17–18.
3. Voronov V. V. Methods of teaching in higher education in the framework of a student-centered approach [Text] / V. V. Voronov // Pedagogical education and science, 2019. – No. 4. – P. 27–31.

4. Potapenko A. G. Semantic reading as a General educational skill [Text] / A. G. Potapenko // Bulletin of scientific conferences. 2017.– № 3–4 (19).– P. 82–83.
5. Atrokhova T. V. Dynamics of the psychological structure of semantic reading as an activity (in primary school) [Text] / T. V. Atrokhova // Yaroslavl pedagogical Bulletin, 2014.– No. 3.– P. 257–263.
6. Zaletskaya S. E. Monitoring the level of formation of semantic reading [Text] / S. E. Zaletskaya // On the way to the new school. 2013.– No. 1.– Pp. 94–96.
7. Inshakova A. G. Dynamics of mastering the technical and semantic aspects of reading by students with dyslexia [Text] / A. G. Inshakova // Research of the Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen. 2008.– No. 82–2.– P. 64–69.
8. Kryuchkova Yu. V. On the role of reading in the modern educational paradigm [Text] / Yu. V. Kryuchkova // Scientific notes of the Saint Petersburg University of management technologies and Economics. 2018.– № 2 (62).– P. 34–36.
9. Basova L. A. Formation of fluent and conscious reading skills as a factor in improving the quality of education of students at the main stage of training [Text] / L. A. Basova // Modern higher school: innovative aspect. 2014.– No. 1.– P. 28–33.
10. Remark E. M. On the Western front without changes / E. M. Remark; translated from German by N. Fedorova.– M.: AST Publishing house, 2019.– 285 p.

Information about the authors

Sofiya O. Kiparisova, Candidate of Philology, senior lecturer of the Chair of Russian, Guards of the Ryazan higher airborne command school

Address: 1 Margelov square, 390000, Ryazan, Russia, tel.: +7 (4912) 93–01–63

E-mail: sofiya_kiparisov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0065-3223>

E. A. OGNEVA ¹¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

LITERARY CONCEPTUAL DOMAIN AS KNOWLEDGE FORMAT

Abstract

Relevance of the problem: the article deals with the literary text structure studying as the conceptual domain. Literary text is identified as knowledge format of writer's worldview projection. The literary conceptual domain is structured as a unit of literary concepts which consist of literary subconcepts.

Objective: to identify the specific features of the literary conceptual domain as knowledge format of writer's worldview projection and analyse the literary concept named "Russian landscape" represented in the novel "World and Peace" by L. Tolstoy as one of the most important concepts in the literary conceptual domain of this roman in Russian and English.

Methods: cognitive-hermeneutical modeling, context analysis.

Scientific novelty: the cognitive-comparative model of literary conceptual domain is represented as knowledge format. The specific features of the literary concept named "Russian landscape" represented in the novel "World and Peace" by L. Tolstoy are identified. The tendencies

Results: the literary conceptual domain consists of literary concepts which include literary subconcepts. Nominative fields of literary concepts and literary subconcepts are the units of different types nominates. The literary concept named "Russian landscape" has complicated structure. The nominative field of the literary concept named "Russian landscape" transformed at the interpreting from Russian into English.

Practical significance: the material of this scientific development can be successfully applied at the lecture and practical causes by cognitive linguistics, text theory, text modeling, and translation studies.

Keywords: literary conceptual domain, literary concept, writer's worldview projection, knowledge format, nominative field.

For citation: Ogneva E.A. Literary conceptual domain as knowledge format // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 11–12. – P. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-54-60>

Introduction

The contemporary cognitive-discursive potential of linguistic studies opens up new perspectives in the text study. Text is identified as one of the ways of fixing, storing, representing of knowledge and experience of the cultural and linguistic space of the ethnos.

The text refers to "a holistic communicative formation of a linear format. The text components are combined by the communicative intention of the author into a single hierarchically organized semantic structure as a sequence of linguistic signs" [1, p. 6].

The text is represented as complex multi-vector object of study in linguistics. Therefore, it is the most valuable object of study in linguistics, because text is the purpose and result of the language action. It is the highest unit, the form of speech.

According to G. Ya. Solganik, all language units and language categories gain true life precisely in the texts [20, p. 8].

It is evident, all text aspects are explored in the process of their conceptual domain studying as a unit of concepts. In such point of view concepts identify as "mental realities, conceptual structures of knowledge and experience, opinions and assessments, plans and goals, attitudes and beliefs" [13, p. 13].

The theory of text implementation of the concept forms a unique field of cognitive linguistics. Literary text has a special place in the system of speech implementations of the concept, being a fixed version of the individual-author concept, which sets the semantic configuration of the literary conceptual domain as a set of literary concepts.

The literary concept is meant as “a component of the author’s literary conceptual domain, which includes those mental signs and phenomena that are preserved by the historical memory of the people, are cognitively pragmatic in the author’s mind for the development of the plot and create a cognitive aura of the text” [17, p. 8].

As a result of a deep cognitive-hermeneutic analysis of the literary conceptual domain it was established that its architectonics are the unity of the semantic and formal levels.

The semantic level of the conceptual domain is the sum of cognitive formations and their representative knowledge formats. Knowledge formats is meant as “a certain form of representing knowledge at the thought (conceptual) or language levels” [8, p. 26].

The relationship of cognitive formations in the text structure is hierarchical. In such hierarchy each subsequent formation is a derivative of the predecessors’ ones. So, the component of meaning is the minimum cell of the conceptual domain. It is evident, the unit of meaning components forms a concept-element.

The unity of concept elements forms a sub-concept. A unity of sub-concepts is a concept. The unity of literary concepts is the literary conceptual domain represented by a unit of conceptually simple and conceptually complex knowledge formats.

Conceptual-complex formats are divided into two forms: the first form named many-component formats such as proposition, frame, script, etc. The second form named integrative formats such as category, matrix, etc. [see about knowledge formats: 8, p. 27–28].

The formal level of the literary conceptual domain is the unity of linguistic structures that verbalise as static as dynamic conceptual structures of the literary conceptual domain.

Research Result

Studies of the material showed that the dynamic segment of the conceptual domain is represented as usual by a script, and a scene. The static segment is represented by a frame.

The special organisation of text architectonics, the high frequency of frame reprinting of cognitive formations that form the literary conceptual domain contributed to a large analysis of this static knowledge format. As a result the following relationships were revealed.

Firstly, frame is a multi-component conceptual structure presenting a static segment of the concept.

Secondly, frame is a unit of sub-frames representing a static part of subconcepts.

Thirdly, a subframe is a unity of frame elements that represent a static part of concept-elements.

Finally, a frame-element is a combination of nominees representing a static part of meaning components.

Having studied in detail the formal level of architectonics of the literary conceptual domain it is appropriate to recall the statement of A. A. Zalevskaya who noted “the original meaning embedded in the text by its author is transmitted through the meanings of the words used, which is the mediator in a five-membered connection such as *author — text projection — text body — text section — reader*, moreover, the meaning and spontaneous interpretation of the text proceeds on the basis of personal experience and related experiences of different people” [10, p. 71].

It is evident the ontological triad “*the system of the world — the system of language — the conceptual system of man*” interpretation is associated with man, his acceptance and evaluation of the system of the world and the system of language” [6, p. 15–16].

In this way the readers’ perception of literary concepts created by the writer is carried out in literary discourse as a sphere of author’s design re-reading by readers’ perception.

Literary discourse is a cognitive-communicative interaction forming ‘a single fund of knowledge and ideas about the world, a system of norms and assessments, knowledge about strategies and tactics of speech behavior, typical expletive and implicit ways of its linguistic expression’ [9, p. 164].

This phenomenon allows to consider discourse as a generator of meaning, a speech phenomenon of a non-linear nature that engages with the cognitive categories of the readers.

According to N. F. Alefirenko the discourse is “both a process of speech activity and its result (text), representing a communicative event” [2, p. 6].

Determining of the literary discourse significance in the system of speech implementations of the concept is one of the stages of a comprehensive study of such a multifaceted phenomenon as a concept that is remote from the writer in time and space, which leads to a “new creation of literary concepts” [3].

Such “new creation of literary concepts” in the literary conceptual domain should be called as “the primary new creation of the literary concept”.

In the mind of the translator as a reader of the original text, first of all, there is a “primary new creation of

literary concepts” which in the translation process leads to a “secondary new generation of literary concepts”.

The relationship between “primary new creation of literary concepts” and “secondary new creation of literary concepts” in the translator mind influences to some facts such as:

a) the degree of transmission of linguistic structures architectonics verbalised literary concepts by means of another language,

b) the adequacy level of the semantic interpretation of a literary idea as a complex linkage of discursive-cognitive images [24, 22].

It is identified that the relationship between “primary new creation of literary concepts” and “secondary new creation of literary concepts” in the translator mind influences to culturally conditioned images too.

As the result, the role of interpretation as a cognitive process increases to establish the meaning of the text, determine the parameters of its cognitive communicative space [5, 12, 23].

In this case, the interpretive activity is based on one or another level of knowledge formats standardization. In this way all participants should know the principles of knowledge formats standardization.

Such information is useful in “communication of members of the cultural, national, territorial, social, professional or other community of people” [7, p. 26].

It is evident the interpretive activity is based on knowledge hierarchisation reflected in the literary text which transformed at the translation as a result of linguistic and extralinguistic factors” influence.

It is evident that readers’ perception of the literary concepts of the translated text is a “tertiary new creation of the literary concept” [18, p. 119].

A comparative study of the literary conceptual domain in original and translated versions of literary text establishes that the coherent contours of literary concepts during their primary and tertiary “new creation” differ from each other.

The reason of such difference doesn’t stay between the individual concepts’ volume of the original text readers and the individual concepts’ volume of the translated text readers.

Such difference is a result of the literary concepts’ transformation during “secondary new creation” by the translator.

In this way it is so important fact that the inverse kernel of the literary concept’ meaning is kept, but the na-

tional specific marked periphery of the literary concept’ meaning is transformed.

Due to linguistic transformations, the altered cognitive aura of the literary conceptual domain contributes to the formation of transformed literary image in the perception of foreign-cultural readers [18, p. 125].

A cognitive-comparative study of the literary conceptual domain of the original text and the literary conceptual domain of the translated text reveals the trends and degree of linguistic structures’ transformation that recruit cognitive ones. Linguistic structures’ transformation is a necessary condition for their cognitive-comparative modeling.

Such kind of cognitive modeling has the purpose to understand the interfacing mechanisms of linguistic reality categories which correlate with cognitive categories as a result of the interpretive mastery of the world by the language consciousness of the author and the translator.

The priority tasks of cognitive-comparative modeling of the literary conceptual domain include the study of some discussion problems such as:

(a) hermeneutics of the model relationship between text and discourse;

(b) modeling of the cognitive structure of the literary conceptual domain in the theory and practice of translatology;

(c) establishing principles for the transfer of the cultural and cognitive aura of the conceptual domain in the original text by means of language translation.

In this point of view, it should be taking into account the fact “what kind of knowledge structures are behind certain linguistic and which language forms should be used to present certain knowledge formats” [14, p. 7].

This article considers language structures that verbalise the literary concept named Russian landscape as a static knowledge format. This static knowledge format represents the eponymous ethnocultural literary concept.

According to V.N. Levina “a landscape in the literary text is a special means of accumulating, storing and transferring knowledge. It is an instrument of reality understanding that allows to comprehend a national mentality” [15, p. 401].

It is obvious that a detailed study of national mentality is relevant for the contemporary state of cognitive linguistics. According to E. S. Kubryakova “mental entities having verbal constructions are the key to considering the specific features of human intelligence and human cognition” [13, p. 13].

It is obvious that “the cultural paradigm is the base for intellectual knowledge” [11, p. 272]. The results of intellectual knowledge are embodied, including in landscape units. A landscape unit refers to a complex compositional component of literary text as unit of literary concepts.

The verbalisation of literary concept named “Russian landscape” is explored by the material of the novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy.

This book is a masterpiece of Russian classics that is why there are a lot of translated texts of this novel in different language. Many foreign readers are interested in this novel.

A detailed consideration of the literary concept’s field structure named “Russian landscape” represented in the studied novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy identified a number of literary subconcepts.

These literary subconcepts are the components of kernel-peripheral structure of literary concept’s nominative field.

One of the significant components of the kernel zone in the studied literary concept is the literary subconcept named “old oak”. This literary subconcept has so great status in the literary concept’s nominative field because the oak is due to the special ethnocognitive symbol in the Russian landscape. As it is known, oak is cultural dominance in the ethnocognitive world view of Russian man.

The literary subconcept named “old oak” is the ethnocultural symbol in the literary conceptual domain of the novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy.

Being the ethnocultural symbol the literary subconcept named “old oak” is a synergistic subcategory formed by the culture and language. This ethnocultural symbol is a complex and multi-tiered mental formation.

This ethnocultural symbol as mental structure has “evaluation and relational evaluation semantics containing information about the attitude of a person to a reflected subject” [1, p. 144]. We emphasize that in the legend of the Slavs, oak was mentioned as a world tree. Legends about oaks that existed before the creation of the world have survived [4].

The oak as the ethnocultural symbol is presented in the legend of the Slavs. The oak is mentioned as a world tree in the legend of the Slavs. There are the legends about the oaks that existed before the creation of the World [ibid].

Y. M. Lotman wrote the work named ‘Analysis of the poetic text. The structure of the verse’. This scientist pays attention to the fact that the ideological structure of the

oak image as a symbol of immortality is connected with “the microspace grave with the universe” [16, p. 192].

This point of view correlates with the idea of N. F. Alefirenko who said that “the key concepts of culture focus in themselves the entire system of the semantic organisation of ethnic consciousness in the unity of its paradigmatic, synthagmatic and lingvocultural connections” [1, p. 152].

It is evident the meaning of the oak image in the novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy is also symbolic. Moreover, L. N. Tolstoy as the great literary world creator composed two images of old oak on the novel’s pages. This article is about the first oak image presented by the following description (in translit):

Na kraju dorogi stojal dub. Verojatno v desjat’ raz starshe berez, so-stavljavshih les, on byl v desjat’ raz tolshhe i v dva raza vyshe kazhdoj berezy. Jeto byl ogromnyj v dva obhvata dub s oblomannymi, davno vidno, sukami i s oblomannoj koroj, zarosshej starymi boljachkami. S ogromnymi svoimi neukljuzhimi, nesimmetrichno-rastopyrennymi, korjavymi rukami i pal’cami, on starym, serditym i prezritel’nym urodom stojal mezhdub ulybajushhimisja berezami. Tol’ko on odin ne hotel podchinjat’sja obajaniju vesny i ne hotel videt’ ni vesny, ni solnca [21].

The cognitive analysis of the investigated material showed that the description of the old oak tree is a collection of ten nominants representing the subconcept “old oak”. Among ten nominants eight nominants which describe the oak tree are adjectives. Two nominants of them are verbs.

Next research step focuses on the cognitive-comparative analysis of this ten nominants in the nominative field of literary subconcept “old oak” represented in the original text of the novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy and in the translated text into English:

At the edge of the road stood an oak. Probably ten times the age of the birches that formed the forest, it was ten times as thick and twice as tall as they. It was an enormous tree, its girth twice as great as a man could embrace, and evidently long ago some of its branches had been broken off and its bark scarred. With its huge ungainly limbs sprawling unsymmetrically, and its gnarled hands and fingers, it stood an aged, stern, and scornful monster among the smiling birch trees. Only the dead-looking evergreen firs dotted about in the forest, and this oak, refused to yield to the charm of spring, or notice either the spring or the sunshine [25].

In this cognitive-comparative study reliable results are obtained that reveal the degree of conformity between the architectonics of the original nominants and the translated nominants due to the use of a comprehensive comparative analysis of the nominants' structures and nominants' meaning.

According to R. G. Piotrovsky, "the nominants' meaning usually controls the synergy of the the nominants' structures" [19, p. 18].

The comparison of the architectonics of the original nominants and the translated nominants are the base to:

(a) identify the tendencies of adapting this literary image to the perception English-speaking readers,

(b) determine the degree of permissible translation transformations which don't transform ethnosymbolism of oak image, reflected in the original text of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy.

There are the results of the nominants' translation:

(1) the first nominant 'v desjat' raz starshe berez' is the chroneme. This chroneme is translated symmetrically into English as *'ten times the age of the birches'*.

(2) the second nominant 'v desjat' raz tolshhe' is translated symmetrically into English as *'ten times as thick (as they)'*.

(3) the third nominant 'v dva raza vyshe kazhdoj berezy' is translated asymmetrically into English as *'twice as tall as they'*. The component of nominative field of literary subconcept named "old oak" the word-composition 'kazhdaja bereza' means the ethnosymbol of Russia, but in the English text this nominant was replaced by the word *'they'*. This nominant replacing transformed the landscape of Russian plain represented into English text.

(4) the fourth nominant 'ogromnyj v dva obhvata dub' is translated asymmetrically into English as *'an enormous tree, its girth twice as great as a man could embrace'*. The ethnosymbol 'dub (oak)' was replaced by the word *'tree'*, i.e. Russian ethnosymbol is absent in the translated English text.

(5) the fifth nominant 's oblomannymi, davno vidno, sukami' is translated asymmetrically into English as *'evidently long ago some of its branches had been broken off'*.

(6) the sixth nominant 's oblomannoju koroju, zarosheju starymi boljachkami' is translated asymmetrically into English as *'its bark scarred'*, i.e. the word-combina-

tion such as 'oblomannoju koroju' and 'starymi boljachkami' are absent in the translated English text.

(7) the seventh nominant 'ogromnymi svoimi neukluzhimi, nesimmetrichno-rastopyrennymi, korjavymi rukami i pal'cami' is translated asymmetrically into English as *'with its huge ungainly limbs sprawling unsymmetrically, and its gnarled hands and fingers'*.

(8) the eighth nominant 'starym, serditym i prezritel'nym urodom' is translated asymmetrically into English as *'an aged, stern, and scornful monster'*.

(9) the ninth nominant 'tol'ko on odin ne hotel podchinjat'sja obajaniju vesny' is translated asymmetrically into English as *'this oak, refused to yield to the charm of spring'*.

(10) the tenth nominant 'ne hotel videt' ni vesny, ni solnca' is translated asymmetrically into English as *'notice either the spring or the sunshine'*.

It is evident the most part among ten nominants of nominative field in the literary subconcept "old oak" is translated asymmetrically from Russian into English/

Conclusion

As a translation result of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy from Russian into English, the nominants in the nominative field of the literary subconcept "old oak" as a component of the literary concept "Russian landscape" were transformed.

In such way the translator's secondary creation at the forming level and meaning level of the literary subconcept the image of hundred oak tree transformed into different image in the English translated text of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy.

The cognitive comparative analysis of the nominants of the literary subconcept named "old oak" in Russian text and in English text revealed that ethnosymbolism in the original description of the oak tree was transformed.

Such translator's act led to the distortion of this significant component of the Russian plain landscape as the symbol of the Russian people existence and the mysterious Russian soul in due to translation transformations and changes in the parameters of literary discourse.

The ethnosymbol of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy has not been translated in full to the perception of a foreign-cultural readers.

References

1. Alefirenko N. F. Language, knowledge and culture: Cognitive-semiological synergy of the word: Monograph. – Volgograd: Change, 2006. (In Russian).
2. Alefirenko N. F. Text – discourse – language. Russian philology. Ukraine Bulletin: Republican Scientific and Methodological Journal. – Kharkiv. 2007. – № 2–3 [33]. – P. 3–7. (In Russian).
3. Askoldov S. A. Concept and word. Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology. Ed. prof. V. P. Neroznaka. – Moscow: Academia, 1997. – P. 267–279. (In Russian).
4. Afanasyev A. N. Mythology of ancient Russia. Poetic views of Slavs on nature. – Moscow: Eksmo, 2005. (In Russian).
5. Boldyrev N. N. Conceptual space of cognitive linguistics-key. Issues of cognitive linguistics. 2004. – № 1. – P. 18–36. (In Russian).
6. Boldyrev N. N. Language categories as a format of knowledge. Issues of co-gnitive linguistics. 2006. – Issue. 2. – P. 5–22. (In Russian).
7. Boldyrev N. N. Evaluation categories as a knowledge format. Cognitive studies of language. Types of knowledge and the problem of their classification: scientific articles. – Moscow: Language Institute, Russian Academy of Science; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2008. – Issue. III. – P. 25–37. (In Russian).
8. Boldyrev N. N. Conceptual basis of language. Cognitive research of language. Issue. IV. Conceptualization of the world in language: team monography. – Moscow: Language Institute, Russian Academy of Science; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2009. – P. 25–77. (In Russian).
9. Gershanova A. F. Interpretation problem in artistic discourse. International Congress on Cognitive Linguistics. – Tambov: Publishing house of TSU named after G. R. Derzhavin, 2010. – P. 164–165. (In Russian).
10. Zalevskaya A. A. Some problems of understanding the text. Linguistics issues. – 2002. – № 3. – P. 62–73. (In Russian).
11. Kolesov V. V. Philosophy of the Russian word. – St. Petersburg: JNA, 2002. (In Russian).
12. Kravchenko A. V. Cognitive horizon of linguistics. – Irkutsk: Publishing House BGUEP, 2008. – 320 p. (In Russian).
13. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to get knowledge of language: speech parts from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. – Moscow: Slavic culture languages, 2004. (In Russian).
14. Kubryakova E. S. In search of the essence of the language. Issues of cognitive linguistics. – 2009. – № 1. – P. 5–12. (In Russian).
15. Levina V. N. Conceptualization of the landscape in the artistic text. Cognitive studies of the language. Issue. IV. Conceptualization of the world in the language: team monography. – Moscow: linguistics institute of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TRG named after R. G. Derzhavin, 2009. – P. 398–413. (In Russian).
16. Lotman Y. M. Analysis of the poetic text. The structure of the verse. – Leningrad: Education, 1972. (In Russian).
17. Ogneva E. A. Cognitive modeling of the conceptual atmosphere of thin text: Monograph. – Belgorod: Publishing House BelSU, 2009a. – 282 p. (In Russian).
18. Ogneva E. A. Adaptability of architectonics of the conceptual atmosphere of the artistic work. Bulletin of the Kharkiv National University. V. N. Karazina, 2009b. – № . 867. – P. 118–126. (In Russian).
19. Piotrovsky R. G. Linguistic synergy initial positions, first results, perspectives. Series “Philological Studies”. St. Petersburg: St. Petersburg state university. 2006. (In Russian).
20. Solganik G. Ya. To the definition of the concepts of “text” and “media text”. Bulletin of Moscow university. – Series 10. 2005. – № 2. – C. 7–15. (In Russian).
21. Tolstoy L. N. War and peace. – Moscow: Soviet Russia, 1982. (In Russian).
22. Beaugrande R. de. New Foundation for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society. – Norwood, N, J.: Ablex, 1997.
23. Croft W. and Cruse D. A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
24. Delisle J. L. analyse du discours comme méthode de traduction. – Ottawa, 1984.
25. Tolstoy L. War and Peace. Tr. from Russian by Louise and Aylmer Maude. – London: Wordsworth Editions, 2001.

Information about the authors

Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, lecturer, Head of the Departement of Foreign languages, Belgorod State National Research University

Address: 85 Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia, tel.: +7(920) 584–58–57

E-mail: ogneva@bsu.edu.ru

О. А. САЛТЫМАКОВА¹¹ Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОТИВА УДИВЛЕНИЯ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «МАЙСКАЯ НОЧЬ...»

Аннотация

Цель: проанализировать лексико-семантическую организацию мотива удивления в авторском повествовании повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница», организованном речевым планом наблюдателя.

Методы: ведущим методом исследования является когнитивный анализ авторского повествования, в качестве вспомогательных применяется метод статистического подсчета, семантического анализа и систематизации.

Результаты: выявлена связь мотива и сюжетно-фабульного развития авторского повествования; проанализированы языковые средства формирования лексико-семантического поля мотива; отражена связь мотива удивления как ведущего мотива с мотивами второго плана: страха и времени суток; определены функции мотива удивления в исследуемом произведении.

Научная новизна: заключается в отработке и совершенствовании инструментария и методики анализа мотива в художественном произведении.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть применены в учебно-научной деятельности при анализе творчества Н. В. Гоголя, а также в исследованиях мотивной организации и авторского повествования художественного текста.

Ключевые слова: художественный текст; мотив; мотивная организация текста; лексико-тематическая группа; авторское повествование.

Для цитирования: Салтымакова О. А. Лексико-семантическая организация мотива удивления в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь ...» // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, № 11–12. – С. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-61-67>

Введение

Для современной филологической науки характерно интегрирование знаний, что способствует включению литературоведческого понятия «мотив» в сферу интересов лингвистов [1–3 и др.]. Лингвокогнитивный подход позволяет рассматривать мотив не только как компонент семантической структуры текста [4], но и как текстовую категорию, организующую художественное пространство и воплощающую авторское мировоззрение.

Целью статьи является анализ лексико-семантической организации мотива удивления в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Ранее нами были представлены наблюдения над языковыми средствами формирования мотивов в авторском повествовании повестей Н. В. Гоголя «Сорочинская

ярмарка» [5–8] и «Майская ночь, или Утопленница» [9], в данной статье мы продолжаем рассмотрение мотива как универсальной категории художественного текста, неразрывно связанной с авторским повествованием, с целью совершенствования аналитического инструментария и методики его анализа на материале конкретного художественного произведения.

Объектом нашего изучения является только собственно авторская речь, которая не включает речь персонажей, организованная с точки зрения наблюдателя. Наблюдатель — один из трех типов повествователя (наряду с формальным рассказчиком и отвлеченным авторским сознанием), выделенный нами при анализе субъектной организации авторского повествования в повестях Н. В. Гоголя (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки») [10–12].

Когнитивный анализ авторской речи, организованной точкой зрения наблюдателя, позволил выявить ядерные и периферийные смыслы, формирующие мотивы, для чего была проанализирована частотность, повторяемость лексических единиц, их взаимосвязь и взаимодействие, синтагматические связи между ними. Языковые средства были объединены в лексико-тематические группы (ЛТГ), характеризующие тот или иной мотив. Далее мотивы были дифференцированы на мотивы первого и второго плана по двум критериям: 1) сюжетобразующая роль мотива; 2) семантическая валентность мотивов.

В исследуемом произведении в речевом плане наблюдателя семантически наиболее нагруженными (ведущими) оказались три мотива: красоты природы, любви, удивления; они развивают основные сюжетные линии повести и имеют одинаковую семантическую валентность: связаны между собой как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях и воплощают идейно-эстетический план повести. Основные мотивы тесно переплетаются в сюжетном повествовании, каждый из них углубляется мотивами второго плана: мотив любви — мотивами человеческой внешности и веселья/смеха, мотив удивления — мотивами времени суток и страха, мотив красоты природы — мотивом времени суток.

Основная часть

Обратимся к анализу лексико-семантических средств организации мотива удивления в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» и сопряженных с ним мотивов второго плана.

Мотив удивления является одним из ведущих мотивов повести, развивающих сюжетно-фабульное действие и реализованных в собственно авторском повествовании, организованном точкой зрения наблюдателя.

В повести описывается девять событий-эпизодов, эксплицирующих мотив удивления:

1. Левко неожиданно узнает, что его родной отец притязает на любовь Ганны и оказывается ему соперником в любви;
2. спокойный, размеренный вечер нарушен громким шумом и песнями: голова слышит оскорбляющие его песни, которые, не таясь, распевает парубки, он удивлен их дерзостью — парубки насмеваются над ним, не оказывая голове должного, ожидаемого им почтения;

3. голова, винокур и десятский отправляются за писарем и неожиданно сталкиваются в темном переулке с писарем и двумя десятскими так, что сильно ударяются лбами;
4. вместо пойманного головою парубка, дерзко распевавшего песни о нем, в коморе в доме головы оказывается переодетая свояченица;
5. вместо пойманного писарем парубка, распевавшего дерзкие песни о голове, в хате для колодников снова оказывается переодетая свояченица;
6. вместо мрачного старого деревянного дома с закрытыми ставнями Левко неожиданно увидел величественный дом с открытыми ставнями, веселыми стеклянными окнами и дверьми;
7. записка, полученная во сне от панночки, вдруг оказалась зажатой в руке Левко после его пробуждения;
8. дерзкий парубок, которого после нескольких неудачных попыток наконец изловил голова, оказался его сыном;
9. содержание записки неожиданно меняет ситуацию любовного треугольника: голова вынужден дать согласие на женитьбу Левко и Ганны.

События, в которых проявляется мотив удивления, тесно связаны друг с другом: каждое последующее событие обусловлено предыдущими, и в целом они являются значимыми для развития сюжета повести, организуя речевую структуру повествования.

Рассмотрим языковые средства, вербализирующие мотив удивления.

Во-первых, ядро лексико-семантического поля (ЛСП) мотива образуют субстантивы *удивление* (3 употребления) и *изумление* (7), а также однокоренное причастие *изумленная*. Данные лексемы являются максимально семантически нагруженными, поскольку отражают суть мотива. Согласно толкованию в словаре В. И. Даля, *удивление* — «состояние по глаголу удивлять», *удивлять* — «являться или казаться странным, чудным, необычайным, неожиданным» [13, т. IV, с. 473]; *изумление* — «утрата ума, безумие; крайнее удивление» [13, т. II, с. 37]. Указанные лексемы, повторяясь в тексте, развивают странную, необычную атмосферу повести, настолько странную, что герои перестают различать реальный и фантастический миры. Мотив удивления раскрывает эмоциональное

состояние героев в момент, когда они сталкиваются с чем-то неожиданным, притом чаще герои испытывают крайнюю степень удивления — изумление.

Во-вторых, ядро мотива эксплицируется лексемами, называющими источник удивления, причем в каждом случае то, что вызвало удивление, переосмысливается: герои ожидают увидеть что-то привычное, понятное или очевидное, но неожиданно сталкиваются с непонятным, странным, необъяснимым. Так, *незнамец*, притязавший на любовь Ганны, оказался отцом Левко; парубки выказывают *дерзость* по отношению к голове вместо уважения; голова, винокур и десятский получают *удар по лбам*, когда улица была, казалось, пуста; *свояченица* дважды была принята за дерзкого молодца; *старинный господский дом* отразился в пруду чистым, величественным, веселым, а не ветхим и заброшенным; *записка* из сна оказалась в руках Левко наяву; *дерзкий парубок* оказался сыном головы; произошел *неожиданный оборот дела* в пользу Левко, когда казалось, что проблема неразрешима. Каждый раз мир героев будто переворачивается: они оказываются не готовыми к неожиданному повороту события, не могут предугадать его, а следовательно, поверить в то, что видят, или объяснить случившееся, и это вызывает у них сильнейшее удивление.

Неожиданность того, что вызывает удивление героев, подчеркивается лексемами со значением внезапности и необычности: *но в это время* (2), *вдруг* (6), *вздрагнул, разом* (2), *странное, вместо* (в ситуации подмены).

В-третьих, ядро мотива удивления вербализируется языковыми средствами, передающими реакцию героев в момент удивления и образующими ЛТГ со значением:

- порождения звука: *легкий свист сквозь зубы; вскрикнули; крик отгрянул в ответ; вскрикнул; ахнул; закричал; кричала; вскричал*. Звуки, издаваемые героями, преимущественно внезапные или интенсивные, причем это наиболее частая реакция героев: встречается в 6 эпизодах из 9;
- обездвижения героев: *остолбение; остолбенел; остолбеневиший; удерживало на одном месте; десятские приросли к земле и не в состоянии были сомкнуть дружно разинутых ртов своих; разинувши рот; оторопел* (растерялся, оказался в замешательстве). Обездвижение в результате сильного удивления наступает в 5 эпизодах из 9;

- жестовых действий героев: *сильно почесывая макушку, невольное покачивание головою, выпучив глаз, разинувши рот*. В 4 эпизодах из 9.

В общем реакция героев свидетельствует о том, что герои сбиты с толку, им неприятно пережитое удивление (1–5, 8 эпизоды). В шестом и седьмом эпизодах удивление не вызывает у Левко неприятных чувств и перерастает в интерес (*никогда еще не случилось ему видеть подобного; «Эх, если бы я знал грамоте!» — подумал он, оборачивая ее перед собою на все стороны*). В девятом эпизоде удивление испытывают и Левко, и его отец: голова неприятно удивлен содержанием записки (*сказал голова, разинувши рот*), в то время как Левко в результате события, вызвавшего его удивление, испытывает положительные эмоции (*Левко и быстрыми шагами и радостно спешил к знакомой хате*).

Периферийное поле мотива удивления представлено языковыми средствами, называющими любопытство героев, волнение, нетерпение, стремление что-либо узнать, которые предшествуют удивлению и максимально нарастают к тому моменту, когда источник удивления становится явным: *протянул шею, стараясь не проронить ни одного слова* (1-й эпизод); *любопытство наших путников увеличилось; нетерпение увеличилось; сердца, казалось, слились в одно; огромное сердце забило так сильно, что неровный стук его не был заглушен даже брякнувшим замком* (5-й эпизод); *тут он разогнул свою руку... и* (7-й эпизод). В таком случае герой удивляется не из-за резкого или внезапного изменения ситуации, а скорее из-за неготовности к тому, что он увидел.

Также АСП удивления представлено лексемами, называющими способ восприятия источника удивления. Так, наиболее частотными являются глаголы и деепричастия со значением зрительного восприятия (удивление сопровождается зрительным обнаружением неожиданного факта в 6 эпизодах из 9): *увидевши* (1-й), *при виде* (2-й), *увидел* (3-й), *увидев* (4-й), *не случилось видеть, глядел* (6-й), *выпучив глаз свой* (8-й). В пятом эпизоде зрительное восприятие не названо, но подразумевается и создается фигурой умолчания и двоеточием (*Двери отворились, и... <...>: перед ними стояла свояченица*). В седьмом эпизоде вместо зрительного восприятия оказывается важным осязание: почувствовавши. В последнем эпизоде восприятие источника удивления не эксплицировано, но из контекста понятно, что герой удивляется услышанному (удивляет содержание записки).

Кроме того, важной оказывается ЛТГ, отражающая состояние героев, когда удивление проходит: *очнувшись от своего изумления и глядя вслед... ; сказал голова, очнувшись; немного очнулась и сделала движение, чтобы подойти к ним; отступая... и опуская руки.* Наиболее частотным является глагол (деепричастие) очнуться (3) — «прийти в себя, в память и в чувство» [13, т. II, с. 777]. Герои приходят в себя после обездвижения, стряхивают оцепенение, т.е. к ним возвращаются чувства, и начинают что-либо говорить или делать.

Мотив удивления углубляется двумя мотивами второго плана.

Во-первых, это **мотив страха**. В трех событиях-эпизодах из девяти (1, 5, 8) неожиданная ситуация, вызвавшая удивление, кажется действующим лицам повести опасной, и их удивление интенсифицируется, перерастая в более сильное чувство, для наименования которого используются лексемы *страх* и *ужас* (3): *с ужасом отскочил назад; ужас изобразился в лице писаря; свояченица в ужасе кричала; из которых иные дрожали от страха.* Состояния ужаса усиливается конструкциями, описывающими внешнюю и внутреннюю реакцию героев: *стал бледен, как полотно; почувствовал холод, и волосы его, казалось, хотели улететь на небо; сердце разом забилося; закричал диким голосом голова и захлопнул за нею дверь; оторопел; дрожали.* Мотив страха эксплицируется в повести только во взаимосвязи с мотивом удивления.

Также значимым оказывается **мотив времени суток**, который, с одной стороны, передает время и обстановку развития событий всей повести, оттеняет красоту природы, а с другой — подчеркивает время, когда реализуется мотив удивления. Рассмотрим оба случая реализации мотива.

Мотив времени суток пронизывает все повествование и вербализируется языковыми средствами, которые можно объединить в следующие ЛТГ группы.

1. Лексемы, называющие время суток: *вечер* (2), *сумерки* (3), *ночь* (4), *полночь* (1).
2. Лексемы, указывающие на время суток: *мрак* (1), *мрачность* (1), *тень* (3), *темный* (6), *полумрачный* (1), *чернел* (1), *мрачно* (1).
3. Наименования и действия света и его источников: *месяц* (10), *звезды* (1), *блеск* (4), *свет* (3), *сияние* (1), *огонь* (1), *освещен* (1), *светилась* (1), *светились* (1), *сияли* (1).

4. Лексемы, дающие характеристику наименованиям времени суток, свету и его источникам: *чистый, задумавшийся (вечер), казалась блистательнее, величественно догорала (ночь), огромный, огненный, серебряный, блистательно и чудно плыл (месяц), огненные (звезды), торжественный (свет), дивный, серебряный (блеск), странное, упоительное (сияние).*

ЛСП мотива времени суток формируется языковыми средствами с двумя наиболее общими значениями: лексемы со значением «темнота» и лексемы со значением «свет».

Лексемы со значением «темнота» описывают ночь, причем в четырех из девяти эпизодов (1, 3, 4, 6), связанных с удивлением, темнота подчеркивает таинственность природы, какую-либо неизвестность, сомнения героев и предшествует узнаванию источника удивления. Приведем контексты.

1-й эпизод: *Но кто же этот высокий человек, стоявший к нему спиной? Напрасно обсматривал он: тень покрывала его с ног до головы;*

3-й эпизод: *и вдруг, на повороте в темный переулок, разом вскрикнули от сильного удара по лбам, и такой же крик отгрянул в ответ им;*

4-й эпизод: *и толкнул его в темную комору;*

6-й эпизод: *темное небо; звезды, которые тускло реяли среди теплого ночного воздуха; возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу; лес, обнимая свою тень, бросал на него дикую мрачность.*

Лексемы со значением «свет» описывают волшебное сияние ночи, придающее очарование окружающему миру. В то же время в трех эпизодах (1, 4, 6) свет, попадая на таинственный предмет, рассеивает темноту и побуждает героев к удивлению. Приведем фрагменты текста.

1-й эпизод: *но в это время свет пал на лицо его, и Левко остолбенел, увидевши, что перед ним стоял отец его;*

4-й эпизод: *огонь принесли, дверь отперли, и голова ахнул от удивления, увидев перед собою свояченицу;*

6-й эпизод: *какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нем чист и в каком-то ясном величии. Вместо мрачных ставней глядели веселые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота.*

Итак, мотив времени суток эксплицитно и имплицитно углубляет мотив удивления, сначала изображая таинственную обстановку, а затем рассеивая сомнения и вызывая удивление героев.

Выводы

Таким образом, анализ языковых средств показывает, что мотив удивления представлен АСП с ключевыми лексемами *удивление* / *изумление* и АТГ, которые наращивают смысловое поле мотива. В целом мотив удивления вербализируется в повествовании в моменты неожиданного узнавания чего-то странного, необычного, тайного, когда происходит подмена привычного или ожидаемого парадоксальным и непредсказуемым. Удивление может быть неожиданным, внезапным или напряжение героев может нарастать постепенно, усиливаясь до самого момента обнаружения источника удивления, затем состояние действующих лиц фиксируется в момент удивления (звуком, обездвижением или жестом), и наконец герои возвращаются в нормальное состояние.

Будучи ведущим мотивом, мотив удивления сопряжен с мотивами второго плана: страха и времени суток, которые углубляют семантическое поле мотива, усиливая эффект удивления.

Мотив удивления не подвергается аксиологической оценке автора, как, например, мотив любви [7; 9], однако в авторском повествовании он создает эмоциональное напряжение, переживаемое героями (и, конечно, читателем), а значит, является активным приемом вовлечения читателя в повествование. В связи с этим важно отметить, что мотив удивления, реализуясь в 9 событиях-эпизодах повести, организует сюжетно-фабульное действие повести и выполняет моделирующую и смысловую функции [14, с. 3], обеспечивая структурную и семантическую связность повествования: каждое событие-эпизод создает и поддерживает интригу, развивающую сюжетную линию произведения.

Список литературы

1. Афинская З. Н. Концепт в ракурсе мотива и темы: опыт дискурсивного исследования // Сборники конференций ниц социосфера. Издательство: Vedecko vydavateľské centrum Sociosfera-CZ s.r.o. (Пара). – № 18. 2014. – С. 61–70. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21641713_94131600.pdf/ (дата обращения: 09.11.2020).
2. Ашихманова Н. А. Сюжетный мотив «побег» как генеративный концепт в художественном тексте // Вестник Пятигорского государственного университета. Издательство: Пятигорский государственный университет (Пятигорск). – № 3. 2017. – С. 106–109.
3. Грунина А. П. Художественный концепт и мотив: характер вербализации // Глобализация науки: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (25 августа 2014 г., г. Уфа). – Уфа: Аэтерна, 2014. – С. 26–27.
4. Словарь литературоведческих терминов. – URL: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/motiv/?q=458&n=134>.
5. Салтымакова О. А. Мотив дороги в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Кемерово: КузГТУ, 2014. – С. 234–240.
6. Салтымакова О. А. Мотив торговли в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе. Сборник научных статей. – Кемерово: Издательство «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева», 2018. – С. 242–250.
7. Салтымакова О. А. Языковые средства формирования мотива любви в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Актуальные проблемы гуманитарных наук в техническом вузе. Сборник научных трудов. – Кемерово: Издательство «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева», 2017. [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29284450> [web сайт]. – URL: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2017/ffp/pages/Articles/30.pdf> (дата обращения: 09.11.2020).
8. Салтымакова О. А. Языковые средства экспликации мотивов в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // The 9th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. – Vienna, 23th November, 2015. – P. 177–183.

9. Салтымакова О. А. Лексико-семантическая организация мотива любви в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница» // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе. Сборник научных статей. Под редакцией С. А. Ковалевского. – Кемерово, 2019. Издательство: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Кемерово). – С. 253–263. – URL: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2019/ffp/pages/Articles/19.pdf/> (дата обращения: 09.11.2020).
10. Салтымакова О. А. Авторское повествование в композиционно-стилистическом аспекте // Художественный текст и языковая личность. Материалы III Всероссийской научной конференции. – Томск, 2003. – С. 133–136.
11. Салтымакова О. А. Композиционно-речевые типы повествователя в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 6 (24). – Часть 1. – Тамбов, 2013. – С. 186–191.
12. Салтымакова О. А. К вопросу о критериях выделения типов повествователя // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – Москва: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 294–297.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Москва: Рус. яз., 2007.
14. Плисс А. А. Семантика категории «мотив» в современном литературоведении: функциональные характеристики // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – № 2 (23). 2013. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20862601_61623055.pdf/ (дата обращения: 10.11.2020).

Информация об авторе

Салтымакова Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 9, тел.: (384) 239–69–33

E-mail: saltymakova.olga@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-2735>

O. A. SALTMAKOVA¹

¹ *Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

LEXICO-SEMANTIC ORGANIZATION MOTIF OF WONDER IN STORY N. V. GOGOL «MAY NIGHT, OR THE DROWNED WOMAN»

Abstract

Objective: to make lexical and semantic analysis of motif of wonder in the author's narration of N. V. Gogol's tale «May Night, or the Drowned Maiden», presented by the observer's speech.

Methods: cognitive analysis of the author's narrative is the leading research method; statistical computation, semantic analysis and systematization are supplementary methods.

Results: a relation between the motif and the author's narrative move is discovered; language means of lexical and semantic fields of motif are analyzed; the relationship of the motif of wonder as the leading motif with the secondary motives — the fear and the time of day — is reflected; the functions of the motif of wonder are specified.

Scientific novelty: improving methods for analyzing a motif in fiction.

Practical significance: research results can be used for analyzing N. V. Gogol's novelism as well as the motif organization and the author's narration of a literary text.

Keywords: literary text; motif; motif organization; lexical and thematic group; author's narration.

References

1. Afinskaja Z. N. Concept from the perspective of motif and theme: the experience of discursive research. Collections of conferences of SIC sociosphere: Vedecko vydavateľské centrum Sociosfera-CZ s.r.o. (Praga). 18. 2014. – P. 61–70. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21641713_94131600.pdf/ (in Russian).
2. Ashihmanova N. A. Plot motif “escape” as a generative concept in a literary text. Bulletin of Pyatigorsk state University: Pyatigorsk state University (Pyatigorsk). – 3. 2017. – P. 106–109 (in Russian).
3. Grunina L. P. Literary concept and motif: the nature of verbalization. Globalization of science: problems and prospects: collection of articles of the International scientific and practical conference (August 25, 2014, Ufa). – Ufa: Aeterna, 2014. – P. 26–27. (in Russian).
4. Dictionary of literary terms. URL: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/motiv/?q=458&n=134>.
5. Saltymakova O. A. The motif of the road in story N. V. Gogol “Sorochinsky fair”. Current issues of the Humanities: Materials of the all-Russian scientific and practical conference. – Kemerovo: KuzGTU, 2014. – P. 234–240. (in Russian).
6. Saltymakova O. A. The motif of the trade in story N. V. Gogol “Sorochinsky fair”. Current issues of fundamental Sciences in technical higher education. Collection of scientific articles. – Kemerovo: Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, 2018. – P. 242–250. (in Russian).
7. Saltymakova O. A. Language means of forming the motif of love in story N. V. Gogol “Sorochinsky fair”. Actual problems of Humanities in a technical University. Collection of proceedings. – Kemerovo: Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, 2017. URL: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2017/ffp/pages/Articles/30.pdf/> (in Russian)/
8. Saltymakova O. A. Language means of an explication of motives in story N. V. Gogol “Sorochinsky fair”. The 9th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. Vienna, 23th November, 2015. – P. 177–183. (in Russian).
9. Saltymakova O. A. Lexico-semantic organization motif of love in story N. V. Gogol “May Night, or the Drowned Woman”. Current issues of fundamental Sciences in technical higher education. Collection of scientific articles. – Kemerovo, 2019. Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev. – P. 253–263. URL: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2019/ffp/pages/Articles/19.pdf/> (in Russian).
10. Saltymakova O. A. Author’s narration in the compositional and stylistic aspect. Literary text and language personality. Materials of the III all-Russian scientific conference. – Tomsk, 2003. – P. 133–136. (in Russian).
11. Saltymakova O. A. Compositional and speech types of the narrator in story N. V. Gogol “May night, or the drowned Woman”. Philological Sciences. Questions of theory and practice. – 6(24). Part 1. – Tambov, 2013. – P. 186–191. (in Russian).
12. Saltymakova O. A. On the question of criteria for selecting types of narrator. The style of this day and tomorrow. Conference proceedings. Part II. – Moscow: faculty of journalism of Moscow state University, 2014. – P. 294–297. (in Russian).
13. Dal’ V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vols. – Moskva: Russian language, 2007. (in Russian).
14. Pliss A. A. Semantics of the category “motive” in modern literary studies: functional characteristics. Proceedings of Dagestan state pedagogical University. Social Sciences and Humanities. 2 (23). 2013. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20862601_61623055.pdf/ (in Russian).

Information about the author

Olga A. Saltymakova, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev
Address: 9 Vesennyaya Str., 650000, Kemerovo, Russia, tel.: +7 (384) 239–69–33
E-mail: saltymakova.olga@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-2735>

Science of law

Юриспруденция

УДК 332.025.1

DOI: 10.29013/AJH-20-11.12-68-78

Э. Р. ГАСУМОВ¹,**В. М. ВЕЛИЕВ²,****Р. А. ГАСУМОВ³**¹ *Азербайджанский Государственный Университет нефти и промышленности, Баку*² *Азербайджанский технический университет, Баку*³ *Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация

Цель исследования: изучение перспектив инновационного развития газовой отрасли Азербайджана за счет открытия и разработки новых крупных газоконденсатных месторождений каспийского шельфа и реализации международных газопроводов для поставки азербайджанского газа на европейский рынок.

Методы исследования: общенаучные (синтез, дедукция, индукция, обобщение, наблюдение, прогнозирование, научная абстракция, статистический анализ, логический), а также приемы группировки, классификации и экспертной оценки.

Результаты: определена возрастающая роль газовой отрасли в экономике Азербайджана. Изучены перспективные направления поиска новых месторождений углеводородов и этапы разработки новых крупных газоконденсатных месторождений на каспийском шельфе для удовлетворения потребности природного газа внутри страны и для внешних потребителей. Обобщены прогнозные оценки запасов природного газа на ближайшее будущее и основные маршруты газопроводов для транспортировки на европейский рынок. Предложены для обсуждения возможные новые маршруты трубопровода для экспорта газа и участники в этом проекте.

Научная новизна: выявлено, что для инновационного развития газовой отрасли республики необходима разработка стратегии, содержащей скоординированное и максимальное использование ресурсного и инновационного потенциала путем формирования и поддержки полных технологических цепочек, позволяющих смещение приоритетов от добычи природного газа (хранение и транспортировка) до его глубокой газонефтехимической переработки.

Практическая значимость: осуществление инновационного развития газовой отрасли Азербайджана для эффективной разработки новых газоконденсатных месторождений, хранения и транспортировки природного газа, реализации международных газовых проектов.

Ключевые слова: природный газ, газоконденсатное месторождение, инновационное развитие, газовая отрасль, газопровод, трубопровод, инвестиция, экономика.

Для цитирования: Гасумов Э.Р. Велиев В.М. Гасумов Р.А. Перспективы инновационного развития газовой отрасли Азербайджана // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 68–78. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-68-78>

Введение

Активное использование инноваций способствует созданию новых продуктов и новых рабочих мест, увеличению инвестиций и повышению общего уровня экономического развития. Страны, которые придерживаются инновационного типа экономики, характеризуются высоким индексом экономического развития, высоким уровнем развития образования и науки, высокой долей инновационных предприятий (свыше 60–80%) и инновационной продукции, повышением доли высокотехнологических отраслей в составе ВВП (17–20% в ВВП), значительным финансированием научных исследований.

Формирование перспективной стратегии инновационного развития отдельных отраслей народного хозяйства (НХ), в том числе топливно-энергетического комплекса (ТЭК) является неотъемлемой частью новой индустриализации экономики Азербайджанской Республики (АР). Нефтегазовая отрасль Азербайджана, его углеводородные месторождения и энергетическая инфраструктура, обеспечивают основу территориальной целостности республики, являются гарантом устойчивого функционирования экономики, важнейшей составляющей экспортного потенциала и бюджетных доходов. Состояние мировой экономики, происходящие геополитические процессы, ужесточение глобальной конкуренции на мировом рынке энергоносителей, падение мировых цен на углеводороды (УВ) требуют разработки стратегии инновационного развития газовой отрасли (ИРГО) на основе подхода, объединяющего ресурсный и инновационный потенциал страны. Она должна содержать механизм управления инновационным развитием на основе модели управления основными технико-экономическими параметрами газоконденсатных месторождений (ГКМ) в рамках его полного жизненного цикла (от поисковых — геологоразведочных работ до ликвидации месторождений), а также отражать возможности формирования стратегических решений более высокого уровня, объединяющих прогрессивные технологии и рыночные методы управления. Для стабильного развития экономики Азербайджана важно поддержание баланса между

спросом и предложением на мировом рынке УВ и наличие устойчивых цен.

Системный подход, инвестиционный анализ, изучение модели полного жизненного цикла ГКМ, основы технико-экономического и финансового планирования позволяют решить поставленные задачи. В рамках данного подхода усиливается интерес к внедрению инновационных подходов разработки ГКМ, добычи газа и газового конденсата (ГГК), эффективного управления фондами добывающих скважин. Совершенствование технологий разработки ГКМ направлено на максимальное извлечение запасов ГГК при соблюдении экологических требований и контроле себестоимости добычи УВ [1, 4].

Основная часть

Основы стратегии ИРГО должны составить скоординированное и максимальное использование ресурсного и инновационного потенциала путем формирования и поддержки полных технологических цепочек, позволяющих смещение приоритетов от добычи природного газа (хранение и транспортировка) до его глубокой газонефтехимической переработки. Инновационные процессы в газовом секторе обеспечивают значительные финансовые поступления, которые могут быть направлены на развитие других не нефтегазовых отраслей народного хозяйства АР. Предоставляет интерес анализ управления ИРГО на основе модели управления основными технико-экономическими параметрами ГКМ в рамках его жизненного цикла: от добычи газа до его переработки на примере Азербайджана. Управление от добычи до реализации углеводородного сырья (УВС) в газовом секторе осуществляется по трем параллельным направлениям:

- эксплуатация и поддержание действующего эксплуатационного фонда (скважина, ГКМ, ПХГ, газопроводы, заводы по переработке газа и газового конденсата);
- разработка и освоение новых объектов (ГКМ, ПХГ, газопроводы, заводы по переработке газа и газового конденсата);
- поиск (геологоразведочные работы) новых месторождений УВ, выбор альтернативных маршрутов новых газопроводов и т.д.

Рассмотрим состав этих направлений и этапы их реализации:

1. Добыча газа и газового конденсата: поддержание и восстановление уровня добычи газа в эксплуатационном (действующем) фонде скважин ГКМ; разработка новых ГКМ, промышленная добыча ГГК; поиск (геологоразведка) по выявлению новых нефтегазовых месторождений.

2. Хранение природного газа: эксплуатация действующих подземных хранилищ газа (ПХГ); реконструкция (расширение) действующего на территории АР ПХГ; создание (строительство) нового ПХГ.

3. Транспортировка (трубопроводные маршруты) газа: эксплуатация действующих международных газопроводов; строительство новых (альтернативных и резервных) международных газопроводов; создание резервных газопроводов.

4. Переработка газа и газового конденсата: эксплуатация действующих заводов по переработке ГГК; строительство новых заводов по переработке ГГК.

Годовой объем добычи природного газа в АР за последний 10 лет имел динамику роста от 17,7 млрд. куб. м (в 2011 г.), до 35,6 млрд. куб. м (в 2019 г.), план на 2020 г. составляет 38,0 млрд. куб. м, по перспективной оценке добыча газа составит 50 млрд. кубометров к 2025 году.

В Азербайджане первое явно выраженное ГКМ Гарадаг началось разрабатываться с 1935 г., а не для добычи используется с 1986 г. — в качестве ПХГ (с емкостью 2,3 млрд. куб. м газа, планируется довести 5 млрд. куб. м). В середине XX века, ГКМ Гарадаг дало 20 млрд. куб. м газа. В Азербайджане существует еще одно — Калмазское ПХГ, которое основано на вышедшем из эксплуатации месторождении Калмаз (начало разработки 1955 г.), в это время также разрабатывалась месторождение Гюрган-Зиря. В конце 60-х годов XX века был открыт ряд крупных ГКМ на каспийском шельфе — Бахар (1968 г.), Булла-море (1975 г.) и др., что привело к увеличению добычи природного газа. На нефтегазовом месторождении «Бахар» добыто 128,7 млрд. куб. м, ГКМ «Булла-море» — 62 млрд. куб. м газа [2–7, 9].

Стратегия ИРГО в Азербайджане также предусматривает совершенствование методов хранения природного газа. С учетом роста добычи ГГК в Азербайджане планируется создание нового ПХГ для хранения дополнительно 5–10 млрд. куб. м газа на базе газового месторождения «Бахар». Сегодня два

действующих ПХГ («Гарадаг» и «Калмас») имеют общую мощность 1,3 млрд. куб. м газа [9].

В Азербайджане нефтегазоконденсатные месторождения обнаружены практически по всей территории, на суше и морском шельфе. Залежи газа (газового конденсата) сконцентрированы в основном в Бакинском нефтегазоносном районе, в пределах Южно-Каспийского нефтегазоносного бассейна, на территории Апшеронского п-ова и прилегающей акватории.

Главными газовыми месторождениями, разрабатываемыми на суше, являются Гарадаг-Гобустан, Гюрган-Зиря. Открытие и начало разработки крупных нефтегазовых (НГ) и ГКМ в море стало важным фактором газодобывающей промышленности республики. Разработка нефтегазовых месторождений Бахар (1968 г.) и Булла-море (1975 г.) способствовали увеличению добычи газа в Азербайджане. Уже в 1980–82 гг. ежегодный объем добычи газа составил в среднем 15 млрд. куб. м, в том числе 14,1 млрд. куб. м из морских месторождений (при этом добываемый в море попутный газ из-за отсутствия соответствующей технологии большей частью выбрасывался в воздух) [2–7, 15].

Разработка нефтегазовых и ГКМ на каспийском шельфе Гюнешли (1981 г.), Чираг (1985 г.), Азери (1987 г.), ГКМ «Шах-Дениз» (2006 г.) и др. привели к росту добычи природного газа в Азербайджане. В 2015–2019 гг. по данным ОПЕК добыча природного газа в Азербайджане составила: в 2015 году — 18 млрд. куб. м; в 2016 году — 17,5 млрд. куб. м; в 2017 году — 16,9 млрд. куб. м; в 2018 году — 17,8 млрд. куб. м; в 2019 году — 20,8 млрд. куб. м. Тем самым, Азербайджан в 2019 году увеличил добычу природного газа на 16,9% по сравнению с 2018 годом [3, 4, 14, 15].

Прогнозные запасы природного газа (в составе нефти, свободные «газовая шапка» и в форме чистого газа) по данным национальных и зарубежных источников оцениваются (по разным методикам) от 1,5 до 7,0 трлн. куб. м (преимущественно в западной части страны, на шельфе Каспия).

Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики - «ГНКАР» (SOCAR — State Oil Company of Azerbaijan Republic), определяет объем залежей газа более 2,5 трлн. куб. м, что согласуется с данными компании British Petroleum (BP). Развитие ресурсной базы ГКМ Азербайджана в ближайшей перспективе связано с изучением следующих геологических структур:

- площадей «Бабек», «Шафак», «Асиман» с прогнозными запасами 900 млрд. куб. м газа и 140 млн. т газового конденсата;

- глубоко залегающих горизонтов блока Азери-Чыраг-Гюнешли (АЧГ), в которых могут находиться 280–300 млрд. куб. м газа;

- южных шельфовых участков, расположенных в морской акватории на границе Azerbaijan с Туркменистаном и Ираном.

В настоящее время также выделяются восемь нефтегазовых структур (Абшерон, Шемаха-Гобустан, Нижне-Куринский, Бакинский архипелаг, Гянджа, Евлах-Агдабеди, Губа-Прикаспийский, междуречье Кура-Габьрыры) и две перспективных (Аджиноур и Джагилабад). В Абшеронском, Шемаха-Гобустанском, Нижне-Куринском районах, а также в районе Бакинского архипелага основной нефтегазовый отряд является продуктивным пластом. Толщины этого пласта, состоящего из очередности песка, песчаного камня и глинистых прослоек достигает до 4000 м. Самые крупные ГКМ — районы Апшерона, Нижне-Куринский и Бакинский архипелаг [4–7].

Компании «SOCAR» в рамках контракта с British Petroleum удалось выявить крупные нефтегазоконденсатные месторождения в геологической структуре глубоководных участков блока «АЧГ», а также спрогнозировать наличие крупных месторождений УВ на южных участках Каспийского моря (на границе с Ираном), где проводились разведочные работы на нефтегазовом блоке «Араз-Алов-Шарг».

Основные запасы ГКМ сконцентрированы на гигантском ГКМ «Шах-Дениз» на шельфе Каспийского моря (где глубина моря составляет около 100 м). Контракт на разработку ГКМ стал вторым после комплекса «АЧГ» крупным по объему инвестиционных вложений со стороны зарубежных компаний, заключенный правительством Azerbaijan в 1996 г., который действует до 2031 г. На начальном этапе в консорциум вошли такие компании, как (доля в акционерном капитале, %): норвежская «Statoil» (26,0), британская «BP» (25,0, «BP Exploration Shahdeniz Ltd» — оператор проекта), «SOCAR» (10,0), российско-итальянская «Lukoil» (10,0), иранская «NIOC» (10,0), французская «Total» (10,0), турецкая «ТРАО» (9,0). В настоящее время структура капитала следующая: «BP» (28,8, оператор), «AzSD» (10,0), «SGC Upstream» (6,7), «Petroneas» (15,5), «Lukoil» (10,0), «NICO» (10,0), «ТРАО» (19,0).

Разработка ГКМ «Шах-Дениз» осуществляется в несколько этапов, промышленная добыча ГКМ началась в 2006 г. В рамках первой фазы освоения (до 2031 г.) намечена добыча 178 млрд. куб. м газа и 34 млн. т газового конденсата [5–7, 8].

Благодаря резкому увеличению добычи УВС в стране за счет разработки комплекса «АЧГ» и ГКМ «Шах-Дениз» значительно изменилась ситуация по газоснабжению и удовлетворению растущих потребностей республики в природном газе. Страна в короткий срок не только избавилась от необходимости импорта (в 2006 г. Azerbaijan прекратил импорт газа из России, который уже достиг объемов 4,5–5 млрд. куб. м в год), но и впервые стала чистым экспортером.

Между SOCAR и ПАО «Газпром» заключен контракт (2009–2010 гг.) о поставке азербайджанского газа в Россию по действующему газопроводу Баку — Ново-Фили. В результате разработки новых ГКМ и строительства международных трубопроводов Azerbaijan планирует снабжать партнеров природным газом на длительную перспективу и станет важным поставщиком газа на европейском рынке, внося важный вклад в энергетическую безопасность Европы. AP, расположенная в регионе Каспийского моря, может стать надежным поставщиком газа европейским потребителям не только за счет собственных газовых ресурсов, а также за счет транспортировки УВС из прикаспийских стран и Ближнего Востока. По некоторым источникам, первоначальная пропускная способность трубопровода Nabucco (31 млрд. куб. м) может быть скорректирована, а мощность Транс-анатолийского газопровода (TANAP) позволит ему поставлять 10 млрд. куб. м азербайджанского газа в год на европейские рынки и ещё 6 млрд. куб. м на внутренние нужды Турции.

Согласно оценкам неангажированных наблюдателей, запасы газа в Azerbaijanе около 1,4 триллиона куб. м с учетом информации о реальных запасах таких структур, как Умид и Апшерон, Бабек, Нахчыван, Зафар-Машал. Azerbaijan претендует в будущем стать основным поставщиком газа в Европу по TANAP и его европейскому продолжению в виде «укороченного» Nabucco и сможет оправдать надежды европейских потребителей.

Azerbaijan в 2006 году запустил «Южный газовый коридор» (ЮГК — SCP), по которому газ из каспийского шельфа транспортируется в Европу, до Италии, с перспективой возможности вовлечения новых

ресурсов, в т.ч. из месторождений стран каспийского региона и Ближнего Востока. Проект состоит из трех частей: ЮГК (Баку-Тбилиси-Эрзурум) — идущего по территории Азербайджана и Грузии до границы с Турцией; TANAP — идущего по территории Турции; ТАР — проходящего по территории Греции, Албании и Италии. Существующая ветка ЮГК станет частью Набукко, и по нему газ через Турцию и Грецию сможет поступать в Италию и другие европейские страны. Дополнительным газовым ресурсом для газопровода Набукко на наш взгляд может стать Туркменистан, Иран и Ирак, а также при определенных условиях Россия [5–7, 9–14].

Покупателями газа ЮГК станут 9 европейских компаний: англо-голландская «Shell», болгарская «Bulgargas», греческая «DEPA», немецкая «Uniper», французская «Engie», итальянская «Hera Trading», «Edison» и «Enel» и швейцарская «Ахро». В перспективе Азербайджан и Турция рассматривают возможности использования ЮГК для транзита газа из Ирака, Израиля и Кипра. Израиль и Турция выразили намерение построить в будущем газопровод, который свяжет израильские газовые месторождения «Левиафан» (Leviathan) и TANAP [5–14]. Что же касается ресурсной базы для покрытия возрастающего спроса на «голубое топливо» из Азербайджана, то кроме базового ГКМ «Шах-Дениз», наращивание поставок газа может обеспечить разработка месторождений «Абшерон», «Шаф-Асиман», «Карабах» и «Умид».

По прогнозам общая добыча газа на уровне 36 млрд. куб. м будет достигнута к 2020 г., из них около 23 млрд. куб. м будет доступно для экспорта. Возможная дополнительная добыча газа после 2020 г. снова будет поступать из ГКМ «Шах-Дениз», значительные имеющиеся запасы которого могли бы разрабатываться после завершения второго этапа освоения. Также ведутся предварительные переговоры относительно запасов глубинного газа, залегающих под гигантским комплексом «АЧГ» в основном на месторождении «Гюнешли» на глубине более 6000 м. Более углубленное понимание сложной геологии южнокаспийского региона Азербайджана, которое было достигнуто в последние годы, возродило надежды о перспективах добычи газа с большей глубины на других месторождениях. Компания «Total» исследует месторождение «Абшерон», где первая скважина была пробурена в 2010 г., в то время как

немецкая компания «RWE» предложила бурение в структуре «Нахичевань».

ГКМ «Шах-Дениз» имеет оцененные извлекаемые запасы в размере до 1,2 трлн. куб. м и осваивается консорциумом, в который входят BP (оператор), SOCAR, Statoil, Total, Lukoil, OIEC (Иран) и ТРАО (Турция). В настоящее время на ГКМ «Шах-Дениз» эксплуатируются четыре глубокие скважины, более 5000 м с высокой продуктивностью, средний дебит скважины превышает 4 млн. куб. м в сутки. Газ поставляется на перевалочную базу «Сангачал», а затем в ЮКТ. В 2007 году начата поставка газа в Турцию, три четверти объема добычи первого этапа разработки ГКМ «Шах-Дениз» будет поставляться по контракту на турецкий рынок. С планируемой общей добычей на I этапе в размере 100–120 млрд. куб. м, т.е. всего около 10% от извлекаемых запасов. ГКМ «Шах-Дениз» обладает достаточным потенциалом, чтобы обеспечить значительный рост добычи в среднесрочной перспективе.

Действующими международными газопроводами Азербайджана являются: ЮГК, TANAP, ТАР (азербайджано-турецкий-европейский трубопровод выходом европейские страны и трубопровод «Набукко»); Баку — Ново-Филя (азербайджано-российский трубопровод, идущий от Баку до российской границы по побережью Каспийского моря, протяженностью 200 км, по которому газ поставляется как на российский рынок, так и в реверсном режиме в Азербайджан); Гази-Магомед — Астара — Бинд — Бианд (азербайджано-иранский газопровод, протяженностью 1474,5 км, в том числе на территории Азербайджана — 296,5 км, являющийся веткой трубопровода Газах-Астара-Иран, введенного в эксплуатацию в 1971 году). Три основных проекта европейских трубопроводов конкурируют между собой за транспортировку азербайджанского газа на рынки за пределами Турции в Юго-Восточной Европе. Турция заинтересована в дополнительном приобретении азербайджанского газа для удовлетворения быстро растущего внутреннего спроса и удовлетворения потребности европейского рынка.

Заглядывая наперед, можно сказать, что существуют дополнительные крупные газовые ресурсы на азербайджанском секторе каспийского шельфа, которые могут разрабатываться на будущих этапах: в результате бурения скважины глубиной свыше 7300 м был открыт новый резервуар с высоким пла-

стовым давлением в более глубокой структуре, чем разрабатываемые в настоящее время. Текущее соглашение о разработке ГKM «Шах-Дениз» действует до 2030 г., но месторождение имеет достаточный потенциал для того, чтобы оставаться основным источником добычи газа AP и после этой даты.

Начало работ на II этапе разработки ГKM «Шах-Дениз» показали, насколько важными являются прозрачные схемы транспортировки для реализации потенциала каспийского природного газа. При наличии таких договоренностей азербайджанский газ, к которому в перспективе могут присоединиться из других источников — из каспийского региона (Россия, Туркменистан, Казахстан, Иран) и Ближнего Востока (Ирак, Израиль), что позволит открыть новый южный коридор для газовых поставок в Европу в течение нескольких последующих лет.

Предполагается, что весь газ, экспортируемый из Азербайджана, за исключением объемов, поставляемых в Россию и Иран, будет транспортироваться по этому коридору для продажи в Грузию, Турцию и на рынки Юго-Восточной Европы.

Соглашение между Азербайджаном и Турцией предусматривает из максимальной стабильной добычи на II этапе освоения ГKM «Шах-Дениз» выделение в год: 6 млрд. куб. м для турецкого рынка; 8,5 млрд. куб. м для экспорта в другие страны Европы; 1,5 млрд. куб. м для удовлетворения потребности Азербайджана и Грузии. Это соглашение позволило начать основательные переговоры относительно дальнейших поставок газа в Грецию и другие страны Юго-Восточной Европы между консорциумом «Шах-Дениз» и партнерами по основным проектам трубопроводов, конкурирующих за поставку газа — «Набукко», ТАР и Соединительный трубопровод Греция — Италия. Наряду с этими проектами, остаются актуальными различные идеи по поставке газа напрямую через Черное море трубопроводом или в форме сжиженного или сжатого природного газа в Румынию или Болгарию. Хотя эти предложения более затратные, они предоставляют возможные запасные варианты в случае, если реализация основных проектов, связанных с трубопроводами, столкнется с трудностями. С другой стороны, хотя предложения транспортировки по IGI, через Грецию в Италию и газопровода ТАР могут показаться более подходящими для условий рынка в краткосрочной перспективе, ни одно из этих предложений, в отличие от «Набукко»,

не предусматривает строительства новой транспортной мощности через Турцию. Учитывая растущий внутренний спрос, турецкая сеть потребует существенных инвестиций, иначе ее пропускная мощность станет сдерживающим фактором для транзитных потоков из других газодобывающих стран региона. Возможно, появится предпочтительный выбор в виде комбинированного варианта, сочетающего характеристики различных предложений. Однако вне зависимости от того, какой из проектов будет внедрен, возможности для реализации есть лишь у одного из этих предложений, в том виде, в котором они существуют на сегодняшний день, по крайней мере, на период до 2025 г.

Текущая пропускная мощность ЮКТ составляет чуть менее 8 млрд. куб. м в год. Решение о расширении трубопровода примерно до 20 млрд. куб. м в год будет синхронизировано с началом добычи на втором этапе освоения «Шах-Дениз». Любой дополнительный экспорт газа на запад из Азербайджана, помимо добычи второго этапа освоения «Шах-Дениз», или транзит газа из других стран каспийского региона потребует введения новой пропускной мощности, в дополнение к 20 млрд. куб. м в год — возможно, еще дополнительного нового трубопровода.

Сооружая международный газопровод ТАР, Евросоюз планирует увеличить поставки газа из каспийского региона в Европу, создает конкуренцию российскому газу. Однако, взаимовыгодное сотрудничество между Азербайджаном и Россией (привлечение к каспийским проектам Газпром, Лукойл), может иметь более выгодные результаты для всех участников проекта и перспективы строительства новых газопроводов по азербайджано-турецкому маршруту. Речь идет о взаимовыгодном сотрудничестве между Россией и Азербайджаном, для решения конкретных проблем вокруг поставки российского газа в Европу, время от времени возникающих в зависимости от различных обстоятельств. Компания «Lukoil» уже осуществляет разработку российского месторождения в Каспийском море совместно с азербайджанскими партнерами и с консорциумом «Шах-Дениз». В целом, совмещение инфраструктурных и промышленных возможностей России и Азербайджана на Каспии способно оптимизировать экономическую, технологическую и логистическую составляющие при реализации проектов в регионе, решать проблемы обеспечения материально-техническими ресурсами.

Существуют также перспективы сотрудничества по газовому вопросу между Азербайджаном и Ираном. Иран не раз заявлял о намерении приобретать у Азербайджана до 5 млрд. куб. м в год, для решения возникающих проблем с газоснабжением северных регионов страны (в зимний период). Из-за этого SOCAR приходится поставлять дополнительные объемы газа в эти регионы Ирана в рамках своповых операций. Как известно, своповые поставки — это поставки по схеме замещения, когда невозможны прямые поставки. В связи с тем, что это может вызвать определенные трудности, рассматривается вопрос о возможности закачивания газа в ПХГ Азербайджана в необходимых объемах, достаточных для снабжения севера Ирана газом. Рассматривается также строительство газопроводов Сангачал — Азадкенд — Астара (Иран) для поставки азербайджанского газа в Иран (с мощностью 6,57 млрд. куб. м в год), СПГ — проект FGRI («Азербайджан — Грузия — Румыния» интерконнектор) для поставки в Румынию через территории Грузии и Черное море сжиженного газа (с мощностью 3 млрд. куб. м в год и с возможностью увеличения до 5–8 млрд. куб. м в год).

В последнее десятилетие роль Азербайджана в международном энергетическом пространстве возросла. Это обусловлено тем, что ТЭК превратился в важный ресурс внешнеэкономической деятельности государства. Поэтому в настоящее время Азербайджанская республика принимает активное участие в энергетической дипломатии. Главной задачей энергетической стратегии Азербайджана является увеличение объемов добычи природного газа и диверсификация рынков сбыта в связи с ростом потребления этого вида топлива в мире [15].

Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование современной внешнеэкономической, а также внешнеполитической стратегии республики, является нефтяной, а в последнее время особенно и газовый ресурсный потенциал Азербайджана. Проведенные анализы показали, что в Азербайджане поддержка внутренних газовых рынков проектов находится на высоком уровне, продолжается модернизация трубопроводов, основной целью является в кратчайшие годы достичь полной газификации страны.

Одним из принципов стратегии ИРГО на региональном уровне является развитие двустороннего и многостороннего газового диалога между государ-

ствами каспийского и черноморского региона. Это позволит открыть возможности для Азербайджана не только как поставщика природного газа, но и как для транзитной страны. Азербайджану также целесообразно диверсифицировать направления экспорта и возможного реэкспорта газа с сохранением поставок в Россию. Это позволит сбалансировать геэкономические интересы Азербайджана, России, США, стран ЕС в регионе и обеспечить энергетическую безопасность государства. Принимая во внимание важное внешнеэкономическое значение экспорта газа для Азербайджана, следует использовать комплексный многофакторный подход при оценке конкретных международных газовых проектов. Недостаточно рассматривать эти проекты лишь с финансовой, коммерческой, технической точки зрения без учёта возможных геополитических проблем и ситуаций, связанных с реализацией этих проектов, внешнеэкономических и геостратегических интересов Азербайджана и его соседей [3, 11, 14, 15].

В настоящее время АР проводит сбалансированную энергетическую политику, основываясь на адекватной оценке международной ситуации и собственных возможностей, стремясь избежать идеализации межгосударственных связей и ущемления национальных или религиозных особенностей стран-партнеров. Деятельность правительства Азербайджана направлена на выстраивание прагматичных и дружественных отношений со всеми участниками нефтегазового рынка — производителями и потребителями первичных энергетических ресурсов, стран, участвующих в транзите энергоресурсов.

Внешняя политика Азербайджана в области реализации ИРГО решает две основные задачи: укрепить позиции на рынке стран объединенной Европы и укрепить возможности по развитию сотрудничества с соседними газодобывающими государствами региона, в первую очередь Россией, Казахстаном, Туркменией и Ираном, а также Китаем.

АР развивает газовую отрасль по всем направлениям — добыча УВ, ПХГ, транспортировка газа и переработка. Мощности по переработке газа (Азербайджанский газоперерабатывающий завод) были созданы во времена СССР и в настоящее время требуют модернизации. К середине следующего десятилетия вблизи п. Сангачалы предполагается создать нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс по глубокой переработке газа, завод по произ-

водству химических удобрений (до 1 млн. т). Годовое потребление новых предприятий — до 12 млрд. куб. м. Планируется, что сырье будет импортным и поступать из Казахстана, России, других стран.

Заключение

Новейший опыт развития газовой отрасли АР свидетельствует о том, что в основу ее развития положен экстенсивный метод хозяйствования, при котором увеличение и поддержание уровня добычи ГГК обеспечивается путем ввода в эксплуатацию новых месторождений.

В среднесрочной перспективе Азербайджан может корректировать энергетическую политику параллельно добывающей отрасли и развивать трубопроводный транспорт для доставки газа из других газодобывающих стран региона в Европу (транзитным энергетическим мостом). Вовлечение третьих стран в поставки топлива является положительным фактором для Азербайджана. Это позволит участникам региона усилить экономические позиции, получить новые возможности для выхода на рынки европейских стран. Азербайджан может стать «ключевой страной» посредством, которого страны каспийского региона намерены построить надежный транспортный маршрут в Иран и Турцию для резкого увеличения внешнеторгового оборота между этими странами.

Энергоресурсы становятся инструментом геополитики, а значение энергетического фактора в международных процессах растет. В условиях колебаний цен на энергоносители, напряжение на международном нефтегазовом рынке, применяемые экономические санкции по реализации международных газовых проектов и другие аспекты требует сбалансированной внешней политики газодобывающих стран и выра-

ботки новых подходов, приемлемых для всех участников реализуемых проектов, с учетом возможных внутренних и внешних рисков. На наш взгляд была бы экономически выгодно и политически целесообразно рассмотреть новые маршруты транспортировки газа через Азербайджан с участием всех газодобывающих стран каспийского региона. Например, новый газопровод по маршруту Азербайджан (плюс газодобывающие страны каспийского региона — Россия, Туркменистан, Иран и др.) через Нахичевань в Турцию, далее на европейский рынок. В данной схеме Азербайджан может стать транзитным энергетическим мостом между каспийским регионом и европейским рынком. Для удовлетворения растущей потребности европейского рынка в природном газе предлагаемый маршрут газопровода должен иметь технические возможности для транспортировки экспортируемого газа из газодобывающих стран каспийского региона. Данный трубопровод по протяженности и географическому маршруту с учетом наличия достаточной пропускной возможности будет более экономичен, а с привлечением заинтересованных стран-экспортёров газа может стать также финансово привлекательным. В условиях существующих геополитических сложностей на территории бывшего СССР, строительство альтернативных газопроводов, не имеющих одинаковые географические маршруты, становится выгодным и менее рискованным проектом. Экономически выгодно рассмотреть газопроводы с возможностью реверса газа или изменения направления транспортировки газа (с возможностью по обратному маршруту с выходом на рынки Восточной Азии). Что позволит газодобывающим странам иметь альтернативные и запасные варианты для реализации своих энергоносителей.

Список литературы:

1. Дмитриевский А. Н., Комков Н. И., Кротова М. В. Перспективы инновационного развития отечественного нефтегазового комплекса. / Дмитриевский А. Н., Комков Н. И., Кротова М. В. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – М.; 2015. – Т. 6. – № 3. – С. 62–77.
2. Гасумов Э. Р. Горючий газ в истории развития Азербайджана // Ежемесячный научный журнал. Евразийский научный журнал. СПб.: 2020. – № 11–8(79). – С. 7–11.
3. Gasumov E. R. The role and place of the gas sector in the fuel and energy complex of Azerbaijan // Colloquium-journal – Polish international journal of scientific publications. – Warszawa, Poland. – № 30(82). – Part 3. 2020. – P. 38–41.
4. Gasumov E. R. The role and place of the gas sector in the fuel and energy complex of Azerbaijan // “Colloquium-journal” – Polish international journal of scientific publications. – Warszawa, Poland. – № 30(82). 2020. – Part 3. Economic sciences. – P. 38–41.

5. Gasumov E. R. Natural gas production in Azerbaijan // Znanstvena misel journal. Знание мисель журнал. Slovenia: 2020. – № 48. – Vol. 2. – P. 3–7.
6. Gasumov E. R. Use and production of natural gas in Azerbaijan // American Scientific Journal (ASJ). Ukraine, – Kiev 2020. – № (42) / 2020. – Vol. 2. – P. 24–28.
7. Gasumov E. R. Technical and economic aspects of the development of the gas industry in Azerbaijan // Wschodnioeuropejskie Naukowe (East European Scientific Journal). – Warsaw, Poland. 2020. – № 10(62). – Part. 4. – P. 25–28.
8. Матвеев И. Е. Оценка запасов нефти и газа Азербайджана. 07.02.2019. URL: <http://matveev-igor.ru/articles/366220>.
9. SOCAR расширяет Гарадагское хранилище газа // Neftegaz. 01.09.2015. – № 3186. URL: <https://neftegaz.ru>.
10. Добринина Л. Р. Перспективы развития газовой отрасли Азербайджанской республики в условиях глобализации // Интернет-журнал «Науковедение». Выпуск 5 (24), сентябрь – октябрь 2014. URL: <http://naukovedenie.ru>.
11. Жизнин С. З., Гулиев И. А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. – № 1. Интернет-журнал «Науковедение». Выпуск 5 (24), сентябрь – октябрь 2014. URL: <http://naukovedenie.ru>
12. Топливо-энергетический баланс Азербайджана и мероприятия по совершенствованию этой отрасли. URL: https://vuzlit.ru/1056526/neftegazovaya_promyshlennost_azerbaydzhana.
13. Куда ведет газопровод из Баку / Л. Подобедова, А. Басисини. // Газета РБК. № 094 (2818) (3005). Бизнес, 29.05.2018. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper>.
14. Мурадвердиев А. Ш. Экономическая оценка освоения морских месторождений нефти. V Международная конференция «Новые идеи в науках о земле», – Т. 4. – М., 2001.
15. История развития нефтяной отрасли Азербайджана // Нефтегаз. 22 июля 2011. URL: <https://neftegaz.ru>.
16. Гулиев И. А. Некоторые аспекты развития стратегических предприятий стран СНГ (на примере газовой отрасли) // Нефть, Газ и Бизнес 2011. – № 10.

Информация об авторах.

Гасумов Эльдар Рамизович, кандидат экономических наук, доцент Азербайджанского Государственного Университета нефти и промышленности, Баку, Азербайджан
Адрес: AZ1010, Азербайджан, Баку, просп. Азадлыг, 20
E-mail: R.Gasumov@yandex.ru

Велиев Вилаят Мамед-оглы, доктор технических наук, профессор Азербайджанского технического университета, Баку, Азербайджан
Адрес: AZ1148, Азербайджан, Баку, просп. Гусейна Джавида, 25
E-mail: R.Gasumov@yandex.ru

Гасумов Рамиз Алиджавад-оглы, доктор технических наук, профессор Северо-Кавказского Федерального университета, Ставрополь, Россия
Адрес: 355000 РФ. г. Ставрополь, ул. Ленина, 419
E-mail: R.Gasumov@yandex.ru

E. R. GASUMOV¹,**V. M. VELIYEV²,****R. A. GASUMOV³**¹*Azerbaijan State University of Oil and Industry, Baku, Azerbaijan*²*Azerbaijan Technical University, Baku, Azerbaijan*³*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia*

PROSPECTS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE GAS INDUSTRY OF AZERBAIJAN

Abstract:

Purpose of the study: to study the prospects for innovative development of the gas industry in Azerbaijan, through the discovery and development of new large gas condensate fields of the Caspian shelf and the implementation of international gas pipelines for the supply of Azerbaijani gas to the European market.

Research methods: general scientific (synthesis, deduction, induction, generalization, observation, forecasting, scientific abstraction, statistical analysis, logical), as well as methods of grouping and classification, expert assessment.

Results: the growing role of the gas industry in the economy of Azerbaijan was determined. The prospective directions of prospecting for new hydrocarbon fields and the stages of development of new large gas condensate fields on the Caspian shelf were studied to meet the demand for natural gas in the country and for external consumers. The forecast estimates of natural gas reserves for the near future and the main routes of gas pipelines for transporting the European market are generalized. Possible new pipeline routes for gas export and participants in this project are proposed for discussion.

Scientific novelty: it was revealed that for the innovative development of the gas industry of the republic, it is necessary to develop a strategy containing the coordinated and maximum use of the resource and innovation potential, through the formation and support of complete technological chains that allow a shift in priorities from natural gas production (storage and transportation) to its deep gas and petrochemical processing.

Practical significance: implementation of innovative development of the gas industry in Azerbaijan, for the effective development of new gas condensate fields, storage and transportation of natural gas, implementation of international gas projects.

Keywords: natural gas, gas condensate field, innovative development, gas industry, gas pipeline, pipeline, investment, economics.

References:

1. Prospects for innovative development of the domestic oil and gas complex. / Dmitrievsky A. N., Komkov N. I., Krotova M. V. // WORLD (Modernization. Innovation. Development). – M., 2015. – Vol. 6. – No. 3. – P. 62–77.
2. Gasumov E. R. Combustible gas in the history of Azerbaijan's development // Monthly scientific journal. Eurasian scientific journal. SPb.: 2020. – No. 11–8(79). – P. 7–11.
3. Gasumov E. R. The role and place of the gas sector in the fuel and energy complex of Azerbaijan. // Colloquium-journal – Polish international journal of scientific publications. – Warszawa, Poland. – No. 30(82). – Part 3. 2020. – P. 38–41.
4. Gasumov E. R. The role and place of the gas sector in the fuel and energy complex of Azerbaijan // “Colloquium-journal” – Polish international journal of scientific publications. – Warszawa, Poland. – No. 30(82). 2020. – Part 3. Economic sciences. – P. 38–41.
5. Gasumov E. R. Natural gas production in Azerbaijan // Znanstvena misel journal. Knowledge missel magazine. – Slovenia: 2020. – No. 48. – Vol. 2. – P. 3–7.

6. Gasumov E. R. Use and production of natural gas in Azerbaijan // American Scientific Journal (ASJ). Ukraine,– Kiev, 2020.– № (42) / 2020.– Vol. 2.– P. 24–28.
7. Gasumov E. R. Technical and economic aspects of the development of the gas industry in Azerbaijan // Wschodnioeuropejskie Naukowe (East European Scientific Journal).– Warsaw, Poland. 2020.– No.10(62).– Part. 4.– P. 25–28.
8. Matveev I. E. Assessment of oil and gas reserves in Azerbaijan. 07.02.2019.URL: <http://matveev-igor.ru/articles/366220>.
9. SOCAR is expanding the Garadagh gas storage // Neftegaz. 09/01/2015.– No. 3186. URL: <https://neftgaz.ru>.
10. Dobrina L. R. Prospects for the development of the gas industry of the Republic of Azerbaijan in the context of globalization // Internet journal “Science of Science”. Issue 5(24). September – October, 2014. URL: <http://naukovedenie.ru>.
11. Zhiznin S. Z., Guliev I. A. Energy diplomacy in the Caspian region // Bulletin of MGIMO-University. 2012.– № 1. Internet-magazine “Science of Science”. Issue 5(24), September – October 2014. URL: <http://naukovedenie.ru>
12. Fuel and energy balance of Azerbaijan and measures to improve this industry.URL: https://vuzlit.ru/1056526/neftgazovaya_promyshlennost_azerbaydzhana.
13. Where does the gas pipeline from Baku lead to? / L. Podobedova, A. Basisini // RBC newspaper. No. 094 (2818) (3005). Business, 05/29/2018. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper>.
14. Muradverdiev A. Sh. Economic assessment of the development of offshore oil fields. V International Conference “New Ideas in Geosciences”,– Vol. 4.– M., 2001.
15. History of the development of the oil industry in Azerbaijan. // Oil and Gas. July 22, 2011. URL: <https://neftgaz.ru>.
16. Guliev I. A. Some aspects of the development of strategic enterprises in the CIS countries (on the example of the gas industry) // Oil, Gas and Business, 2011.– № 10.

Information about the authors

Eldar R. Gasumov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Azerbaijan State University of Oil and Industry, Baku, Azerbaijan Address: AZ1010, Azerbaijan, Baku, ave. Azadlig, 20

Tel +79624405599

E-mail: R.Gasumov@yandex.ru

Vilayat M. Veliyev, Doctor of Technical Sciences, Professor of Azerbaijan Technical University, Baku, Azerbaijan Address: AZ1148, Azerbaijan, Baku, ave. Huseyn Javid, 25

Tel +79624405599

E-mail: R.Gasumov@yandex.ru

Ramiz A. Gasumov, Doctor of Technical Sciences, Professor of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Address: 355000 RF. Stavropol, st. Lenin, 419

Tel +79624405599

E-mail: R.Gasumov@yandex.ru

Sociology

Социология

УДК 332.024

DOI: 10.29013/AJH-20-11.12-79-90

Е.С. ГУРЕНКО ¹Е.Г. КАРПОВА ¹

¹ *Российский государственный университет им А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Россия*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Аннотация

Цель: определение влияния социальных ценностей на управленческие практики в системе современной экономики.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания, а также метод аналогии и исторический метод.

Результаты: на основе анализа научной социологической литературы, источников выявлены предпосылки возникновения исследовательского интереса к изучению аксиологической проблематики в современном мире, выявлена специфика исследования социальных ценностей на индивидуальном, организационном или общественном уровне, обоснованы универсальные системы социальных ценностей современных авторов, занимающихся исследованием данной проблематики; определены истоки трансформационных процессов в системе ценностей в сфере бизнеса на современном этапе, в том числе, в организационной среде, определено значение социальных ценностей для современной управленческой практики организаций, зафиксированы наблюдаемые изменения ценностей и управленческие решения, основанные на ценностных регулятивах, создающие потенциально благоприятную площадку для изучения взаимных влияний между социальными структурными позициями и индивидуальным функционированием, принятием управленческих решений и управленческой практики в организационной среде вообще. Обосновано, что процессы глобализации, нарастающая динамика в области коммуникационных технологий и образования, а также конкуренция между бизнес-организациями также способствовали изменению их ценностей: от соотношения «цена-качество» к направлению «ценность-качество».

Научная новизна: в статье впервые на основе представленных методов исследовано влияние социальных ценностей на управленческие практики в системе организационного управления в современной экономике.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и практической управленческой деятельности, при изучении вопросов обеспечения эффективного влияния социальных ценностей на управленческие практики в организациях, что, несомненно, положительно скажется на национальной экономике.

Ключевые слова: ценности; управленческие практики; современная экономика; структурная модернизация.

Для цитирования: Гуренко Е.С., Карпова Е.Г. Влияние социальных ценностей на управленческие практики // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №11–12. – С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-11.12-79-90>

Введение

В среде научных изысканий ценности были и остаются важной темой социологических исследований на протяжении последних нескольких десятков лет. По ним люди сверяют, что действительно важно и значимо, а что несущественно. Они влияют на выбор способа удовлетворения потребностей и интересов человека как социального существа. На их основе осуществляется управление современными компаниями и достигаются значимые результаты в бизнесе. При этом само понятие «ценность» различные авторы интерпретируют по-разному. Например, представители классической социологической теории называют ценности ключевыми элементами человеческих групп и общностей, рассматривая не только их различия в разных социальных кругах, но и степень их влияния на действия человека посредством соответствия определенным правилам и нормам. Современные исследователи определяют ценности уже как сумму предпочтений и приоритетов конкретного человека как социального существа — то есть то, что мы хотели бы иметь в своей жизни с указанием на важность этого «хотения». И если классики не пишут о том, что должно быть оценено, то глобализация мира заставляет современников именно оценивать, определять степень воздействия ценностей на человека, и в особенности на практику социального управления в бизнес-сфере.

Основная часть

Теоретические и эмпирические вопросы о распределении ценностей в обществе в настоящее время являются неотъемлемой частью социологических исследований во всем мире, хотя экономика, политология, психология и философия также изучают социальные ценности. Таким образом, любой теоретический обзор источников и литературы о ценностях обязательно опирается на эти области. Однако ценности остаются до некоторой степени оспариваемой темой в социологии, в том числе из-за трудностей измерения и отсутствия доказательств того, что они могут делать в этом мире. Социальные ценности определяют направление деятельности отдельных лиц, организаций и обществ, к чему они стремятся и что они считают важным.

Ценности являются культурно-утвержденными, внутренними желаниями, которые мотивируют наши действия. Ценности — это относительно абстрактные понятия, которые вдохновляют наши убеждения и взгляды, определяя то, к чему мы стремимся.

Однако, несмотря на то что мы знаем, как сильно на формирование ценностей влияют семья и общество в целом, эмпирические результаты об их важности в повседневной жизни человека, организаций и сообществ довольно скудны. Зато есть множество эмпирических данных, полученных в рамках социально-психологических исследований, в том числе в бизнес-сфере. Например, люди, для которых индивидуальность, независимость и свобода являются важными ценностями в жизни, как правило, испытывают неудовлетворенность в рабочих условиях, которые требуют послушания и соответствия определенным конкретным правилам и стандартам. В то же время ценности одного человека могут конфликтовать друг с другом, в зависимости от окружения, в котором он находится. Найти прямую связь между важностью ценности и поведением человека из-за этого конфликта становится практически невозможно. Другими словами, есть ценности, которые имеют большую или меньшую значимость для конкретного человека и которые «срабатывают» или «не срабатывают» в определенной ситуации [1].

Некоторые связанные понятия иногда ошибочно принимают за ценности, особенно такие, как «мнения», «убеждения» и «нормы». Мнения — это аффективные оценки всех видов конкретных субъектов, например, членов футбольной команды, сотрудников организации или политических деятелей. Убеждения — это утверждения, которые люди считают правдой, независимо от того, верны они или нет. Например, «пингины живут на Южном полюсе» и «пингины живут на Северном полюсе» — это два примера убеждений, которых могут придерживаться люди. Убеждения также могут принимать форму предубеждений. Нормы — это правила или руководящие принципы, которые являются общими для групп (больших или малых) и предписывают приемлемое поведение [1].

Проанализировав структуру и систематику ценностей разных авторов, можно сделать предварительное заключение, что ценности как таковые могут существовать на индивидуальном, организационном или общественном уровне. На индивидуальном или организационном уровне ценности действуют как руководство или стандарты поведения людей: они являются собой то, что люди думают и насколько хорошо (плохо) ведут себя. Другими словами, они содержат в себе осуждающий элемент — идею человека о том, что является правильным, хорошим или желательным.

Начиная с первоначального научного интереса в области социальной философии и вплоть до начала XXI века предпринимались многочисленные попытки классифицировать ценности в системы универсальных ценностей. При этом можно сказать, что по части определения систем ценностей большинство ученых согласны с тем, что универсальный набор ценностей существует. Рассмотрим некоторых авторов более подробно.

Например, к классическим текстам относятся работы М. Рокича и Т. Парсонса. Так, в своих ранних трудах Парсонс рассматривает ценности как соответствие общественным нормам, существование которых предполагает единственную нравственную систему для обществ, поддерживаемую ее институтами [2, р. 282–316]. Исследование потеряло свою популярность во второй половине XX века, когда социологи перешли к изучению проблемы власти и расчленения общества. Тем не менее, Парсонс считается выдающимся теоретиком своего времени, оказавшим серьезное влияние на многих социологов. М. Рокич в своей фундаментальной работе о ценностях «Природа человеческих ценностей» (1973) различает терминальные и инструментальные ценности, которые отражают конечные состояния или цели, а также способы и средства их достижения [3]. В этой же книге ученый рассматривает ценности, связанные с мнениями (взглядами), поведением и политикой.

Другие, не менее влиятельные социологи Г. Хофстеде и Ш. Шварц в своих работах настаивают на том, что существует две плоскости ценностных измерений, отличающихся от национальных систем ценностей: одна — на уровне индивида, другая — на уровне общества. Проверяется это утверждение с помощью опросника ценностных ориентаций Шварца (*Value Survey Schwarz* [4]), который показывает, что ценностные показатели идентичны на обоих уровнях и не нуждаются в отдельном рассмотрении или исследовании.

Так Г. Хофстеде выделяет четыре ценности, которые описывают культурные различия («измерения культуры») [5]: дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм (коллективизм) и мужественность (женственность). Позже на основе новых исследований, проведенных в Китае, он добавляет пятое «измерение» — долгосрочная (краткосрочная) ориентация. Исследование Хофстеде охватило в общей сложности 50 стран и три региона в пяти континентах земного шара, за все время были опрошены более 100000 сотрудников, работающих в филиалах IBM, поэтому его результаты применимы в первую очередь к области менеджмента и организационной науки.

Категоризация ценностей Шварца строится по девяти или десяти основным значениям в структуре круга. Значения, которые находятся рядом друг с другом совместимы, в то время как значения напротив друг друга противоречивы. Далее все сводится к двум ценностным измерениям, описывающим отношения между конфликтующими ценностями: самотрансцендентность против самовозвышения (характеризует отношение личности к другим людям) и открытость к изменениям против консерватизма (характеризует отношение личности к риску). Такая модель предполагает, что, хотя индивидуумы и различаются в акцентах на определенных ценностях, их ценностные структуры отражают ценностные совместимости и конфликты, обусловленные псевдоциркулярной структурой. Иными словами, тот, кто придает большее значение достижениям, скорее всего, будет придавать такое же значение власти, которая совместима, и меньшее значение доброжелательности и универсализму, которые несовместимы, поскольку достижение успеха и доминирование над другими одновременно являются результатом заботы о благополучии и интересах других людей. И наоборот, тот, кто больше склонен к самотрансцендентности, скорее всего, будет придавать большее значение стимуляции и активности, которые совместимы с мотивацией, и меньшее значение конформизму и традициям, которые несовместимы с мотивацией, поскольку сложно сохранять интерес в непредсказуемых и неопределенных условиях [6, р.235–236]. Исследование длилось несколько лет, в нем приняли участие более 64000 человек из 67 стран. В настоящее время Шварц является наиболее влиятельным ученым в области социологических исследований ценностей.

П. Смит и Ш. Дюган [7, р. 231–264] и Р. Фишер А. Пуртинга [8, р.157–170] в своих исследованиях делают попытки воссоздать ключевые конструкции Хофстеде с помощью новой глобальной выборки. Они находят убедительные доказательства существования измерений, похожих на индивидуализм-коллективизм, но не находят другие значения, описанные ученым. Их выводы, в том числе, объясняются различиями стран, в которых проводилось исследование, поскольку в него включены, например, (бывшие) коммунистические страны, отличающиеся определенными системами ценностей.

Другой автор, который активно исследует трансформацию ценностей в мировом масштабе, американский социолог Р. Инглхарт агрегирует индивидуальные ценности до макроуровня (общенационального значения), пытаясь новыми способами вернуть значение ценностей в традицию социологических исследований [9]. В своих работах он также говорит о том, что существует смена ценностей между поколениями: в условиях современного изобилия у молодых людей меньше материалистических ценностей (безопасность, порядок) и больше постматериалистических ценностей (свобода слова). Выводы и наблюдения Инглхарта остаются важными и актуальными сегодня, но продолжают подвергаться дальнейшему изучению.

Активно изучением ценностей занимается и профессор социологии С. Хитлин. Так, совместно с Дж. Пилявин [10, р.359–393] они обсуждают роль ценностей в поведении человека, указывая на то, что они представляют собой потенциально благоприятную площадку для изучения взаимных влияний между социальными структурными позициями и индивидуальным функционированием, и принятием решений. В данном исследовании авторы основываются на предыдущем опыте социологов, в частности, на работах Ш. Шварца. Совместно с другим ученым, Ш. Вейси, Хитлин рассматривает вопросы морали в обществе, называя это новым направлением социологических исследований [11, р.51–68]. Смещая акцент с ценностей на нравственность, авторы также указывают на вклад, который социологи могли бы внести (и извлечь из этого пользу) в изучение данной области, ответив на простые вопросы: что на самом деле считается моралью, какие социальные процессы могут объяснить многообразие определений понятия «мораль» и как мораль влияет на поведение человека в естественной среде.

Как исследователей нас интересует ответ на резонный вопрос. Как же обстоят дела с ценностями в бизнес-сфере? В своей повседневной жизни мы используем такие понятия, как «честность», «свобода», «безопасность», «доверие», «сострадание» и т.д. В рабочей среде мы оперируем такими понятиями, как «эффективность», «производительность», «справедливость», «лояльность» и т.д. Все это и есть ценности. Причем в разных сферах жизни (семья, работа, экономика, политика, и т.д.) у человека формируются определенные ценности, которые вместе образуют систему ценностей. У каждого человека эта система ценностей своя. Так же и в бизнесе: любая организация имеет определенный набор правил, норм и стандартов (ценностей), согласно которым она осуществляет свою деятельность.

Однако в бизнесе ценности двойки [12]. Есть ценности, которые определяют организацию, и ценности, которые определяют ее сотрудников как личностей. Ценности первого уровня служат для того, чтобы показать кругу заинтересованных сторон (внутренних и внешних), что такое организация. Они также имеют тенденцию влиять на культуру и климат на рабочем месте. Ценности второго уровня лежат в основе поведения сотрудников, они направляют их и руководят процессом принятия решений. Все сотрудники организации довольны и не имеют конфликтов (внутренних и внешних), когда придерживаются собственных ценностей и ценностей своей компании. В этом заключается ценность ценностей.

Когда все сотрудники компании работают и руководствуются своими и организационными ценностями, они могут уменьшить сложности, связанные с деятельностью бизнеса, сократить усилия, прилагаемые для достижения нужного результата, и избежать стресс на рабочем месте. Ценности организации и каждого сотрудника, при условии их совместимости, представляют собой надежную и направляющую основу, которую можно использовать для корректировки собственных действий, целей и решений. Как показывает практика, это очень прозрачный и действенный способ работы [12].

Прозрачность в работе оказывает сильное положительное влияние на всех уровнях бизнес-деятельности:

- она фокусирует внимание непосредственно на правила, в соответствии с которыми необходимо работать и руководить;

– она распространяется на всех участников бизнеса, от низшего персонала и руководящего звена до других заинтересованных лиц, которые получают более четкое и предсказуемое представление о бизнесе;

– она объясняет выбор тех или иных бизнес-решений и поведение руководства. Другими словами, такой способ ведения бизнеса помогает избежать путаницы, конфликтов, ненужных выяснений отношений и долгих обсуждений многих вопросов.

Изменение ценностей касается всех аспектов нашей жизни. В современном обществе эти изменения, кажется, происходят практически мгновенно, без каких-либо предупреждений и предпосылок. Например, новый экономический, технологический, политический или общественный прорыв (или срыв) может произойти всего за одну ночь. При этом ценности могут меняться или развиваться с ранее неизвестной скоростью. Рассмотрим некоторые такие изменения, произошедшие в бизнес-сфере.

Эволюция управленческих ценностей отражает тот факт, что изменения происходят в ценностных ориентирах руководителей организаций, которые начались еще в 1800-х годах и закончились в 2000-е годы. Наличие сдерживающих факторов в этом процессе говорит об изменениях в отношении к окружающей организационной среде и деловой этике. То есть можно сказать, что фокус руководителей компаний сместился от строгой трудовой этики и банковских отчетов непосредственно к самой работе и балансу между карьерой и семейной жизнью, от необходимости к удовольствию, от авторитарной власти к расширению прав и возможностей, от структуры к гибкости, от строгости к творчеству, от просто знаний к возможности зарабатывать на знаниях в течение всей жизни.

Что касается потребителей, то глобализация, прогресс в области коммуникационных технологий и образования, конкуренция между бизнес-организациями также способствовали изменению их ценностей: от соотношения «цена-качество» к «ценность-качество». Так, известный американский предприниматель Дж. Элкингтон подчеркивает, что сегодня люди ищут вещи, с которыми они могут идентифицировать себя, вещи, частью которых они хотели бы быть, вещи, которые заставляют их чувствовать себя лучше. И именно в контексте таких рыночных отношений ценность приобретает особое значение [13]. Другими словами, то, за что выступает та или иная

организация, становится важнее того, что она продает. С другой стороны, потребители сегодня находятся в гораздо лучших условиях, чем когда-либо — они могут использовать свою покупательскую способность для выражения собственных ценностей. Например, в современном мире потребитель уделяет больше внимание ответственному потреблению (покупка экотоваров, использование многоразовых продуктов и т.д.), а не потребительским правам.

Видя это, организации сменили свое «глобальное представление о потребителе», сформировавшееся еще в 1990-х годах, на «представление о гражданах мира». Меняющиеся потребительские ценности показывают владельцам бизнеса не только то, что люди хотят купить сегодня, но и как, и почему они хотят это купить, а также прогнозируют их будущие покупки. Возможно, если бы организации оценили бы концепт «ценность-качество», а не «цена-качество» раньше, недавнего финансового кризиса могло бы и не случиться.

Если говорить конкретно о личностях, то можно сказать, что ключевые ценности человека могут меняться в зависимости от того, где он находится и что делает на протяжении всей своей жизни. Например, на вершине ценностной пирамиды будут находиться семья и безопасность, пока человек создает семью и растит маленьких детей. Как только дети вырастут и уйдут из дома, приоритет ценностей может измениться. С похожей ситуацией сталкиваются сегодня руководители компаний, в подчинении которых оказываются новые «виды сотрудников» [14], чьи фундаментальные ценности и желания, в том числе в отношении работы, постоянно меняются. То есть стремления таких сотрудников сводятся к достижению большего баланса между работой и личной жизнью, к получению более гибких условий труда, к развитию навыков, к гармонии и т.д. При этом различия в ценностях между поколениями в последнее время вызывает огромный интерес у самых разных социальных групп, в том числе и у руководителей бизнес-сферы. Эти различия соответствуют нескольким поколениям, которые можно классифицировать как минимум в 4 группы по году рождения [14]:

Бэби-бумеры (1946–1964 гг.)

Поколение X (1965–1979 гг.)

Поколение Y (1980–1994 гг.)

Поколение Z (1995–2009 гг.)

И хотя последнее поколение еще не представляет собой самую активную рабочую силу, оно имеет свои

специфические отличия и подчеркивает имеющиеся различия между поколениями. Это современная молодежь, рожденная в мире смартфонов, свободного доступа к интернету и изменчивости технологий. Она предпочитает получать информацию из поисковых систем, прокладывать маршрут с помощью навигатора, а товары, услуги оплачивать через веб-сайты. Люди поколения Z — опытные пользователи и потребители, знающие, чего хотят. Поколение называют «думающие исполнители». Они ценят физический и психологический комфорт, персональную свободу, ценят преобладающий тип виртуальной коммуникации над реальным. «Клиповое мышление» — это именно про них. Среди профессиональных качеств, отличающих их от предыдущих поколений, самоуверенность и амбициозность, высокая креативность, способность к оригинальным решениям, к анализу больших объемов информации, мультизадачность. В отличие от миллениалов, для Generation Z несвойственно антиобщественное поведение. Они не злоупотребляют алкоголем, наркотиками — грамотно распоряжаются свободой личности, предпочитают здоровый образ жизни и активно пропагандируют высокую социальную ответственность, получив эпитет «зелёного поколения». Поколение бэби-бумеров, которое родилось после войны, показывает своим примером, что диплом престижного вуза не дает гарантий трудоустройства, достойной зарплаты. Вместо формального обучения молодежь выбирает личную образованность, знания, которые пригодятся в жизни, в том числе и в бизнес-сфере.

Результаты исследования

Социальные ценности выражают то, что важно для нас в нашей жизни и в сфере бизнеса. Ценности создают некий фокус, определяют наши предпочтения и приоритеты. Ценности позволяют нам понять лежащие в их основе мотивы, убеждения и предположения, которые влияют на наши решения и поведения. Таким образом, они определяют качество практики управления в организациях (например, показатели «ноль дефектов», должная осмотрительность). Неприоритетные ценности могут создавать конфликты в организациях. И поскольку руководители компаний руководствуются ценностями, ценности организации являются ее истинным руководителем. Согласно Хендерсону и Томсону [15], ценности — это ДНК любой компании, поскольку они обеспечивают встроенные коды культуры, которые отражают то, что происхо-

дит внутри компании и почему. И если согласование ценностей или их корректировка, как правило, всегда приводит к увеличению производительности, то конфликт ценностей может привести к лучшей производительности лишь в некоторых случаях.

Одно из самых распространенных утверждений о влиянии ценностей гласит, что ценности на работе влияют на поведение отдельных лиц и групп. Эффективность организации увеличится, если руководители поймут поведение своих сотрудников. Но поскольку до конца понять все факторы, влияющие на поведение людей невозможно, в качестве ключевого элемента, определяющего поведение и выступление отдельных лиц и групп, были приняты культурные ценности (П. Сперроу и П. Ву [16, pp. 26–56], Б. Герхарт [17, pp. 259–274]; А. Чандракумара и С. Сеневиранте [18, pp. 364–389] и др.). Если руководителям известны ценности, которыми руководствуются сотрудники, и как они влияют на поведение других людей, то знания и понимание могут быть использованы для прогнозирования их будущего поведения и принятия соответствующих решений в отношении управленческих практик и достижения желаемых поведенческих и производственных результатов. Также было замечено, что многие важные решения в организациях основываются главным образом на ценностях руководителей, а не на рациональном анализе ситуации.

Современные бизнес-практики, такие как «due diligence», «нулевой дефект» или «гарантия возврата денег» перестанут существовать без ценностей. А значит, ценности определяют качество и методы управления. Согласно исследованиям Дж. Иззо и П. Уитерс [19], ценности помогают максимально раскрыть наши сильные стороны и способствуют созданию высокой производительности и высокой самореализации в работе и жизни. Именно поэтому авторы считают ценности, связанные с работой, уникальными человеческими ресурсами, способными создавать конкурентные преимущества.

Например, нормы культурных групп могут подталкивать сотрудников к тому, чтобы они помогали друг другу в случае необходимости: личные стремления сотрудничать находятся под влиянием ценностей, взятых из более широкой культуры и помещенных в сознание людей. Сложная взаимосвязь между ценностями, практикой управления, а также поведенческими и производственными результатами требует от руководителей изучения и понимания ценностей

сотрудников и их влияния на организационные элементы. Достигнуть этого можно путем изучения влияния на ценности и их воздействия с разных точек зрения. Это будет также включать в себя взаимное влияние управленческой практики в отношении ценностей, поведения и эффективности сотрудников, а также влияние соответствия или совпадения ценностей между ценностями управленцев и ценностями других над поведением и производительностью сотрудников.

Роль ценностей в организациях можно рассмотреть с трех различных точек зрения [20, р.81–89]: влияние ценностей как независимая переменная; влияние ценностей как руководящей переменной; влияние ценностей как зависимой переменной.

Влияние ценностей как независимой переменной — это наиболее общепринятая и используемая точка зрения в области управления и организационного поведения, которая основывается главным образом на утверждении, что национальные культурные ценности влияют на управленческие практики, сотрудников, поведение руководителей и их эффективность. Таким образом, это влияние может быть выявлено в отношении следующих ключевых областей управления.

а) Влияние ценностей на общие принципы и практику управления. Например, планирование как общий принцип управления находится под влиянием ценности будущей ориентации [17, pp. 259–274]. Степень будущей ориентации может быть как краткосрочной, так и среднесрочной или долгосрочной, в зависимости от человека, группы или общества, которые придерживаются этой конкретной ценности. То есть люди или общества с долгосрочной ориентацией, как правило, строят долгосрочные планы, в то время как ориентированные на краткосрочность люди или общества склонны делать вещи ситуативно или полагаться на кратковременную выгоду от того, что они делают. Таким образом, организации, ориентированные на долгосрочную перспективу, как правило, вкладывают больше средств в таких областях, как исследования и разработки, обучение и развитие сотрудников, чем краткосрочные организации. Аналогично, задачи и вся деятельность организации может быть организована в высокой или плоской структуре, в зависимости от «дистанции власти» и иерархии людей. Руководители, находящиеся на расстоянии большой власти, склонны создавать высокие орга-

низационные структуры, что позволяет им поддерживать дистанцию (разрывы) в отношениях между вышестоящими и нижестоящими по иерархической лестнице сотрудниками.

б) Влияние ценностей на фактическое управление персоналом. Например, некоторые исследователи (З. Айкен [21, pp. 219–227], П. Будвар и И. Дебра [22] и др.), обнаружили, что такие функции управления человеческими ресурсами, как найм персонала, социализация, обучение и повышение квалификации основываются на культурных ценностях разных стран. Это говорит о том, что все они связаны с ценностью будущей ориентации и признанием ценности людских ресурсов конкретным обществом и организацией.

в) Влияние ценностей на предпочтения людей в управленческой практике. Так, научные исследования показывают, что национальная культура и трудовые ценностные ориентиры на индивидуальном уровне легко прогнозируемы в своих предпочтениях для создания и разработки кадровой политики. Например, «активность мышления» и низкая иерархия ценностей подталкивают к принятию решений и расширению кадров [18, pp. 364–389].

г) Влияние соответствия (схожести) ценностей на поведение и результаты деятельности. Исследования показывают (Б. Меглино, Равлин И., Адкинс К.) [23, pp. 424–432.], что сходство между ценностями сотрудников и ценностями компании способствует получению большей удовлетворенности от рабочего процесса, увеличивает коэффициент вовлеченности и, наоборот, снижает уровень конфликтности и текучки кадров.

д) Влияние ценностей на поведение и результаты деятельности. Доказано, что существует видимая связь между внутренними ценностями сотрудника и его удовлетворенностью работой, между ценностями и рабочими потребностями, а, соответственно, и производительностью [24, pp. 26–56]. Например, более успешные руководители придерживаются таких ценностей, как прагматизм, опыт, престиж, активные действия, а менее успешные менеджеры — пассивность, безопасность, удовольствие.

Влияние ценностей как руководящей переменной. Данная точка зрения подразумевает, что эффективность таких управленческих мер, как постановка целей и задач, возможность карьерного роста, система оплаты труда, основанная на производительности рабочей силы и т.д., в значительной степени зависят

от (или модерируются) культурных ценностей. Однако надо учитывать, что, например, в коллективистском типе общества, где каждый индивидум склонен соблюдать интересы группы, индивидуальное вознаграждение, скорее всего, окажется непродуктивным методом, поскольку оно будет направлено на выделение конкретной личности, а не коллективного «я». Отсюда можно заключить, что культурные и трудовые ценности играют некоторую сдерживающую роль в определении эффективности управленческих мер, поэтому их понимание при внедрении руководителем методов работы и оценке эффективности сотрудников является очень важным.

Влияние ценностей как зависимой переменной. В целом эта точка зрения показывает, как организационная практика влияет на ценности. Например, должности, которые подразумевают работу с новыми идеями, разработками или связаны в основном с интеллектуальной деятельностью, будут способствовать формированию внутренних трудовых ценностей более высокого уровня. Это означает, что трудовые ценности легко изменить с помощью изменения методов работы, например, посредством расширения персонала или продвижения по карьерной лестнице. При этом пол, возраст, образование, вознаграждения, личные профессиональные результаты являются определяющими факторами в формировании внутренних и внешних трудовых ценностей сотрудника. Кроме того, на ценности также может влиять поведение самого человека и/или поведения других людей, окружающих его на работе. Таким образом, воздействие ценностей в качестве зависимой переменной может привести к принятию практикой управления человеческими ресурсами метода наблюдения за своим поведением и поведением других на работе.

Выводы

Так каким же образом руководителям в современных реалиях принимать решения для достижения успеха, возникший вопрос требует немедленного практического разрешения. Они могут изменять или модифицировать систему управления и свою управленческую деятельность в соответствии с ценностями и системой ценностей сотрудников, компании и их культуры. Они могут способствовать изменению рабочих ценностей сотрудников в соответствии с требованиями управленческой и производственной практики и организационной культуры. Они могут даже попытаться изменить восприятие управлен-

ческой практики сотрудниками. И характер такого управленческого решения будет зависеть от ряда критериев. В результате проведенного исследования авторы приходят к следующего рода выводам.

Связь между ценностями и управленческими практиками и их последующим влиянием на поведение и производительность сотрудников. То есть руководители при разработке и пересмотре своей управленческой деятельности могут учитывать ценностные ориентиры сотрудников (наряду с другими факторами), при этом обращая внимание на то, чтобы эта деятельность соответствовала ожиданиям сотрудников. Изменить ценности можно как посредством обучения и дополнительного развития кадров, так и с помощью повседневных практик и влияния сверстников (коллег). Также ценности можно изменить или модифицировать путем принятия некоторых управленческих и производственных мер (перепрофилирование рабочих мест, расширение персонала и т.д.)

Соответствие ценностей сотрудников ценностями организации и влияние этого соответствия на поведение и конечный результат деятельности. Здесь очевидно, что люди с большей вероятностью будут выбирать рабочие места, содержание ценностей которых аналогично их собственным ценностным ориентирам. Также есть все основания полагать, что ценности будут способствовать успеху и высокому уровню эффективности только в тех случаях, когда ценности индивида соотносятся с требованиями его работы. И поскольку требования к работе в основном представлены в критериях отбора, оценке работы, обучении и развитии, продвижении по службе, а также в других организационных процессах и практиках (работа в команде, контроль, коммуникативное лидерство и т.д.), руководители могут учитывать ценности сотрудников при определении и установлении этих стандартов и практик. Один из важных практических вопросов, имеющих к этому отношение, заключается в том, что должны ли ценности всегда рассматриваться в контексте организации. Скорее всего, нет. Люди могут придерживаться ценностей, которые противоречат ценностям, присущим общей культуре организации. Однако ценностный конфликт гораздо более чувствителен и критичен, чем любая другая функциональная область, касающаяся управление в отношении поведенческих и производственных результатов сотрудников и руководителей. Так, одни исследователи отмечают, что более чем любая дру-

гая бизнес-функция, практика управления людскими ресурсами тесно связано с национальными культурными ценностями. С другой стороны, другие авторы отмечают, что, хотя высокий уровень пригодности может быть желательным для сотрудников более низкого уровня, руководители более высоких уровней должны быть выбраны для «разнородности». А, например, «неудачники» особенно важны уже на последующих этапах созревания организации, когда упадок может быть вызван застоем [20, p.85].

Степень выраженности ценностных ориентаций (может быть измерена с помощью рейтинговой шкалы) и ее влияние. Один из способов использования этого критерия — это понимание ценностных ориентаций сотрудников в целом. Если среднее балл определенной ценностной ориентации в конкретной выборке находится в крайних позициях (т.е. очень важен или совсем неважен), для руководителя это сигнал к тому, что данную ценность необходимо рассматривать как основную или ненужную в вопросах адаптации практики управления организацией, персоналом. Этот показатель в дальнейшем также можно проанализировать посредством изучения воздействия демографических факторов или других индивидуальных характеристик. Например, если пол или категория занятости имеет влияние на конкретную ценность работы, она не может рассматриваться в качестве одной из основных культурных ценностей. Это понимание может быть использовано для модификации или изменения индивидуальных ценностных ориентаций в работе с помощью эффективных программ социализации и обучения и/или внесения

соответствующих изменений в политику и практику управления.

4) Относительная важность ценностей и как она используется лицами, принимающими решения. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ценностные приоритеты особенно важны на организационном уровне, поскольку они могут быть применены для определения целей там, где, например, высоко ценятся личные амбиции и успех. Кроме этого, они играют важную роль в принятии решений о способах инвестирования коллективных ресурсов (богатство, справедливость и т.д.) с точки зрения производительности, социальной ответственности, инновационности, а также в принятии решений о том, как оценивается эффективность организации.

Опираясь на результаты современных социологических исследований ценностей, можно с уверенностью сказать, что ценности являются уникальным человеческим ресурсом, создающим конкурентное преимущество в организации. Однако для достижения положительных результатов в бизнесе и руководители, и сотрудники должны четко понимать изменения структуры ценностей под воздействием различных факторов, в том числе относящихся к разным поколениям, и, соответственно, приспосабливаться и адаптировать к ним все процессы функционирования компании. Несмотря на существование большого количества исследовательских работ по данной проблематике, вопрос влияния социальных ценностей на практику управления по-прежнему остается актуальным и открытым для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Jaspers E. Values // 2016. <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0182.xml#obo-9780199756384-0182-bibItem-0001>
2. Parsons T. The place of ultimate values in sociological theory // *International Journal of Ethics*, 1935. P. 282–316.
3. Rokeach M. The nature of human values, New York: Free Press, 1973. 438 p.
4. Schwartz S. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1), 2012. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
5. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations, 2d ed., Thousand Oaks, CA: SAGE, 2001. 596 p.
6. Lee J. A. Schwartz Values Clusters in the United States and China // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 42m 2011. P. 235–236.
7. Smith P., Dugan S. National culture and the values of organizational employees: A dimensional analysis across 43 nations // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1996. P. 231–264.
8. Fischer R., Poortinga Y. H. Are cultural values the same as the values of individuals? An examination of similarities in personal, social and cultural value structures // *International Journal of Cross Cultural Management*, 2012. P. 157–170.

9. Inglehart R. The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics, Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1977. 482 p.
10. Hitlin S., Piliavin J. Values: Reviving a dormant concept. // *Annual Review of Sociology* (30), 2004. P. 359–393.
11. Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality // *Annual Review of Sociology* (39), 2013. P. 51–68.
12. Sime C. The power of values in leadership // 2019. <https://www.forbes.com/sites/carleysime/2019/02/15/the-power-of-values-in-leadership/#6df914036f76>
13. Elkington J. *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business*, Oxford: Capstone Publishing, 1997. 338 p.
14. McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations // 2018. https://www.researchgate.net/publication/328347222_The_ABC_of_XYZ_Understanding_the_Global_Generations
15. Henderson M., Thomson, D. *Values at work: the invisible threads between people, performance and profit*, Harper Collins Publishers, Auckland, 2003.
16. Sparrow P., Wu P. How much do national value orientations really matter? Predicting HRM preferences for Taiwanese employees, *Employee Relations*, 20 (1), 1998. pp. 26–56.
17. Gerhart B. Cross-cultural Management Research: Assumptions, Evidence, and Suggested Directions // *International Journal of Cross-Cultural Management*, 8 (3), 2008. pp. 259–274.
18. Chandrakumara A., Sparrow P. Exploring Meaning and Values of Work Orientation as an Element of National Culture and Its Impact on HRM Policy-Practice Design Choices // *International Journal of Manpower*, 25 (6), 2004. pp. 364–389.
19. Izzo, J., Withers P. *Values Shifts: Recruiting, Retaining, and Engaging Multigenerational Work Force* (2nd Ed.), Fair Winds Press, Lions Bay, BC. 2007.
20. Chandrakumara A. Value of values for practicing managers and leaders // *Problems and Perspectives in Management*, Volume 9, Issue 2, 2011. P. 81–84.
21. Aycan Z., Kanungo, R., Mendonca M., Yu K., Deller, J., Stahl, G., Khursid, A. Impact of Culture on Human Resource Management Practices: A Ten Country Comparison // *Applied Psychology: An International Review*, 63 (2), 2000. pp. 219–227.
22. Budhwar P. Debrah Y. *Human Resource Management in Developing Countries*, Rutledge, London. 2001.
23. Meglino B., Ravlin E., Adkins, C. A work values approach to corporate culture: a field test of value congruence process and its relationships to individual outcomes // *Journal of Applied Psychology*, 74 (3), 1989. pp. 424–432.
24. Sparrow P., Wu P. How much do national value orientations really matter? // *Predicting HRM preferences for Taiwanese employees*, *Employee Relations*, 20 (1), 2008. pp. 26–56.

Информация об авторах

Елена Григорьевна Карпова, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и рекламных коммуникаций, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Россия

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, тел: +7 (495) 811–01–01

Email: pedagogikanet@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4062-8957>

Елена Сергеевна Гуренко, аспирант кафедры социологии и рекламных коммуникаций, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Россия

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, тел: +7 (495) 811–01–01

E-mail: ges1000@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2237-4033>

E. S. GURENKO¹E. H. KARPOVA¹¹ Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia

IMPACT OF SOCIAL VALUES ON MANAGEMENT PRACTICES

Abstract

Objective: to determine the impact of social values on management practices in the modern economy system.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: basing on the analysis of scientific sociological literature and sources, the background of the emergence of research interest in the study of axiological problems in the modern world, as well as the specifics of the study of social values at the individual, organizational or public level are revealed, the universal systems of social values of modern authors engaged in this problem study are justified; the sources of transformation processes in the system of values in business at the present stage, including in the organizational environment, are determined; the significance of social values for the modern management practice of organizations is determined; the observed changes in values and management decisions based on value-based regulations creating a potentially favorable platform for studying mutual interaction between social structural positions and individual functioning, management decision making and management practice in organization environment as a whole are fixed. It is justified that globalization processes, growing dynamics in communication technologies and education, as well as competition between business organizations have also contributed to a change in their values: from „quality-price“ to „valuableness-quality“.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the impact of social values on management practices in the system of organizational management in the modern economy.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and practical management activities in addressing the issues of ensuring the effective impact of social values on management practices in organizations, which will undoubtedly have a positive impact on the national economy.

Key words: values; management practices; modern economy; structural modernization.

References

1. Jaspers E. Values // 2016. <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0182.xml#obo-9780199756384-0182-bibItem-0001>
2. Parsons T. The place of ultimate values in sociological theory // International Journal of Ethics, 1935. P. 282–316.
3. Rokeach M. The nature of human values, New York: Free Press, 1973. 438 p.
4. Schwartz S. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture, 2(1), 2012. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
5. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations, 2d ed., Thousand Oaks, CA: SAGE, 2001. 596 p.
6. Lee J. A. Schwartz Values Clusters in the United States and China // Journal of Cross-Cultural Psychology, vol. 42m 2011. P. 235–236.
7. Smith P., Dugan S. National culture and the values of organizational employees: A dimensional analysis across 43 nations // Journal of Cross-Cultural Psychology, 1996. P. 231–264.
8. Fischer R., Poortinga Y. H. Are cultural values the same as the values of individuals? An examination of similarities in personal, social and cultural value structures // International Journal of Cross Cultural Management, 2012. P. 157–170.
9. Inglehart R. The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics, Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1977. 482 p.
10. Hitlin S., Piliavin J. Values: Reviving a dormant concept. // Annual Review of Sociology (30), 2004. P. 359–393.

11. Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality // *Annual Review of Sociology* (39), 2013. P. 51–68.
12. Sime C. The power of values in leadership // 2019. <https://www.forbes.com/sites/carleysime/2019/02/15/the-power-of-values-in-leadership/#6df914036f76>
13. Elkington J. *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business*, Oxford: Capstone Publishing, 1997. 338 p.
14. McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations // 2018. https://www.researchgate.net/publication/328347222_The_ABC_of_XYZ_Understanding_the_Global_Generations
15. Henderson M., Thomson, D. *Values at work: the invisible threads between people, performance and profit*, Harper Collins Publishers, Auckland, 2003.
16. Sparrow P., Wu P. How much do national value orientations really matter? Predicting HRM preferences for Taiwanese employees, *Employee Relations*, 20 (1), 1998. pp. 26–56.
17. Gerhart B. Cross-cultural Management Research: Assumptions, Evidence, and Suggested Directions // *International Journal of Cross-Cultural Management*, 8 (3), 2008. pp. 259–274.
18. Chandrakumara A, Sparrow P. Exploring Meaning and Values of Work Orientation as an Element of National Culture and Its Impact on HRM Policy-Practice Design Choices // *International Journal of Manpower*, 25 (6), 2004. pp. 364–389.
19. Izzo, J., Withers P. *Values Shifts: Recruiting, Retaining, and Engaging Multigenerational Work Force* (2nd Ed.), Fair Winds Press, Lions Bay, BC. 2007.
20. Chandrakumara A. Value of values for practicing managers and leaders // *Problems and Perspectives in Management*, Volume 9, Issue 2, 2011. P. 81–84.
21. Aycan Z., Kanungo, R., Mendonca M., Yu K., Deller, J., Stahl, G., Khursid, A. Impact of Culture on Human Resource Management Practices: A Ten Country Comparison // *Applied Psychology: An International Review*, 63 (2), 2000. pp. 219–227.
22. Budhwar P. Debrah Y. *Human Resource Management in Developing Countries*, Rutledge, London. 2001.
23. Meglino B., Ravlin E., Adkins, C. A work values approach to corporate culture: a field test of value congruence process and its relationships to individual outcomes // *Journal of Applied Psychology*, 74 (3), 1989. pp. 424–432.
24. Sparrow P., Wu P. How much do national value orientations really matter? // Predicting HRM preferences for Taiwanese employees, *Employee Relations*, 20 (1), 2008. pp. 26–56.

Information about the authors

Elena Hrihorievna Karpova, Doctor of Education, professor, Head of the Chair of Social Studies and Advertising Communications, Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia
Address: 33 Sadovnicheskaya Str., build. 1, Moscow, 115035, tel.: +7 (495) 811–01–01

Email: pedagogikanet@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4062-8957>

Elena Serheevna Gurenko, postgraduate student of the Chair of Social Studies and Advertising Communications, Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia
Address: 33 Sadovnicheskaya Str., build. 1, Moscow, 115035, tel.: +7 (495) 811–01–01

E-mail: ges1000@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2237-4033>

Contents

Study of art	3
<i>S.M. KRYKBAYEVA, G.A. ABDURAKHMANOVA, Z.M. ERMAGANBETOVA</i>	
CONTENT ARCHETYPES AND IMAGES IN THE WORKS OF SURREALISTS ARTISTS OF MODERN KAZAKHSTAN	3
Pedagogy	9
<i>E. V. MENZUL, S. V. IVANOVA, N. M. RYAZANTSEVA</i>	
THE PROBLEMS OF DISTANCE LEARNING IN VOCATIONAL EDUCATION AND WAYS OF THEIR SOLUTION	9
<i>B. H. KHAMUKOVA, Z. Z. SHKHAKHUTOVA, Z. K. BGUASHEVA</i>	
RESOURCE OPPORTUNITIES OF SUBJECT-DEVELOPING ENVIRONMENT IN SENSORY EDUCATION OF JUNIOR PRESCHOOLERS	20
Psychology	30
<i>S. N. MOROZYUK, I. A. GORBENKO, E. S. KUZNETSOVA</i>	
FEATURES OF REFLECTION OF SENIOR SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS IN THE CONDITIONS OF MODERN EDUCATION	30
Philology and linguistics	37
<i>E. S. KARPOV, E. G. KARPOVA</i>	
TRANSFORMATION PROCESSES IN THE COMMUNICATIVE SYSTEM OF LANGUAGE UNDER THE INFLUENCE OF MODERN MASS MEDIAL DISCOURSE	37
<i>S. O. KIPARISOVA</i>	
TO THE PROBLEM OF DIAGNOSTICS OF THE DEGREE OF DEVELOPMENT OF SEMANTIC READING SKILLS	45
<i>E. A. OGNEVA</i>	
LITERARY CONCEPTUAL DOMAIN AS KNOWLEDGE FORMAT	54
<i>O. A. SALTMAKOVA</i>	
LEXICO-SEMANTIC ORGANIZATION MOTIF OF WONDER IN STORY N. V. GOGOL «MAY NIGHT, OR THE DROWNED WOMAN»	61
Science of law	68
<i>E. R. GASUMOV, V. M. VELIYEV, R. A. GASUMOV</i>	
PROSPECTS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE GAS INDUSTRY OF AZERBAIJAN	68
Sociology	79
<i>E. S. GURENKO, E. H. KARPOVA</i>	
IMPACT OF SOCIAL VALUES ON MANAGEMENT PRACTICES.	79